

LE MESSENGER

ВЕСТНИК

РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО
ДВИЖЕНИЯ

115

ПАРИЖ — НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

№ 115

TRIMESTRIEL

I - 1975

LE MESSENGER

ВЕСТНИК

РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО
ДВИЖЕНИЯ

115

БИБЛИОТЕКА-ФОНД
«РУССКОЕ ЗАГУБЕЖЬЕ»
МОСКВА, НИЖНЯЯ РАДИЦЕВСКАЯ 2

ПАРИЖ — НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

№ 115

TRIMESTRIEL

I - 1975

ОТ РЕДАКЦИИ

К ЮБИЛЕЮ ПАТРИАРХА ТИХОНА

«...смиреник царственный»

О. Мандельштам.

В этом году исполняется полстолетие со дня смерти патриарха Тихона. За этот длинный срок образ его несколько не померк. В разброде сегодняшнего дня имя патриарха Тихона соединяет разрозненные части русской церкви и „патриаршую“ и „зарубежную“ и ту, что на Западе идет своим путём между двумя враждующими станами.

Тщетно допытываться какая из этих частей ближе к заветам патриарха: каждая может найти в нём себе оправдание. „Московская“ в приспособляемости его церковного курса, „зарубежная“ в его изначальной нестигаемости, „евлогианцы“ в сочетании того и другого.

Тщетно смотреть назад. Не оправдания в прошлом следует искать, а света для будущего, и не только для канонического устройства, а шире и выше, для того облика Христианства, который будет нужен новой России.

Патриарх Тихон соединял в себе всё то лучшее, что дало русское Православие. В страшные годы на высшем посту оказался не князь церкви, не властный учитель и водитель, а человек смиренный, отражавший лавину лжи, раздора и насилия прямою и простою. Перечтите ответы патриарха на допросе суда (*Вестник* № 103, стр. 111) — никакой рисовки, самоутверждения, спеси, наоборот, слова самые простые, смиренные, какие-то даже обнаженно-бесхитростные, но твёрдые, неотразимо-подлинные.

Бесстрашный для себя, патриарх не боялся ради других, ради общего блага, запятнать свою ризу, навлечь на себя упрёк в недостаточной твёрдости. Старательно он избегал всякого возможного отождествления Церкви с какой-либо политической линией будь то слева (жалкое приспособленчество живоцерковников) или справа (бессильные мечты Зарубежья о реставрации).

БИБЛИОТЕКА - ФОНД
 "РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ"
 Н. РАДИШЕВСКАЯ Д.2
 инв. 662

Глубоко укоренённый в православном предании, до мозга костей русский, патриарх Тихон был — и это, пожалуй, самое существенное, самое знаменательное — поразительно свободен от груза историко-национальных предрассудков. Будучи епископом в Америке, этот простой русский человек сумел вдохнуть в заграничные приходы разных национальностей дух вселенскости, кафоличности. В России преследования помешали ему провести в жизнь реформы, принятые или намеченные на Соборе: приходилось прежде всего обороняться от врагов внутренних и внешних. Но один пример раскрывает царственную свободу патриарха в управлении Церковью. Как легко, как просто принял он решение ввести новый стиль, который для многих до сих пор — камень преткновения и повод для отмежевания (см. стр. 115 настоящего номера). Как чётко различает он вопросы обряда, всегда подлежащего изменениям, от вопроса вероучения, всегда непреложного, ревнуя только о главном, о славе Божией и о благе паствы (ради единства паствы ему и пришлось отменить введение нового стиля, хотя он и считал реформу целесообразной).

Вот такой „тихоновской“ да будет Церковь в будущей России: простой, смиренной и народной, свободной не только от гнёта государств (гнет внешний и не единственный), но внутренне свободной от груза истории, от византийской пышности, от тяжеловесности обряда и обрядоверия, когда временное принимается за вечное, от провинциализма и связанных с ним фанатизма и сектантского духа, пусть будет Церковью, такой, какой её олицетворял блаженной памяти патриарх Тихон, коренной и истой, но благодатно-творческой, со вселенским дыханием и дерзанием.

Никита Струве

Богословие, Философия

Свящ. Сергей ЖЕЛУДКОВ

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ХРИСТИАНСТВА

(Из личной переписки)

От Редактора. Ф. Бэкон заметил, что час беседы иногда приносит больше, чем целый день уединенных размышлений. Сегодня он мог бы сказать: больше, чем месяц, чем год, чем вся жизнь в склерозе идейного обмена. В этой подшивке — опыт тематической переписки о самом важном на свете. Не всё уцелело. Некоторые письма изъяты по воле их автора. Сокращения внутри писем сделаны только там, где текст не имеет совсем уж никакого отношения к данной проблеме. Все темы остаются открытыми для дальнейшего обсуждения и могут быть открыты новые темы. Опыт может быть удачен, если будет иметь продолжение.

1. ХРИСТИАНСТВО ДЛЯ ВСЕХ

Дорогой Б.! Призываю Божие благословение на наш общий труд — переписку о проблемах современного Христианства. Как мы условились, я изложу сначала мои соображения на тему «Христианство для всех»; но разумеется, что круг вопросов может быть в дальнейшем расширен и остаётся открытым для всех, кто пожелает принять участие в этой работе. Для меня драгоценна возможность такого общения с людьми, которые соединяют в себе свежесть восприятия Христианства с высокой интеллигентностью. Со своей стороны могу дать полезные справки из церковного опыта; но в других отношениях Вы увидите во мне довольно-таки «простого» человека нашего времени. Что ж, именно в таких сочетаниях может быть свой смысл. Главная опасность, которая нам угрожает — изобретение велосипедов. При недостатке информации это неизбежно; но, продолжая сравнение — ведь надо же нам ехать!..

Приступив к делу с надеждой, что в свободной дружеской дискуссии восполнены будут мое неумение и глубокое личное мое недостоинство.

ХРИСТИАНСТВО ДЛЯ ВСЕХ — так можно назвать проблему универсальности Христианства. В обычном значении слова наше Христианство — не для всех. Христианство есть **вера** — вера в Божественность Иисуса Христа. Из этого происходит и с этим связано всё остальное в христианской религии. Если бы кто-то сегодня совсем не знал Символа веры и других наших догматов, но исповедал веру в Божественность Христа — надо было бы назвать этого человека христианином. Христианская вера родилась в чуде Воскресения и в чудотворном воздействии Божественной благодати. В дальнейшей истории Христианства вера в Божественность Христа передавалась в «доверии» (пользуюсь Вашим термином) — в церковном воспитании, семейном и литургическом, в народно-бытовой религиозности, соединяясь с личным душевным опытом человека, часто снижаясь до только привычного холодного исповедания, иногда же вспыхивая в озарениях непосредственной интуиции. Известные нам два выдающихся священника достойно представляют Христианство наследственной веры. Яркий пример **нового** обращения в христианскую веру — митрополит Антоний (Блум), как он сам свидетельствовал об этом на лекции в Московской Духовной Академии 2 декабря 1966 года. Мальчик было 15 лет, он не верил, активно не верил в Бога. Случайно ему пришлось поневоле прослушать неудачное выступление священника. Дальше цитирую стенограмму:

«... Опыта с молодежью у него не было никакого, хотя богослов он был очень большой. И то, что он нам говорил, меня так глубоко возмутило, такое негодование вызвало, что когда он кончил, я и не думал оставаться с товарищами, а решил прямо ехать домой и попробовать удостовериться, на самом ли деле Христос — то, что он говорил, и на самом ли деле христианство — та отвратительная, мерзкая, противная вещь, которую он нам описывал. И я ехал с очень глубоким чувством ненависти ко всему. Вернувшись домой, я спросил мать, есть ли у нас Евангелие, которое она мне дала, отправился в свой угол и, не ожидая ничего доброго всё равно от Евангелия, решил прочитать главы и прочесть самое короткое, — и поэтому начал

читать Евангелие от Марка. И вот тут я вам не могу объяснить, что случилось. Кто знает — поймет, а кто не знает — все равно не поймет. Случилось то, что между первой и третьей главой Евангелия от Марка, пока я читал, мне стало совершенно конкретно ясно, что по ту сторону моего стола стоит Живой Христос. Когда у нас был диспут в нашей молодежной группе, куда я пригласил председателя Союза Безбожников Англии, он мне сказал, что если вы верующий, значит вы сумасшедший; может быть, и вы скажете, что такой подход не объясняет ничего. Он не объясняет. Это просто факт моей жзни, и это, что случилось тогда, осталось при мне и до сих пор. Это совершенно ясное сознание, что **Он тут**, более реальный, чем эта кафедра или что бы то ни было другое. Ну, а дальше — дальше это уже было не приобретение веры, а только какой-то пир...

Это же необычайное свидетельство зафиксировано в автобиографическом интервью митрополита Антония (помещено в книге «Школа молитвы», перевод с английского):

«... Едва я начал читать и еще не дошел до третьей главы, я вдруг почувствовал около моего стола некое **Присутствие**. И чувство, что это был Христос и стоял тут, было так остро и сильно, что уже никогда не покидало меня. Это и был настоящий поворотный пункт. Христос жив, и я знаю, что Он приходил ко мне, и потому могу сказать с уверенностью, что всё, сказанное в Евангелии о распятии Пророка из Галилеи — истинная правда, — и центурион понял правду: «истинно Человек сей был Сын Божий»...

Ясно, что не чтение Евангелия само по себе было причиной такого события. Другой может сколько угодно перечитывать эти три главы по Марку — и не ощутить никакого Присутствия. Нет, здесь совершилось особенное действие Божественной благодати, и это было принуждающее откровение, нечто подобное обращению Савла. Так это и понял сам митрополит Антоний: «... Я столкнулся с Богом, мне некуда было от Него уйти, когда я просто, ну, ударился об Него» (стенограмма). «Невероятный факт Воскресения из мертвых обладал для меня большей достоверностью, чем любое историческое событие. Истории я должен был **верить**, а Воскресение я **знал**, как достовернейший из фактов» (интервью). Здесь мы имеем выдающийся пример, когда вера является воистину

«уповаемых извещением, вещей обличением невидимых» (к Евреям, гл. II). Такая в сущности принуждающая вера-знание, вера-уверенность есть особенный дар благодати, избрание, призвание. «Он имел одно виденье, непостижное уму»... Ответом мальчика была вся жизнь, посвященная служению. Я говорил Вам об одном моем недоумении по этому поводу, но оно не меняет существа дела.

Для нашего времени это был совершенно исключительный случай. Обычно у нас — гораздо более свободная, но зато и весьма «хрупкая» (выражение М.) интуиция Божественности Христа. Было бы чрезвычайно интересно услышать, а еще лучше — прочитать рассказы о своих обращениях христиан нашего времени. О себе могу засвидетельствовать, что в моей наследственной вере неразлично совмещаются кое-какие личные интуиции и богатство церковного опыта. В общем должен сказать, что я уже просто не мог бы, органически не мог бы отнестись ко Христу, как **только** к святому человеку. Для меня Он — **«человеческое лицо Бога»**... Это таинственно, невыразимо.

Но есть у меня недоумения, и временами меня очень смущают некоторые моменты земного, человеческого **уничужения** Иисуса Христа. Речь не о **внешнем уничтожении**. Начиная с Ясель, оно трогательно бесконечно и может явиться источником благоговейного подъема духа. Но в Евангелиях записаны и такие признаки **душевной** ограниченности, что ли, Иисуса, которые никак не вписываются в наш религиозно-поклоняемый образ Божественного Человека. Это некоторые черты еврейского национализма, а также и несбывшиеся предсказания о том, что вместе с разрушением Иерусалима последует Второе Пришествие и космическая катастрофа. Учитель выступает против личного богатства, против законнической Субботы, против торговли в храме; но Он не осуждает института рабства, кровавых иудейских жертвоприношений. Не нужно быть вегетарианцем, чтобы ощутить всю соблазнительность предположения, что у Христа на земле не было чувства сострадания к животным (заклание ягненка для Тайной Вечери, рыбная ловля, ставшая столь недостойным символом христианской проповеди). Правда, можно возразить, что самый дух евангельских поучений ведет к безграничному милосердию, а стало быть и к уничтожению рабства и кровавой жертвы. Можно предположить также и то, что были в отдельности верные предсказания о разрушении Иерусалима и о Втором Пришествии, а в предании они слились... Мы

готовы скорее усомниться в точности Евангелий, чем в личном все-совершенстве Иисуса. В целом, повидимому, надо все же признать что мы не отдаем себе отчета во всей подлинности земного уничтожения Христа и недостаточно оцениваем всю безмерную значительность того События, которое **разделяет** состояние уничтожения и состояние славы нашего Господа. **Воскресение Христово** — это и было Освобождение от всякой человеческой, местно-исторической, **душевной** ограниченности, Восшествие в Божественную славу одесную Отца. Туда ведь и направлена сегодня наша молитва.

В размышлениях о Христе мы непроизвольно смешиваем состояние уничтожения и состояние славы. Такое же смешение произошло и в самих Евангелиях, написанных в обратном свете Воскресения. Если принять, по Евангелиям, что Христос на земле действительно **сознавал** Свою Божественность, действительно **предвидел** Свое Воскресение — то ведь тогда все Его **человеческие** переживания, искушения, страдания оказываются просто **иллюзорны!** Но в Евангелиях сохранилось свидетельство о совершенно **человеческом** Самосознании Иисуса — Его ответ богатому юноше: «Что ты называешь Меня благим? Никто не благ, как только один Бог» (по Матфею, гл. 19, по Марку — гл. 10, по Луке — гл. 18). Так сокрыта, так **принижена** была в человеческом Самосознании Христа Его Божественность. Вспоминается пророчество: **«Род же Его — кто изъяснит?»** (Исайя, гл. 53). Что и говорить — тайна Личности Христа сверхразумна.

В определенном смысле можно сказать, что сами Евангелия есть уничтожение Христа. Говорю это, конечно, не о литературной форме. Оскар Уайльд написал в «ДЕ ПРОФУНДИС»: «... Венчание венцом терновым — удивительнейшее событие в книгах всего мира». Так и всё повествование о Страстях Христовых и вся евангельская история — удивительнейшее событие в книгах всего мира, литературное Чудо. Это — специальная, отдельная тема. Но Евангелия вместе с тем есть уничтожение Христа — в том смысле, что несут в себе все несовершенства и условности человеческого предания. И вот сегодня, через две тысячи лет, мы не можем уверенно различить, где в Евангелиях подлинное слово и дело Учителя, а где — проповедь о Нем в разных иудео-христианских общинах. И мы не можем уверенно различить — что в действительности, так сказать, фотографически и фонографически **б ы л о** за евангельскими иконами Иисуса Христа.

Таковы недоумения, с которыми сосуществует хрупкая, но неразрушимая интуиция моей веры. Благодарение Богу, она остается со мною. Но в этих трудных, порой мучительных раздумьях я мог вполне оценить положение тех, у кого **н е т** дарованной нам, христианам, благодати веры в Божественность Иисуса Христа. Можно с натуры описать весьма симпатичного представителя какой-либо нехристианской народной или самодельной религии. У человека могут быть самые возвышенные (полученные из Христианства!) представления о Боге; но самая мысль о личном тождестве Бога и еврейского Учителя для него — «нестерпимо-мифична», «невыносимо-провинциальна»... И никакие рассуждения и дискуссии, конечно, тут не помогут. Надо кстати заметить, что есть и многое другое, что закрывает христианскую религию от простого человека нашего времени. Это — большая, отдельная тема. Непременно нужно всё это расчистить, устранить недоразумения, лишние препятствия на пути веры; но всё это будет напрасно, если не будет самой веры, благодатной веры в личную Божественность Иисуса Христа — веры, которая даётся **не всем**. Подчеркиваю, что это не только мое личное мнение, — это авторитетное церковное суждение. Апостол Павел написал, что «никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым» (к Коринфянам 1, гл. 12). И в наши дни митрополит Антоний повторяет, что «никто не мог бы узнать в галилейском Пророке Сына Божия, во-человечившегося, воплотившегося, если бы Дух Святой не показал, не научил нас поклониться Ему и предать себя Ему в руки» («Школа молитвы»)... Итак, надо со всей определенностью признать, что **Христианство-вера** есть явление, если можно так выразиться, элитарное — это не Христианство для всех.

*
**

Попробую вообразить себе современного человека, который уже понял неправду атеизма, уже уверовал в Бога, уже принял этические принципы Христианства — но не имеет благодатной христианской веры и **выбирает** себе религию. Надо бы предложить ему подумать над тем, что я называю для себя условно **Христианством надежды**. Конспективно это может выглядеть так:

«...Не будем говорить о **вере**, подумаем о **надежде**. Условимся: мы **не знаем**, что думать нам об Иисусе из Назарета, о таинственном появлении Христианства в истории. Это не помешает нам признать, что нет ничего **прекраснее** символов Христианст-

ва, за которыми можно почувствовать Реальности абсолютного значения. В религиозно-чтимом образе Христа олицетворяются и совмещаются две правды: любовь Бога к человеку и любовь человеческая к Богу — такая любовь, такая духовная красота человечности, которая драгоценна пред Богом, достойна абсолютного сверхбытия, Божественной славы... В образе Матери Божией олицетворяется святое Материнство всех матерей на свете, — и вместе с этим олицетворяется исходная святость Творения, «Земля-Владычица» (В. Соловьев). Христианство есть символизация самых глубоких Реальностей бытия. **Свобода**, свобода, — пред нею бессильно Божественное всемогущество; и только **любовь**, Божественная и человеческая **любовь**, страдающая, жертвенная **любовь** таинственно побеждает зло свободного мира. **Единство**, иногда столь живо ощущаемое нами духовное **единство** людей Доброй воли приобщает всех к радости этой победы... Только в символах Христианства — единственная заслуживающая этого слова **надежда** человеческого существования, и мы **надеемся**, что за этими символами — истинная правда, самая суть действительности».

Глубокий религиозно-символический оптимизм. Здесь могли бы найти прибежище свободные души, которые уже вполне оценили **красоту Христианства**, но которым не дано еще благодати личного отношения ко Христу. Пусть это будут пока христиане без Крещения — «оглашенные» Двадцатого века. Отнюдь не следует смотреть на них свысока. Мы веруем (это нам даровано, это не наша заслуга) в личную Божественность Человека, ходившего по нашей земле, распятого при Понтийском Пилате; но во всем остальном сами мы, христиане веры, размышляем все более и более символически. Это — трудная, отдельная тема. Вероятно, тут плодотворны были бы аналогии с новой поэзией, с новой живописью, вообще с новым искусством; но я ничего в этом не понимаю. Пока что это — не искусство для всех. Так и описанное «символическое» Христианство надежды — это не Христианство для всех.

*
**

Есть третье значение слова «Христианство». Христос — Вечный, Божественный Человек, и Христианство в этом третьем значении слова есть **стремление к осуществлению идеальной человечности**. Не осуществление — это было бы Христианство только свя-тых, — а воля, стремление. Это и есть Христианство для всех.

Еще некоторые отрицания, чтобы лучше мне объясниться. Христианство для всех — это не этическое «учение» Евангелий, а сама **жизнь** в стремлении к Идеалу человечности, который выражен, конечно, и в евангельской проповеди, но и независимо от этого пребывает в душе человека. Этот Идеал — Христос, не только евангельский образ Христа, но **Сам Христос**, присутствующий в единосущном Ему человечестве доброй воли. «И вот — Я с вами во все дни до скончания века. Аминь» (заключительные слова Евангелия по Матфею). Христианство для всех — это не «подражание Христу», это звучит претенциозно, и это было бы невозможно для всех, ибо слишком высоко, а также и потому, что в Евангелиях нет законнического образца поведения на все случаи жизни. Не подражание, а **творчество** каждого в меру своих способностей и возможностей — в широчайшем диапазоне от подвига совершенного самоотречения до евангельской чаши воды (по Матфею, гл. 10). В «Слове о культуре» О. Мандельштам написал, что «теперь всякий культурный человек — христианин»; не знаю, в каком смысле это понимать, но вот уж со всей определенностью могу утверждать, что сегодня всякий истинно **порядочный человек** — христианин. Очень трудно быть истинно порядочным человеком во всех отношениях. Это отдельная тема.

У Достоевского где-то вскользь сказано, что одно дело — убеждения человека, а другое дело — сам человек. Христианство для всех — это **«сам человек»**, независимо от его поверхностных «убеждений», подлинная глубина существования. Это «Церковь доброй воли», открытая для всех людей на всех уровнях духовного и интеллектуального порядка, во всех религиях и без религии. Тому, кто возразит, что нельзя говорить о Христианстве без веры во Христа — я отвечу, что исхожу именно из веры во Христа. Апостол написал: «Ибо един Бог, един и Посредник между Богом и человеками — Человек Христос Иисус» (к Тимофею 1, гл. 2). Мы веруем, что явление Бога в мире и встречное Восхождение Человека в Божественную славу совершилось в самой глубокой Реальности бытия — в **личности**. Но нельзя ограничивать Посредничество Христа только теми избранными благодати, кому Он открылся как Личность. Нет, дана Ему всякая духовная власть на небе и на земле (по Матфею, гл. 28). Христос — единый Посредник для **всех**, для всего человечества доброй воли. Иначе получился бы абсурд — что Христос не единый Посредник, а Препятствие для подавляющего большинства людей! Так и думал блаженный Августин (к счастью, заблуждаясь), когда писал, что без

веры во Христа все добродетели — только блестящие пороки. Нет, именно из веры во Христа и следует, что ничего доброго на свете не делается без Христа. Пора оставить наконец унижительное представление, что Христос будто бы только Начальник некоей провинции крещеных и потому «спасаемых», а не Глава всего человечества доброй воли. Вы читали мне выписки из раннехристианских апологий, что и до явления Христа в людях доброй воли действовал Божественный Логос. Как же можно отрицать это сегодня? Все лучшее в нашей человечности, всякое наше стремление к духовной красоте, всякое движение любви и доброй свободы, — всё это таинственно приобщает нас к абсолютности Вечного Человека. Должен сказать, что мне очень повезло в жизни — я встретил хороших людей, само воспоминание о которых возвышает душу; и среди них есть и атеисты. Пусть человек называет себя неверующим, не знает о Христе, имеет о Нем ложное представление, — всё это крайне поверхностно и объясняется недоразумениями, а также отсутствием благодати веры. Во всяком случае **«сам человек»** не виноват в этом своем поверхностном неверии. Но вот он творит дела милосердия, совершает подвиг свободы в бесстрашном действии или в самообуздании: это ведь и есть подлинно **христианская жизнь**, осуществляемая воистину **свободно**, без ожидания «награды» от Господа. Не боясь парадокса, должно признать, что такое «анонимное» (выражение католического теолога Карла Ранера) Христианство имеет особенно высокую духовную ценность.

Когда **совмещаются** Христианство-вера и Христианство-воля, — они взаимно вдохновляются и питаются одно от другого. Когда без Христианства-веры действует Христианство-воля, — оно остаётся Христианством для всех. Когда же Христианство веры не совмещается с Христианством воли, то само по себе оно ничего не стóит. «Не всякий, говорящий Мне: Господи! Господи! — войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного» (по Матфею, гл. 7). Не стану приводить других доказательств «от Писания», это элементарно. Но нужно устранить недоразумения. «Кто будет иметь веру и креститься, тот спасен будет; а кто не будет иметь веры — осужден будет» (по Марку, гл. 16). Этот текст — позднейшее добавление, его нет в древних списках Нового Завета, да и по внутренним признакам вся эта вторая половина последней главы Евангелия по Марку, начиная со стиха 9, не принадлежит автору первоначального текста. Это уверенно утверждает текстуальная критика. Вот пример, когда научное сомне-

ние получает положительный религиозный смысл (интересная, отдельная тема).^{*} Итак, абсолютно заблуждаются те христиане веры, которые думают, будто обладают привилегией спасения и будто бы уж во всяком случае за одно это выйдет нам некая скидка. Если уж говорить об этом, то как раз напротив! Мы получили **средства** для истинно-христианской жизни, это верно: у нас — наследственный и личный религиозный опыт, у нас — **НАДЕЖДА**, от которой дух захватывает; у нас — молитва, таинства, красота церковности. Но кому больше дано, с того больше и взыщется.

На недоразумении основаны и надоевшие споры протестантов с католиками на тему: «что спасает — дела или вера». Это имеет отношение к нашей проблеме. В послании апостола Иакова написано: «... Ты веруешь, что Бог един: хорошо делаешь; и бесы веруют и трепещут. Но хочешь ли знать, неосновательный человек, что **вера без дел мертва?**» (гл. 2). По контексту речь идет о делах милосердия. Протестанты же ссылались на тексты из посланий апостола Павла, например: «Ибо мы признаём, что всякий человек оправдывается **верою, независимо от дел Закона**» (к Римлянам, гл. 3). Дела Закона — это иудейское **обрезание**, от которого защищал апостол свободу Христианства... Поучительно — как легко решаются сегодня эти вздорные вековые споры.

Идея **Христианства для всех** — это не схоластика, это объяснение, которого просят наши непосредственные впечатления, сама жизнь, вдохновляющие явления анонимного Христианства. Особенно ясно становится дело в контрастах Христианства анонимного и Христианства номинального. В этом смысле странные явления мы наблюдаем иногда на верхах. Конечно, глубина души ведома только Богу; но что касается публицистики, то по личному отношению ко крепостному рабству атеисты Белинский, Герцен и многие другие — христиане, а православные Гоголь, митрополит Филарет — совсем не христиане. По личному отношению к евреям и полякам не верующий во Христа Толстой — христианин, а православный Достоевский — совсем не христианин. Не называя больше имен, можно и в нашем веке отметить подобные яркие контрасты анонимного Христианства и лжеправославного антихристианства... Но нельзя забывать и того, что самые высокие представители анонимно-христианского гуманизма были воспитаны в хри-

стианской Церкви, вскормлены в христианской культуре. Будущее покажет на деле — какое влияние имели христианские церкви веры на всечеловеческую Церковь людей доброй воли. Факт тот, что сегодня она существует, — это и есть Христианство для всех.

*

**

Предвижу возражение примерно такого рода. «Попытка самоутешения. Христианская вера становится уделом ничтожного меньшинства людей. Христианство «символическое» и подавно никогда не будет массовым исповеданием. И вот берутся добрые проявления естественной человечности и зачисляются по христианскому ведомству — объявляются анонимным Христианством для всех. Но это — совершенно фиктивное торжество Христианства»...

Хочу заранее устранить некоторые недоразумения. «Массовость» не есть критерий истинности. «Массовое исповедание» Христианства уже было в истории: Византия, Средние века на Западе, царская Россия... Это не было истинным торжеством Христианства. Что будет в дальнейшей истории Христианства и человечества на земле — нам знать не дано. Евангельские пророчества пессимистичны.

Но надо различать судьбу последних поколений человечества во времени и судьбу всего человечества в Вечности. Нельзя смешивать одно и другое, — это сбивает нас с толку ложная религия «прогресса». Предмет нашей надежды — не «счастье» последних поколений человечества, а Спасение всего человечества. **Воскресение всех** — только в этом совершится, совершается истинное торжество Христианства. Воскресение всех мертвых, разрешение всех страданий, открытие всего Смысла для всех. **«Мои глаза, не глаза другого, увидят Его. Истаивает сердце в груди моей!»** (кн. Иова). В свете этой надежды меняется перспектива. С бесплодных гаданий о неизвестной истории будущих поколений внимание переносится в сегодня, в глубину жизни, в реальные встречи и решающие действия, в **личную историю**, которая имеет бесконечно важное непосредственное отношение к Вечности, ибо **никогда уже не повторится.**

Что «естественно» и что «сверхъестественно» в нашей человечности — об этом рассуждать мне не по силам. Но знаю положительно, твердо, что есть два принципиальных направления и

^{*} Однако более умеренная современная критика говорит, что стихи 9-20, вероятно, очень ранняя замена одного текста другим. Пр. Ред.

человеческой жизни на земле. «Человек человеку — волк». «Падающего — толкни». «Если враг не сдается»... Это путь мрака и смерти. «Возлюби ближнего твоего, как самого себя». «И как вы хотите, чтобы люди поступали с вами, так и вы поступайте с ними». В **практическом** стремлении к этим принципам Христианства мы ощущаем надежду подлинно сверхъестественной, Божественной жизни. Это и есть Христианство для всех.

А.

Март 1972.

(продолжение следует)

Михаил НОВОСЕЛОВ *

ПИСЬМА К ДРУЗЬЯМ

Письмо первое

Дорогие друзья мои!

Вы хотите, чтобы я высказал вам свои думы по поводу современных церковных событий, среди которых наиболее ярким и наиболее ощутимым (в разных смыслах) явлением представляется вам так называемая «Живая церковь» с ее подразделениями. Из многого, что я думаю об этом предмете, я поделюсь с вами на этот раз немногим. Но полагаю, что это небольшое и спешно набросанное будет касаться существа вопроса.

«Живая церковь» — есть растение, которое насаждено и выращено, конечно, не Отцом Господа нашего Иисуса Христа (М. XV, 13), а имеет совсем иное происхождение. Это явствует как из истории ее возникновения, так и из принципов, которые полагаются в основании этой «церкви лукавствующих» ее служителями. Не говорю уже о слишком нашумевших «личных деяниях» многих из них.

Итак, прежде всего, первые вожди церковного движения, именуемого «Живою церковью», явились насильниками по отношению к главе Высшего Церковного Управления — Святейшему Патриарху Московскому и всея России Тихону, чего они и не скрывают на страницах своего журнала, причем иногда говорят об этом открыто, а иногда, по тактическим, очевидно, соображениям, рисуют дело иначе, пытаясь придать произведенному ими церковному перевороту обличье каноничности. Этим последним приемом

* Михаил Александрович Новосёлов, профессор классической филологии Московского Университета, пришел к христианству через Толстовство. В 10-х годах он издавал в Вышнем-Волочке популярную серию, называемую «Религиозно-нравственная библиотека».

«Письма к друзьям» (1925) едва ли не первый крупный «самиздатский» труд, написанный не в ящик, а для распространения. Направленный в основном против «живоцерковников» он содержит много ценного материала и мыслей о сущности христианства и назначении Церкви.

М. А. Новосёлов был противником декларации о лояльности митр. Сергия. В 1928 г. он был арестован и посажен в Ярославский изолятор на 10 лет, по отбытию которых был отправлен в ссылку в Сибирь, где и умер.

они воспользовались, между прочим, для того, чтобы опутать оказавшихся или близорукими, или малодушными столичных благочинных, а через них — и других таких же «неверных» батюшек, «боязливых» (Апок. XXI,8), или криводушных.

Но для всякого, имеющего очи, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать, ясно из ряда несомненных фактов, что названные «церковные» деятели являются узурпаторами церковной власти. Ни для кого из москвичей не тайна, что: 1) «живоцерковники» долгое время поминали за богослужением святейшего патриарха Тихона, этим самым признавая его законным верховным архипастырем русской церкви и 2) что они признали не без ведома их и, главное, советской власти, назначенного Патриархом своего заместителя Ярославского Агафангела, к которому два известных протоиерея-живоцерковника ездили в Ярославль, намереваясь, очевидно, прибрать к своим рукам престарелого митрополита. Но убедившись, что он им в руки не дается и в ногу с ними идти не хочет, они устроили так, что патриарший заместитель не мог выехать из Ярославля в Москву, чтобы фактически возглавлять собою законное Высшее Церковное Управление.

Об этой непредвиденной невозможности вступить в отправление своих новых обязанностей, возложенных на него патриархом, митрополит Агафангел упоминает в своем превосходном и по содержанию и по форме послании, обращенном к архипастырям, пастырям и мирянам русской православной Церкви. В этом же послании он объявляет узурпаторами архиереев и иереев, самочинно ставших у кормила правления.

Итак, с точки зрения, которой держались сначала сами «живоцерковники», ясно, что они — не законная церковная власть, а незаконное собрание, воровски, чтобы не сказать разбойнически, захватившее эту власть. В самом деле, если они признавали и святейшего патриарха Тихона, и его временного заместителя митрополита Агафангела властью законною, то отсюда следует, что, пока законный собор не осудил этих последних и не низложил их, они остаются единственными законными представителями Высшего Церковного Управления, и имя святейшего патриарха Тихона должно быть по-прежнему возносимо в Божественном тайнодействии, а распоряжения его заместителя, митрополита Агафангела, должны быть обязательными для всех, кто не порвал с православною русскою церковью и не выпал из православного канонического русла. И поэтому, если митрополит Агафангел в своем Послании отвергает, так называемое ВЦУ, то отсюда с несомненно-

стью следует, что каноническое русло идет мимо этой самочинной власти. И, следовательно, пресловутому ВЦУ с живоцерковниками остается: или смиренно отойти в сторону и, покайсявшись в страшном грехе церковного разделения (без покаяния не смываемом, по словам св. Иоанна Златоуста, даже кровью мученичества), признать единую законную церковную власть, или, гордо отвергнув самый принцип каноничности, встать открыто на революционный путь.

Раздирающие ризу Христову, очевидно, предпочитают второй исход, о чем свидетельствуют и писания, и деяния этих «нравственных (и не только нравственных) братоубийц», отделивших себя от единства веры и по всей справедливости заслуживших извержения из священного сана. В самом деле, не говоря о многом другом, творимом ими злыми и лукавыми делателями (о чем отчасти было упомянуто раньше), они постановили прекратить поминовение Святейшего Патриарха на церковных службах, а 14-е и 15-ое правила св. Константинопольского двукратного собора гласят следующее:

14-ое правило: «Аще который епископ, поставляя предлогом вину своего митрополита, прежде соборного рассмотрения, отступит от общения с ним, и не будет возносить имя его, по обычаю в Божественном тайнодействии, о таковом св. Собор определил: да будет низложен, аще токмо обличен будет, яко отступил от своего митрополита и сотворил раскол. Ибо каждый должен ведать свою меру: и ниже пресвитер да пренебрегает своего епископа, ниже епископ своего митрополита».

15-ое правило: «Что определено о пресвитерах и епископах и митрополитах, то самое, и наипаче, причисляет патриарху. Посему, аще который пресвитер, или епископ, или митрополит дерзнет отступить от общения с своим патриархом и не будет возносить имя его по определенному установленному чину в Божественном тайнодействии, но прежде соборного оглашения и совершенного осуждения его учинит раскол: таковому святейший Собор определил быти совершенно чужду всякого священства, аще токмо обличен будет в сем беззаконии» *).

*) Эти прещения во всей их строгости относятся, конечно, к инициаторам беззакония и к тем, кто добродотливо последовал за ними. Меньше и в ином виновны те, кои из страха пред насильниками прекратили поминовение патриарха на церковных службах, сохраняя, однако, внутреннее духовное единение с ним, как с законным архипастырем русской Церкви.

Об этой канонической стороне дела достаточно, полагаю, ясной не только для зрячих, но для подслеповатых, лишь бы они окончательно не смежевали очей своих, я больше говорить не буду.

Теперь мне хочется сказать о другом, что все не так ясно и для многих почитаемых и почитающих себя вполне зрячими. Мне хочется указать на связь рассматриваемого нами печального явления с почвой, на которой оно могло возникнуть и возникло. Ведь об «оживлении Церкви» говорилось очень давно. Толки об этом оживлении идут не первый год, даже не первое десятилетие. Уже давно нашими богоискателями, вроде Мережковского и «ниже с ним», подхвачено было словцо, неосторожно брошенное, кажется, Достоевским, что наша Церковь в параличе. Затем, а может быть и одновременно, эта мысль о параличности Церкви пошла гулять в духовной литературе.

За толками начались практические попытки выведения Церкви из параличного состояния. Взяться за основную церковную ячейку — приход. Вопрос об оживлении Церкви свелся главным образом к оживлению прихода. Наряду с придумыванием «живительного» приходского устава, началось в разных местах практическое «оживление» приходских «ячеек». И какими только средствами и путями не пытались достигнуть этого оживления: очень давно, задолго до войны 1914 г. показывали один из пригородных приходов Петербургской епархии, как пример того, как может быть произведено возрождение приходской жизни. Любопытного посетителя, приехавшего в какой-нибудь праздник в этот приход, приводили в приходскую потребительную лавку, в приходское ссудо-сберегательное товарищество, на приходский фельдшерский пункт, в приходскую богадельню. Народу оказывалось везде немало, и жизнь приходская представляла пред взором посетителя кипучей, многообразной, поистине «возрожденной». Только когда приезжий заходил в приходский храм, там было не очень многолюдно и довольно мертвенно.

Был, рассказывают, в Московской епархии и такой сельский приход, где оживление приходской жизни началось с приобретения приходского племенного бычка. Конечно, все эти приходско-оживительные акты имели свои варианты и дополнения. Так, к числу оживительных средств нужно отнести широко распространенные во многих городах, особенно в столицах, богослужения с театральными новшествами, концертными номерами при богослужении, с артистами или без оных, бьющие на эффект проповеди,

часто довольно истерического характера. Словом, всякого рода отсебятина, которая должна сделать богослужение интересным и заманчивым. Люди серьезно думали, что, устраивая приходское хозяйство, богадельню, или создавая богослужebную бутафорию, они вдыхают подлинную евангельскую жизнь в омертвелый приход, а через приход и в «параличную церковь».

Жутко становится, когда вдумаясь в эти факты, в эти взгляды... Но это были лишь цветочки по сравнению с теми ягодками, которые произрали на той же почве в последнее время. Тогда скромно обновляли малые приходские ячейки, теперь пытаются, по тому же «духовному» принципу, оживить сразу все тело церковное; тогда создавали крохотные хозяйственные учреждения в приходе, вроде потребительских лавок, теперь ставится колоссальная задача социализирования, на «христианских» началах, всей нации, даже всего человечества. Тогда «реформа» производилась смиренно и скромно нравственными и финансовыми силами прихода, теперь программа обновления человечества проводится дерзновенно (чтобы не сказать — дерзко) при посредстве насилий, тюрем, ссылок и крупных субсидий (употребляемых, правда, очень часто на служение Бахусу).

Но общее, что сближает тогдашних мелких возродителей церковно-приходской жизни и теперешних мировых реформаторов это — полное непонимание существа христианства, существа Церкви и вытекающая из этого непонимания подмена христианского пути жизни иным, о котором можно сказать: «ин путь мняйся благий, а конец его во дно адово». Впрочем, это страшное слово едва ли вполне приложимо к прежним наивным радателям церковно-приходского возрождения, но к теперешним строителям церковной жизни оно идет целиком, ибо путь их есть несомненно путь антихристианский, в конечном счете — антихристов.

Не знаю, читали ли вы в №№ 8 и 9 журнала «Живая церковь» статью свящ. Семенова «Русская церковь и социальная революция»? Советую прочесть. Вы увидите, куда идут и куда ведут поборники «Живой Церкви». В сущности, им христианство и не нужно. Они не знают его, да и знать не хотят.

Христианство, эта великая тайна Боговоплощения, искупления и обожения человека и твари — только помеха на пути достижения выдвигаемого ими социалистического идеала с его исключительно посторонними, земными и приземистыми целями и задачами. Все это было бы не так страшно, если бы эти новые стро-

ители тайн, не Божиих, а антихристовых, не уходили корнями в ту почву, которой питаются, как вы увидите из указанной аналогии настоящего с прошлым, и их многочисленные благонамеренные противники, остановившиеся лишь на полпути в своей возродительной работе.

Здесь наблюдается, приблизительно, то же явление, что и в политической области. Живоцерковники — это церковные большевики, а их противники и предшественники указанного типа — церковные эсеры. Те и другие из одного теста и так же естественно ополчаются друг против друга, как и политические большевики против таких же эсеров. Но ничто по существу не мешает тем и другим осознаться между собою, так как расхождение между ними вовсе не принципиальное. Мы и наблюдаем это трогательное осознание, или, попросту говоря, переход, иногда добровольный, а иногда и вынужденный*), но вовсе не противоестественный, эсерствующим батюшек и архиереев к живоцерковникам, т. е. церковным большевикам.

Не знаю, понятна ли для вас моя мысль? Думаю, впрочем, что она уяснится, когда я скажу несколько слов в раскрытие того положительного пути Христова, который был, несомненно, забыт церковными эсерами и теперь открыто отвергнут церковными большевиками.

Прежде всего, те и другие относятся к Церкви, как к учреждению человеческому, почему в их лексиконе выступает на первом плане термин «оживление церкви». Они полагают, что явствует из их писаний и из их деяний, что нужна лишь энергия человеческая, с одной стороны, и ряд внешних перемен в организации церковной, — с другой, чтобы «парализованное» тело церкви ожило и начало правильно функционировать. Источник оживления церковного в них — деятелях церковных. Требуется умелый подбор энергичных деятелей, чтобы оживить, окрылить и пустить в ход омертвевшую организацию, именуемую церковью. Эта точка зрения обща, повторяю, и живоцерковникам, и большинству, скажем так, староцерковников. Ни те, ни другие не подозревают, в какие дебри религиозного заблуждения они забрели, куда отходят сами и куда отводят других малосмысленных от истинного, подлинного благовестия Христова.

*) Не всегда угрозами и насилием, а часто подкупом при посредстве камилавок, митр и других побрякушек, на которые так падко наше безыдейное в своем большинстве духовенство.

Чтобы говорить со смыслом об оживлении прихода или вообще церковного общества (отнюдь не Церкви, которая есть сама источник присно текущей жизни), нужно сначала дать себе ясный ответ на вопрос: «Что такое жизнь в христианском смысле?»

Подлинная жизнь есть жизнь вечная, а она в Господе Иисусе Христе, или, иначе, Сам Господь, Сын Божий, во святом Евангелии именуемый Вечною Жизнью. Отсюда — оживление церковное есть оживление в Господе Иисусе Христе, есть более или менее глубокое вхождение в вечную жизнь — Христа Сына Божия, или приятие Ее внутрь себя. В этом приобщении вечной жизни, или, говоря словами св. ап. Петра, в этом «причастии Божеского естества», иначе — в обожении человека и заключается основная цель жизни христианской. Пока не осознана эта основная цель жизни мистической христианина, пока она не воспринята в душу, до тех пор все в религиозной и церковной жизни будет неясно, спорно, путано, неверно, фальшиво, бессмысленно, бесцельно и нецелесообразно. Ибо не будут стремиться к достижению определенной, Богом указанной цели, а станут сочинять разные, неизбежно бесцельные преобразовательные проекты, развлекаться эстетически или строить социальные утопии, словом, изобретать разные суррогаты христианства. И чтобы оценить точно и правильно достоинства всех возродительных и оживительных начинаний, необходимо иметь пред глазами указанную выше неотложную цель жизни христианина, о которой учат нас и Слово Божие (см. особенно Евангелие св. ап. Иоанна, Деяния, послания св. ап. Иоанна, Павла, Петра и св. отцы, см. преп. Симеона Нового Богослова, преп. Макария Великого, св. Максима Исповедника и др.) и богослужebные чинопоследования (см. службы Рождества Христова, Благовещения, воскресные каноны, правило ко св. причащению и др.).

А так как эта вечная жизнь, приятие которой здесь, на земле составляет «край желаний» христианина и прямую заповедь Божию, содержится в Церкви, Теле Христовом, Христом возглавляемом, Св. Духом исполняемом, то ясно, что нужно говорить не об оживлении Церкви (ибо эта мысль нелепа, если под Церковью разуметь то, что о ней сейчас сказано), а о приобщении себя Церкви, как организму вечной жизни, и прежде всего, конечно, при посредстве святых и освящающих душу и тело таинств и других богодейственных*) символов, дарованных для нашего

*) Я подчеркиваю слово богодейственный, чтобы вы не подумали, что я употребляю слово «символ» в современном общинтеллигентном и

спасения и хранимых Церковью, каковы святейшее Имя Божие и животворящий крест.

Вот куда должно быть устремлено все внимание истинного ученика Христова, сознательно и твердо исповедующего веру апостольскую, веру отеческую, веру православную, яже вселенскую утверди. Всякая другая вера, всякий другой путь, всякая другая цель не суть Христовы, а следовательно, ведут не ко Владыке Христу и Его вечному царству, а в какую-то другую страну, под чье-то иное владычество. Под чье — нетрудно догадаться...

Пока умолкаю. На-днях, может быть, еще напишу вам о предмете, соприкосновенном теме настоящего письма. Простите некоторую несвязность в писании. Пишу спешно. Прошу молитв ваших, мои дорогие. Храни вас Господь Иисус Христос — Прибежище наше.

Любящий вас брат о Господе.

P.S. А правда ли, что у вас в Москве, в некоторых храмах поминают ВЦУ? Это определенный, конечно, разрыв с единой, истинной Церковью. Неужели и эту «мерзость пред Господом» оправдывают именитые московские протоиереи, как оправдывали они недавно малодушное поминовение за церковными службами лжепретендента на Московскую кафедру епископа Леонида? Всячески остерегайтесь таких отступников и в общение с ними не входите, памятуя строгое слово апостола любви: 2 Иоанна 1, 9-11.

1925 год.

семинарском условном значении, в каком прилагают его между прочим, и к таинствам. Нет, слово «символ» понимается здесь в смысле безусловном, в каком употребляли этот термин знаменитейшие церковные писатели и святые отцы, как напр., Дионисий Ареопагит, св. Максим Исповедник и др. Принимая его в безусловном, онтологическом значении, они и именовали таинства символами.

† Прот. Николай АФАНАСЬЕВ

ВРАТА ЦЕРКВИ *)

Часть вторая.

«Покаяния отвезри ми двери...»

Теряя возможность активной жизни в Церкви, отлученный не перестает оставаться христианином. Отлучение не стирает «печати» крещения, а потому отлученный сохраняет потенциальную принадлежность к Церкви. Поэтому каждый отлученный несет в себе возможность выхода из состояния отлучения, т. е. он может быть вновь принятым в Евхаристическое собрание. Условием выхода из состояния отлучения является покаяние. Как при вступлении в Церковь покаяние играет роль предварительного момента, так и при выходе из состояния отлучения оно играет ту же роль. Тем не менее, смысл покаяния в этих двух церковных актах не является тождественным. Одно совершается вне состояния в Церкви. Оно есть «μετάνοια» ветхого человека. Другое совершается после его духовного рождения для жизни в новом эоне. Как мы увидим ниже, эта особенность покаяния в состоянии отлучения поставила в древней церкви тяжкую проблему. Начальной точкой покаяния отлученного является сознание греховности своей жизни, которое вызывает в нем перемену (μετάνοια). Как внутреннее решение кающегося, покаяние есть некий момент его духовной жизни, который не измеряется временем. Отлученный есть блудный сын, ушедший от Отца в страну далекую. После долгих лет настал в его жизни момент, когда он пришел в себя и сказал: «Сколько наемников у отца моего избыточествуют хлебом, а я умираю от голода. Встану и пойду к отцу моему и скажу ему: отче, я согрешил против неба и пред тобою, и уже недостоин называться сыном твоим: прими меня в число наемников твоих» (Лк. 15, 17-19). Он встал и вернулся к Отцу. Отлучая своего неверного сына, Церковь верит в то, что он рано или поздно вернется в объятия отчие, но когда именно наступит этот момент покаяния в душе отлученного, она не определяет, т. к. это во власти самого кающегося. Он может наступить очень скоро, но может и никогда не наступить.

*) Начало см. Вестник № 114, стр. 52-72.

«Покаяния отверзи ми двери...» Никто не может отказать отлученному в покаянии. Но открывает ли ему покаяние закрытые перед ним двери Церкви? Вступление в Церковь совершается через «*ἄφεσις ἁμαρτιῶν*». Возможно ли отпущение грехов после крещения? Фактически этот вопрос есть вопрос о возможности покаяния после крещения. Без прощения грехов покаяние остается только человеческим делом, неспособным ничего изменить в жизни человека. В настоящее время Церковь принимает каждого кающегося в свое лоно: она вновь принимает его к участию в Евхаристии. Было ли так с самого начала?

В мою задачу не входит изложение истории покаянной дисциплины. Я только отмечу основные моменты этой истории. Церковь пришла к современной практике после долгих сомнений, колебаний, нерешительности и даже внутренней борьбы. Трудность истории покаянной дисциплины, главным образом, лежит в том, что для нас еще многое остается неясным. Какова была практика апостольского времени? Как будто нет сомнений, что ап. Павел допускал возможность обратного приема в Церковь отлученных. «Так что вам лучше уже простить его и утешить, дабы он не был поглощен чрезмерной печалью. И потому прошу вас оказать ему любовь. Ибо я для того писал, чтобы узнать на опыте, во всем ли вы послушны. А кого вы в чем прощаете, того и я; ибо и я, если в чем простил кого, простил для вас от лица Христова» (II Кор. 2, 6-10). Факт приема в Церковь отлученного является бесспорным. Но тождественно ли это лицо с грешником I-го послания к Коринфянам? (Если это разные лица, то нам остается неизвестной судьба последнего). Если исходить из предположения (уверенности у нас в этом нет), что эти лица не тождественны, то не в праве ли мы сделать заключение, что Павел различал несколько ступеней отлучения, как это было в иудаизме? Если «*sammâta*» не влекло за собой побиение камнями, то все равно осужденный считался умершим в глазах иудейского народа. Поэтому не могло быть речи о какой-либо возможности его обратного приема. Мог ли Павел разделять церковное отлучение на степени? Это очень мало вероятно, т. к. природа отлучения такова, как мы видели, что она исключает эту возможность. Какова бы ни была степень отлучения, последствия его остаются одними и теми же. Других указаний у Павла мы не находим, если не считать I Тим. 5,22: «Рук ни на кого не возлагай поспешно, и не делайся участником в чужих грехах». Но мы не уверены, идет ли здесь речь о возложении рук «*in paenitentiam*». Если мы примем во вни-

мание свидетельство Луки, то скорее надо думать, что двери Церкви не были закрыты ни для какой категории грешников. Притча о Блудном сыне имеет религиозный смысл, но она не исключает и морального смысла, особенно ее заключительные слова: «О том надо радоваться и веселиться, что брат твой сей был мертв и ожил, пропал и нашелся» (Лк. 15,32). Слово «*νεκρός*» (мертв) не указывает ли на высшую степень иудейского отлучения «*sammâta*»? Если это так, то не означают ли слова Христа, что «*sammâta*» не может существовать в Церкви? Об этом же свидетельствует восьмая глава Евангелия от Иоанна. Христос снимает с грешницы «*sammâta*» и принимает ее: «Я не осуждаю тебя. Иди, и впредь не греши» (Ин. 8,11). Так же категорически звучат слова Христа в Евангелии от Матфея: «Тогда Петр приступил к Нему и сказал: Господи, сколько раз прощать брату моему, согрешающему против меня? до семи ли раз? Иисус говорит ему: Не говорю тебе: до семи, но до семидесяти раз» (Мт. 18,21-22). Вопрос Петра, по видимому, имел ограниченный смысл. Он имел в виду, вероятно, только те грехи, которые по Моисееву законодательству не влекли за собой смерть. Ответ Христа имеет более неограниченный смысл. «Да будет тебе, как язычник и мытарь», указывает на состояние «*hêrem*» или «*sammâta*» (1). Человеческой воле противопоставляется воля Божия: «Нет воли Отца вашего небесного, чтобы погиб один из малых сих» (ст. 14).

Как ни ясны приведенные свидетельства из Евангелий, они еще не решают вопроса о практике апостольского времени относительно обратного приема в Церковь. Не относится ли покаяние, о котором они говорят, к покаянию крещения? Если это так, то они не могут быть использованы как указания относительно приема отлученных. Если даже это не так, то имеют ли они абсолютный характер? Ап. Павел мог признавать возможность приема отлученных в Церковь, но означает ли это, что для него, как и для других апостолов, в этом вопросе не существовало никаких исключений? Он мог не вводить разделения отлучения на степени, но мог считать, что некоторые категории грешников не должны быть обратно принимаемы. Это предположение не является совер-

(1) Вопрос Петра и ответ Христа имеют двоякий смысл. С одной стороны ответ Христа относится лично к Петру, а следовательно и к любому члену церкви, который должен не ограничиваться в своем прощении, а с другой стороны к Петру как апостолу, подтверждая то, что сказано Им в ст. 18. Поэтому ответ Христа относится и к тем, кто находится в состоянии «*hêrem*» или «*sammâta*».

шенно исключенным. Аргументом в пользу этого предположения могут служить слова Христа: «Посему говорю вам: всякий грех и хула простятся человеку; а хула на Духа не простится человекам. Если кто скажет слово на Сына человеческого, простится ему; если же кто скажет на Духа Святого, не простится ему ни в сем, ни в будущем веке» (Мт. 12,30-31) (2). Значение этого аргумента для нас уменьшается от того, что это место из Евангелия, как и параллельные ему места, является исключительно трудным для толкования. Но из этих мест несомненно следует, что хула на Духа Святого не прощается людям «ни в сем, ни в будущем веке». «Будущий век» относится не только ко времени Парусии, но и ко времени Церкви, а следовательно эта категория грешников не должна приниматься в Церковь. У ап. Иоанна эта категория грешников значительно увеличена: «Есть грех к смерти (πρός θάνατον): не о том говорю, чтобы он молился. Всякая неправда есть грех, но есть грех не к смерти» (I Ин. 5,16-17). Совершенно несомненно, что «грех к смерти» есть тот, который влек в иудействе «*sammâta*». Бог дарует жизнь грешнику, который не согрешил грехом к смерти. А если Бог не дарует жизнь грешнику, то он и не может быть принят в общение.

Совершенно особняком в новозаветных писаниях стоит свидетельство послания к Евреям: «Ибо невозможно однажды просвещенных, и вкусивших дара небесного, и соделавшихся причастниками Духа Святого, и вкусивших благого глагола Божия и сил будущего века, и отпадших, опять обновлять покаянием, когда они снова распинают в себе Сына Божия и ругаются Ему» (Евр. 6,4-6). «Ибо, если мы получив познание истины, произвольно грешим: то не остается более жертвы за грехи, но некоторое страшное ожидание суда и ярость огня, готового пожрать противников. Если отвергшийся закона Моисеева, при двух или трех свидетелях, без милосердия наказывается смертью: то сколь тягчайшему, думаете, наказанию повинен будет тот, кто попирает Сына Божия, и не почитает за святыню кровь завета, которою освящен, и Духа благодати оскорбляет» (Евр. 10,26-30) (3). Очень рискованно рассматривать эти места из послания к Евреям как ораторский прием, точнее, гиперболу. Они вполне находятся в линии всего учения автора послания. Последний категорически утверждает невозможность второго покаяния, т. к. «не остается больше жертвы за грех»,

(2) См. параллельные места Мк. 3,28-30; Лк. 12,10.

(3) См. также Евр. 12,15-17.

которая «единожды» (ἑφάπαξ) принесена. С другой стороны рискованно также очень распространять смысл этих мест из послания к Евреям. Составитель его имел в виду не вообще покаяние (μετάνοια), а покаяние за определенные грехи, а именно за те, за которые по закону Моисееву следовала смерть. Это грехи к смерти послания Иоанна. Нам нет необходимости на основании послания к Евреям утверждать, что его составитель вообще отвергал покаяние после крещения. Подобная точка зрения поставила бы неразрешимую проблему согласования свидетельств послания к Евреям относительно покаяния с показаниями остальных новозаветных посланий. Составитель послания отвергал не абсолютную, а относительную возможность покаяния после крещения. Была ли это точка зрения ап. Павла? Ответ, скорее, может быть отрицательным, чем положительным, т. к. в вопросе о покаянии составитель послания к Евреям ближе, как мы видели, к писаниям Иоанна, чем к посланиям Павла (4).

Таким образом, наши сомнения относительно практики апостольских времен, относящейся к вопросу о приеме в Церковь отлученных, оказываются не столь большими, как можно было думать с первого раза. Мы не знаем в точности, допускала ли апостольская церковь абсолютную или более или менее относительную возможность покаяния. В последнем случае покаяние было закрыто только для тех, кто повинен в «грехах к смерти».

Дальнейшая история покаянной дисциплины заключается в том, что постепенно утверждается в церковном сознании неограниченная возможность покаяния для всех категорий грешников. Фактически вопрос шел главным образом относительно приема отлученных за «грехи к смерти». К ним причислялись прелюбодеяние, убийство и идолопоклонство, которые понимались либо в узком, либо в широком смысле. Если отбросить самые крайние течения, то обычное церковное сознание допускало возможность покаяния в других, более легких, грехах. На основании всех имеющихся в нашем распоряжении памятников, нам трудно установить, какова была обычная практика относительно «смертных грехов» в первой половине второго века. Наиболее обычное заключение, к которому приводит анализ этих памятников, состоит в том, что однообразной практики в этом вопросе не существовало. Фактически это

(4) См. С. Spicq, «L'origine johannique de la conception du Christ-prêtre dans l'Épître aux Hébreux», in: *Aux Sources de la tradition chrétienne*, Paris-Neuchâtel, 1950, p. 258.

правильно, но по существу неправильно. Большой частью мы подходим к этому вопросу с правовой точки зрения, которая установилась во второй половине III века. Мы спрашиваем, имела ли право местная церковь в лице епископа принимать в общение тяжких грешников? На этот вопрос мы принуждены отвечать, что в разных церквах поступали очень разно. Но это разнообразие вытекало не из разных принципов, а именно из общих. В течение всего второго века правовая точка зрения на прием грешников в общение еще не существовала, а потому о праве местной церкви или о праве епископа никто не думал. Прием в церковь отлученных совершался, как и все вообще в церквах, согласно откровению воли Божией. Местные церкви принимали в общение тех грешников, которым Бог отпустил грехи. Такого рода понимание не находилось в противоречии с властью «вязать и разрешать». Церковь разрешала и вязала не согласно человеческой воле епископа или коллективной воле собрания, а согласно воле Божией. Об этом свидетельствует «Пастырь» Ермы середины II века. Относительно этого памятника до сих пор еще идут споры. Основной его темой является вопрос о покаянии. «Я сказал ему: Господин, я слышал от некоторых учителей, что нет иного покаяния, кроме того, когда сходишь в воду и получаем отпущение грехов наших. Справедливо, говорит, ты слышал. Ибо получившему отпущение грехов не должно больше грешить, но жить в чистоте» (5). Мы не должны понимать в абсолютном смысле ни вопрос Ермы, ни ответ ангела. Речь идет не об абсолютной чистоте, а о тяжких грехах. Мнение, высказанное Ермой в вопросительной форме, принимается ангелом как должное и правильное. Слишком поспешно было бы считать, что мнение Ермы выражало общее сознание Римской церкви II века. Если бы это было так, то Ерма иначе поставил бы вопрос. Сам Ерма вполне определенно указывает, что высказываемое им мнение разделяется только «некоторыми учителями». Самое большее, на что уполномачивают нас слова Ермы, это, что в среде Римской церкви имелись представители такого рода мнения. Где искать этих «некоторых учителей»? Как-будто естественнее всего искать их, если не в монастырских кругах, то в кругах близких к монтанизму. Против этого предположения не может служить аргументом мнение Тертуллиана об этом памятнике. Тертуллиан называл Ерму «пастырем прелюбодеев». В этом нет ничего удивительного, т. к. основная идея «Пастыря» не была приемлема для

(5) Ерма, «Пастырь», Зап. IV, III, 1. Русский перевод, стр. 259.

Тертуллиана времени написания «De pudicitia». Итак «некоторые учителя» правы: второго покаяния нет. Но «Бог сердцеведец, провидящий все, знал слабость людей и великую злобу диавола, по которой он будет вредить рабам Божиим и коварствовать над ними. Поэтому милосердный Бог сжалился над своим созданием и положил такое покаяние, над которым и дана мне власть» (6). Ангел возвещает «юбилейный год»: всем кто до откровения, полученного Ермой, согрешили, имеют возможность покаяться. «Те, которые только что уверовали или имеют уверовать, не имеют покаяния во грехах (т. е. в грехах, которые они совершат после крещения), но имеют отпущение прежних грехов своих. Тем же, которые призваны прежде этих дней, положил Господь покаяние... Итак, я говорю тебе, что после этого великого и святого призвания, если кто будучи искушен от диавола, согрешил, имеет одно покаяние (*μίαν μετάνοιαν ἔχει*). Если же часто будет грешить и творить покаяние, — не послужит это на пользу человеку, так делающему: ибо с трудом он будет жить в Боге. И я (т. е. Ерма) сказал: Господин, я обновился, когда услышал об этом так обстоятельно. Ибо я знал, что спасусь, если еще не присовоюплю ничего к грехам своим. Спасешься, сказал он, ты и все, которые сделают то же» (7). Это торжественное призвание (*κλήσις*), повидимому, относится ко всем категориям грешников. Но во всяком случае Ерма вполне определенно говорит о возможности покаяния за прелюбодееяние и за апостазию, если она была вынужденной (8). Возвещая возможность покаяния, Ерма остается в порядке прежних идей о покаянии: его призыв к покаянию основан на откровении воли Божией. Ерма получает приказание передать записанное им откровение пресвитерам Римской церкви. Он, повидимому, не сомневается в том, что Римская церковь исполнит волю Божию, открытую ему, и примет в общение покаявшихся грешников. Но Ерма как будто забыл, что пророчество состоит из откровения и его испытания Церковью. Мы не знаем, как поступила Римская церковь. «Пастырь» пользовался признанием со стороны Римской церкви, но далеко не таким, как в других церквах, в частности, в Александрийской церкви.

В первой четверти третьего века был издан, повидимому, папой Каллистом эдикт, в котором он, по словам Тертуллиана, объ-

(6) Там же, стр. 160.

(7) Там же, стр. 259-260.

(8) Подобие IX, XIX и XXVI.

явил, что отпускает грехи прелюбодеяния: «Ego et moechiae et fornicationis delicta paenitentia functis dimitto» (9). Распоряжение Каллиста вызвало жестокий протест со стороны Тертуллиана и Ипполита Римского. Надо заметить, что Тертуллиан, восставая против эдикта Каллиста, не отрицал за Церковью власть отпускать грехи «per spiritualem hominem» (10). В его глазах католическая церковь перестала быть Церковью Духа. Он, как Ипполит, восставал не столько против самого факта отпущения грехов, сколько против способа. Отбрасывая все преувеличения Тертуллиана, вызванные его увлечением монтанизмом, мы должны признать, что конфликт его с Каллистом был в значительной степени конфликт права и благодати. Трудно ответить, стоял ли Каллист на правовой точке зрения. Тертуллиан, вероятно, в своих обвинениях против Каллиста был неправ. Может быть, он, больше чем кто-либо другой, способствовал введению идеи права в церковную жизнь.

Во всяком случае, эдикт Каллиста не вызвал кризиса. Кризис настал позднее, в эпоху Киприана Карфагенского, в связи с вопросом о приеме в церковное общение «lapsi». Тертуллиан указывал, что возможность отпущения греха прелюбодеяния рано или поздно должна повлечь за собой прием в церковное общение лиц, виновных в убийстве и отступничестве. В эпоху Киприана Карфагенская церковь уже допускала возможность примирения прелюбодеев и убийц. В 251 и 252 году на соборах был разрешен вопрос о «lapsi». Киприан Карфагенский признал возможность примирения «падших». Новацианский раскол, который первоначально, повидимому, увлек наиболее стойких людей, не только не задержал решение этого вопроса, но его ускорил. Принципиально вопрос оказался решенным, хотя практически это решение не сразу везде было введено в жизнь.

Второе покаяние оказалось возможным для всех категорий грешников. Никейский собор 325 года узаконил эту практику. В 13-ом правиле он предписал: «Вообще всякому отходящему, кто бы ни был, просящему причаститься Евхаристии, со испытанием епископа, да преподаются святыя дары» (11). С другой стороны он требовал от всех верных общения с отлученными, которые приняты церковью. Одно из условий, которые собор предъявлял к

(9) De pudicitia, 1,6.

(10) De pudicitia, XXI.

(11) 8-ое правило I Никейского собора.

новацианам при их переходе в католическую церковь, заключалось в том, что они должны дать подписку, что «будут в общении церковном и с двоюменцами, и с падшими во время гонения, для которых время покаяния установлено, и срок прощения назначен» (12). Однако, даже после того, как установлено было для всех грешников второе покаяние, оно считалось неповторимым. Точка зрения, высказанная Ермой: «μία μετάνοια ἔχει», долгое время держалась в церковном сознании. На соборе при Дубе Иоанну Златоусту было поставлено в вину, что он считал возможным допускать к покаянию без ограничения числа. «Если ты согрешил второй раз, покайся второй раз; и всякий раз, как ты согрешишь, приходи ко мне и я исцелю тебя» (13). Мы далеко не уверены, говорил ли эти слова Иоанн Златоуст, но это не имеет для нас значения. Важно то, что в начале V века церковное сознание не допускало возможности повторения покаяния. Этой же точки зрения придерживался бл. Августин, который считал, что только при смерти вновь впадшего в грех можно его принять в общение. Начиная со второй половины V века, покаянная дисциплина начинает приходить в упадок. Постепенно исчезает это последнее ограничение относительно приема отлученных в Церковь и устанавливается практика неограниченного приема в Церковь кающихся. В настоящее время Церковь принимает всех кающихся и нет такого тяжкого грешника, которого Церковь бы отвергла.

Обратный прием отлученного в Евхаристическое собрание следует за покаянием. В апостольское и после-апостольское время он следовал или непосредственно за ним, или был отделен очень небольшим промежутком времени. В некоторых местах, как свидетельствуют «Апостольские постановления», эта практика сохраняется очень долго, но более обычно, начиная, вероятно, со второй половины II века, между покаянием и приемом в Церковь устанавливается некоторый промежуток времени. После покаяния в собственном смысле, наступает состояние покаяния. В это время покающийся находится под наблюдением Церкви, которая желала получить твердую уверенность в искренности и действительности покаяния. Это промежуточное время между состоявшимся покаянием и приемом в Евхаристическое собрание являлось собственно временем испытания, «δοκιμασία», аналогичным с «δοκιμασία» желающих вступить в Церковь. Вероятно, те же причины, которые

(12) Там же.

(13) Mansi, t. III, col. 1145.

вызвали в церкви появление дисциплины оглашения, способствовали возникновению покаянной дисциплины. Время испытания, которому подвергались отлученные, собственно не имеет ничего общего с моментом покаяния. Внутренний переворот, которым характеризуется покаяние, уже произошел в душе отлученного. Поэтому время испытания только относительно может называться состоянием покаяния. Длительность этого состояния зависела от самого покаявшегося. Когда Церковь получала твердое убеждение, что «μετάνοια» действительно имела место, тогда *δοκίμασις* была закончена, т. к. цель пребывания в состоянии покаяния была достигнута. Церковная власть в этом вопросе руководствовалась тем же принципом, как и в вопросе относительно времени пребывания желающих вступить в Церковь в состоянии оглашения. Как в вопросе приема в Церковь оглашенных, так и в вопросе приема отлученных в церковное общение, пребывание в этих состояниях определялось главным образом поведением отлученных (*τρόπος*). Первоначально церковная власть не считала возможным определять продолжительность состояния покаяния. Надо заметить, что даже в III веке время испытания не было продолжительным. Во всяком случае оно не было таким длительным, как оно стало несколько позднее. Первый шаг к регламентированию состояния покаяния проявился в том, что было определено минимальное время пребывания в этом состоянии, но до конца до-никийского периода сроки пребывания, где они были определены, имели руководственное значение. Каждая местная церковь решала сама совершенно свободно в каждом отдельном случае о допущении испытываемого к участию в Евхаристическом собрании.

Когда отлучение начинает приобретать характер наказания грешника, смысл покаяния подвергается значительным изменениям. Начало этих изменений падает на эпоху Киприана Карфагенского, когда в церковную жизнь проникает идея права. Отлученный рассматривается как преступник, который должен до своего обратного приема в церковное общение искупить свой грех. Он искупается во время пребывания кающегося в состоянии покаяния. Совершенно естественно, что характер и продолжительность «искупления» должен стоять в зависимости от совершенного преступления. Каждому определенному преступлению соответствует определенное наказание. Покаянные каноны составляются почти как уголовный свод законов. «Неволью убивший десять лет да не причастится святых Таин. Распределение же десяти лет да будет для него следующее: два лета да плачет, три лета да совершит между

слушающими, четыре между припадающими и год да стоит токмо с верными и потом примет святое причастие» (14). «Прелюбодействовавший пятнадцать лет да не причастится святых Таин...» (15). «Блудник семь лет да не причастится святых Таин...» (16). «Клятвопреступник десять лет да не причастится...» (17), и т. д. Идея испытания, на которой было построено состояние покаяния, хотя не исчезла, но значительно стусевалась перед идеей наказания. Церковная власть по-прежнему продолжала считать, что состояние покаяния должно быть следствием раскаяния, но оно предполагалось у отлученного. «Волею убивший, и потом покаявшийся, двадцать лет да будет без причастия святых Таин» (18)... Во многих случаях, когда отлучение следовало в силу нарушения моральных предписаний, оно почти отождествлялось с состоянием покаяния. Церковная власть стала считать, что отлученный по моральным преступлениям автоматически переходил в состояние покаяния. Когда государство стало христианским, отлученные сами стремились перейти немедленно в состояние покаяния, т. к. отлучение было связано с лишением гражданских прав. Отсутствие раскаяния у отлученных перестало смущать некоторых церковных деятелей, подобно тому, как их не смущало отсутствие искреннего желания и веры у вступающих в Церковь. Они считали, что действительная «μετάνοια» наступит у грешника в течение его пребывания в состоянии покаяния. В известном смысле состояние покаяния стало принудительным. Принуждение оправдывалось тем, что дело шло о спасении заблудших. Эта идея принесла много зла церковной жизни. Оправдываемая, но никогда не могущая быть оправданной до конца, она приносила в жертву самое ценное в христианстве — свободу сынов Божиих. Виндикативно-принудительная природа покаяния особенно ясно выступает в том, что в Византии покаяние часто заменяло наказания, налагаемые гражданской властью, и обратно, гражданские наказания смягчали церковные. Эта взаимная связь покаяния и уголовных наказаний возможна была только потому, что их природа была тождественной.

Когда состояние покаяния стало рассматриваться не только как время покаяния, но и как наказание, то было естественно его

(14) 57-ое правило Василия В. по «Книге правил».

(15) 58-ое правило Василия В.

(16) 59-ое правило Василия В.

(17) 64-ое правило Василия В.

(18) 56-ое правило Василия В.

разделить на разные степени. Это разделение возникло, повидимому, в передней Азии, а именно в Понте, Галатии и Каппадокии. Мы находим эти степени (*στῆσεις*) в послании Григория Чудотворца († 270 г.). Затем это разделение было воспринято отцами I Никейского собора и таким образом санкционировано. Наиболее полное выражение оно нашло себе у Василия Великого. Тем не менее, нельзя утверждать, что разделение состояния покаяния на степени было воспринято всей восточной церковью. (Что касается западной церкви, то она не знала этого разделения). Эти степени следующие: 1) плач (*πρόσκλησις*, *Netus*); лица, находящиеся в этой степени, носили наименование «плачущие»: они стояли у церковных дверей и с плачем умоляли верных о прощении; 2) слушание (*ἀκρόασις*, *auditus*); слушающие допускались в нартекс и должны были покинуть помещение после чтения Писаний; 3) припадание (*ὑποπίσις*, *prostratio*); припадающие (*ὑποπίπτοντες*, *substrati*) допускались в саму церковь; они пребывали в простертом состоянии и покидали церковь после молитвы об оглашенных; наконец, 4) стояние (*σὺστασις*, *statio*): стоящие вместе (*συνιστάμενοι*, *consistentes*), как показывает само наименование, стояли с верными и, повидимому, могли участвовать в молитвах. Тяжесть и характер преступления варьировал не только длительность каждой степени, но и количество степеней, которые должен пройти кающийся. «О идоложертвовавших по принуждению, и сверх того перед идолами пириествовавших... рассуждено: чтобы таковые находились год в числе слушавших писания; три года в числе припадающих, два года имели общение в молитве токмо, и потом вступали в совершенное общение» (19). «Которые вошли в одеянии печальном, и возлегши ели, плача между тем во все время возлежания, те, аще исполнили трехлетнее время припадания, да примутся в общение, кроме причащения святых Таин. Аще же не ели, то проведши два лета между припадающими, в третье лето да будут в общении, кроме причащения, так чтобы совершенное общение получили по трем летам» (20). Правовой смысл состояния покаяния, который так ясно выступает в покаянных канонах, не уничтожил подлинного значения этого состояния, как испытания. Церковная власть всегда имела возможность сократить или удлинить срок пребывания в состоянии покаяния, учитывая внутреннее состояние кающегося. «Епископы да имеют власть, испытав образ обще-

(19) 4-ое правило Анкирского собора по «Книге правил».

(20) 5-ое правило того же собора.

ния, человеколюбивовати, или большое время покаяния приложити. Паче всего да испытуется житие предшествовавшее искушению, и последовавшее за оным, и тако да размеряется человеколюбие» (21).

В IV веке покаянная дисциплина достигла высшей точки своего развития, с которой начинается ее постепенный переход в другую форму. Этому способствовали новые условия церковной жизни. Покаянная дисциплина в древней церкви носила публичный характер. Под этим характером не следует понимать публичное исповедание грешниками своих грехов. Если подобного рода случаи и наблюдались в церковной жизни, то они были аномалиями. Грешники калялись в тех своих грехах, которые были известны: они не «исповедовали» свои грехи, но в них калялись. В до-никейский период при небольшом сравнительно количестве членов местных церковей жизнь их членов проходила на глазах всех. Это не значит, что не было «тайных» грехов, но церковь считалась с теми грехами, которые ей были известны или в которых сами грешники признавались. «Аще же сам не исповедует, а обличен быти явно не может: властен сам в себе» (22). В государственной церкви применение покаянной дисциплины с ее публичным характером стало очень затруднительным. Количество «тайных» грехов стало гораздо больше, т. к. епископы не имели фактической возможности стоять так близко к жизни членов своих церковей, как это было раньше. Епископы начинают к «тайным» грехам применять покаянную дисциплину, что неизбежно влияет на природу самой дисциплины. В конечном счете в церкви устанавливается тайная исповедь.

Как отлучения, так и обратный прием в церковное общение является церковным актом. Сама Церковь определяет тот момент, когда кающийся может быть принят в Евхаристическое собрание. В древней церкви обратный прием отлученных не был ни единоличным актом епископа (хотя фактически его мнение было решающим), ни коллективным решением церковного народа. Как церковный акт, прием отлученных в общение возможен был на основе открывшейся воли Божией. Поэтому обратный прием отлученных не стоял в зависимости от отдельной воли епископа или воли членов церкви. В Церковь мог быть принят тот грешник, который прощен Богом. Решение о приеме отлученного подлежало свидетельствованию церкви: церковь свидетельствовала не о том,

(21) 5-ое правило того же собора.

(22) 9-ое правило Неокесарийского собора.

что условия приема выполнены, но о том, что Бог отпустил кающемуся грехи. В этом вопросе, как в ряде других вопросов, Церковь исходила из того, что фактическое решение епископа соответствует воле Божией, т. к. сам епископ засвидетельствован Церковью. Когда за епископом была усвоена власть «вязать и разрешать», отлучение и прием в общение стал выражением «власти ключей», которая принадлежит епископу в силу его первосвященнического служения. Постепенно отлучение и обратный прием приобрел характер единоличного акта епископа, независимо даже от того, действует ли он единолично или совместно с каким-нибудь органом, состоящим при нем.

Отлученный принимается не вообще в Церковь, а в Евхаристическое собрание одной из местных церквей. Поэтому решение Церкви о допущении отлученного в общение в эмпирической жизни Церкви выявляется как решение местной церкви. Отлучение есть отделение одного из членов Церкви от церковной среды одной определенной местной церкви, а потому и прием в общение должен происходить в среде местной церкви. Прием в местную церковь является приемом в Церковь Божию. Этот католический характер решения местной церкви выражался в том, что остальные церкви принимали это решение, как свое собственное. Фактически большей частью, как и при отлучении, рецепция находила свое активное выражение только в спорных случаях. Обычно решение об обратном приеме в общение принимала та местная церковь, которая вынесла решение об отлучении. Однако, в древней церкви не было препятствий, чтобы прием отлученного в общение был совершен в другой местной церкви. Это не было непризнанием отлучения, вынесенного местной церковью, а было совершенно самостоятельным новым церковным актом. Такого рода случаи могли быть исключительно редки. Отлученный мог по обстоятельствам своей личной жизни покинуть пределы местной церкви, в которой он до отлучения состоял членом, и переселиться в пределы другой местной церкви. Естественно, что ему не было необходимости с просьбой о приеме обращаться в прежнюю местную церковь. Но, конечно, прием в церковное общение необходимо должен был быть рецептирован в первую очередь той местной церковью, которая вынесла решение об отлучении.

Когда отлучение и прием в церковное общение стали выражением власти епископа, то устанавливается правило, что отлученный одним епископом не может быть принят другим. Это было не совсем то, что было в древней церкви. Мы видели выше, что

отлученный одной местной церковью не мог быть принятым другой, как верный член Церкви, но местная церковь могла совершить новый акт приема в общение. Другими словами, благодатный принцип переходит в правовой. Такого рода общее положение должно было вызвать ряд трудных практических вопросов. В Никейский период случаи перемещения епископов учащаются. Означает ли это, что право снятия отлучения задерживается за перемещенным епископом? Наконец, отлучивший епископ может умереть. «Аще кто пресвитер, или диакон от епископа в отлучении будет: не подобает ему в общение приятьи быти иным, точию отлучившим его: разве когда случится умерети епископу, отлучившему его» (23). Это правило задерживает за епископом право снятия отлучения за исключением случая его смерти. Эта оговорка была неизбежна, т. к. в противном случае отлученный не смог бы быть принят в общение. Правило говорит о пресвитерах и диаконах, но естественно, что оно, по крайней мере в принципе, распространялось на всех остальных членов церкви. Кто именно может снять отлучение в случае смерти епископа, наложившего его, в правиле не говорится. Вероятно, само собой подразумевалось, что право снятия переходит с умершего епископа на его преемника. С другой стороны, мы можем предположить, что снять отлучение имел право митрополичий собор. Последний, как мы уже знаем, был апелляционной инстанцией по делам отлучений. Если он мог отменить решение епископа об отлучении, то, вероятно, он мог и снять отлучение в случае смерти отлучившего епископа. Отсутствие прямых указаний в канонических правилах вызвало, видимо, колебания в практике. Даже в XII веке, как свидетельствуют Зонара и Вальсамон, не существовало единогласия по этому вопросу. Зонара считал, что снять отлучение может преемник по кафедре отлучившего епископа. Вальсамон усваивал это право областному епископу, рукоположившему умершего епископа, после соборного совещания.

Сам по себе вопрос о том, кому принадлежит право снимать отлучение, указывает, какие глубокие изменения произошли в церковном сознании. Для древней церкви это вопрос был беспредметным, т. к. налагает и снимает отлучение Церковь.

Прием в Церковь совершается согласно личному и свободному желанию желающего вступить в нее. Свободное изъявление воли играет в этом вопросе первостепенное значение. В отлучении

(23) 32-ое Апостольское правило по «Книге правил».

момент личного решения отлучаемого отсутствует: Церковь решает об отлучении независимо от желания или нежелания отлучаемого. Свободная воля к пребыванию в Евхаристическом собрании выражается до момента решения Церкви об отлучении, которое, будучи церковным актом, независимым от воли отлучаемого, является следствием его образа жизни или мысли. Свободная воля может проявиться после отлучения в желании приобрести утраченное евхаристическое общение. Однако, вопрос о личном желании в момент отлучения может быть поставлен в другой форме, а именно в форме личного свободного выхода из Церкви.

Когда христианство стало государственной религией, церковная власть совместно с государством и при его помощи препятствовала свободному выходу из Церкви. Это не означает, что в Византии, а затем и в России до 1905 г. тот или иной член Церкви фактически не мог выйти из Церкви, но это обычно было сопряжено с невыгодными последствиями. Нельзя было сделать декларацию о своем выходе из Церкви. Это было отрицанием права на свободу совести. Право это включает в себя не только возможность свободного выбора религии, но и право свободно покинуть то религиозное общество, в которое человек свободно вступил. Пребывая в старом зоне, Церковь не отрицает этого права. Больше того, она сама в свое время вела с римским государством борьбу за это право, которое являлось необходимой предпосылкой ее свободного существования. Если вскоре после Миланского эдикта церковная власть вступила на путь отрицания права свободы совести, то это произошло отчасти под влиянием самого государства, отчасти в силу ложного убеждения, что к спасению можно привести через принуждение и насилие. Это убеждение находится в полном противоречии с сущностью христианства как религии свободы. Каждый свободно входит в Церковь, свободно в ней живет, и Церковь не может, если бы даже этого хотела, превратить свободное пребывание в ней в принудительное. Поэтому Церковь не может воспрепятствовать своим членам отказать от пребывания в ней. В этом пункте нет различия между церковной и правовой точкой зрения. Различие заключается в понимании выхода. С точки зрения права, после выхода из Церкви, как вообще из всякой иной организации, все взаимоотношения между нею и лицом, ее покинувшим, заканчиваются. С точки же зрения Церкви, ушедшее лицо остается христианином. Мы видели выше, что крещение является неизгладимым фактом духовной жизни. Таким же неизгладимым фактом духовной жизни является

и членство в Церкви. Участие в Евхаристии создает такого рода духовные факторы и создает такого рода отношения с Церковью, которые не могут быть уничтожены простой декларацией члена Церкви об его уходе. Добровольный выход из Церкви является добровольным отделением одного из членов местной церкви от церковной среды. Он влечет за собой прекращение участия в Евхаристическом собрании этой местной церкви. Активная принадлежность к Церкви и активная жизнь в ней прекращается, и ушедший попадает в то состояние, которое Церковь рассматривает, как состояние отлучения. Отождествление добровольного выхода из Церкви с состоянием отлучения оправдывается тем, что в числе причин, вызывающих отлучение, имеются те, в силу которых происходит выход из Церкви. Здесь на первом месте надо поставить потерю веры в Церковь или переход в другое религиозное общество. Если бы даже декларация об уходе в силу этих причин не последовала, ушедший был бы отлучен по причине продолжительного отказа от участия в Евхаристическом собрании. Как отлучение, так и выход из Церкви являются неизбежным следствием духовной жизни отлученного или добровольно ушедшего. В отлучении Церковь констатирует такое состояние духовной жизни своего члена, которое несовместимо с активной жизнью в ней. Такое же констатирование имеет место и при уходе из Церкви. Поэтому выход из Церкви только с правовой точки зрения может быть рассматриваем как добровольный. Для Церкви выход из нее является так же мало добровольным, как и отлучение. Это положение может быть выражено в противоположной формуле: отлучение и выход из Церкви являются актами, обусловленными свободной волей ее членов. В первом случае эта свободная воля выражается в том, что отлученный нарушает основные условия пребывания в Церкви, а во втором случае он отказывается от выполнения этих условий.

Когда отлучение имело правовой характер, за которым автоматически следовало состояние покаяния, то добровольный выход отличался от отлучения тем, что не сопровождался обязательным покаянием. Отказ от правового понимания отлучения влечет за собой отказ от правового понимания выхода из Церкви. Все добровольно ушедшие находятся для Церкви в том же состоянии, как и отлученные. Для них, как и для отлученных, сохраняется возможность обратного возвращения к активной жизни Церкви через покаяние. С человеческой точки зрения покаяние для них является менее возможным, чем для отлученного, т. к. их духовное

состояние характеризуется именно тем, что оно исключает, по крайней мере для ближайшего времени, момент покаяния, но человеческое суждение не всегда совпадает с суждением Божиим. Евангельский блудный сын добровольно покинул отца. Если первое время он духовно противился покаянию, то потом настал час, когда покаяние стало для него такой же потребностью, как сама жизнь.

Таким образом, отлучение от Церкви, куда входит и добровольный выход из нее, означает отделение от Евхаристического собрания той церкви, к которой отлучаемый принадлежит. Как прекращение участия в Евхаристии, отлучение является лишением церковного общения и потерей принадлежности к Церкви. Через эту потерю прекращается возможность участия в собраниях всех остальных местных церквей. Активная жизнь в Церкви отлученного прекращается, т. к. она ни в чем не может проявиться. Отлучение есть состояние потенциальной принадлежности, которая вновь может найти свою активную форму только в случае допущения отлученного к участию в Евхаристическом собрании.

Проф. Н. С. АРСЕНЬЕВ

О ВСЕ ПРЕВОСХОДЯЩЕЙ РЕАЛЬНОСТИ

1.

С трепетом касаешься этой темы. Хотя бы уже потому, что верующие всех времен и народов убеждены, что это — **самая важная тема** из всех могущих быть. Более того: здесь дело идет не о теоретическом только предмете мысли, а о жизненном прикосновении к тому, что важнее всего — к единственной, единственно в полном смысле существующей, основной, подлинной, все питающей, являющейся Источником и Смыслом и Целью всего существующего — **всепревосходящей Реальности**.

Как эту реальность доказать? Если говорить ответственно, то приходится признать, что «доказать» эту Реальность нам даже невозможно и уже ненужно. Она сама невидимо теснит, объемлет¹⁾, окружает нас со всех сторон, мы ею и из нее живем. Она **сама себя доказывает**, как Подлинная Действительность, как величайшее сокровище духа. Что дает нам силу, прежде всего как то, что раскрывается как Исконное Основное Бытие. «Сзади и спереди Ты объемлешь меня и полагаешь на меня Руку Свою», говорит автор 138-го (137-го) псалма. Он **покоряет** душу. Источник ее познания — **Встреча**. «Sero te cognivi, sero te amavi o Pulchritudo tam antiqua et tam nova» — «Поздно я познал Тебя, поздно я возлюбил Тебя, о Красота столь изначальная и вечно юная», — восклицает Августин в своей «Исповеди». Мы не можем ее «доказать» ибо **из неё мы существуем**. Она сама себя доказывает.

2.

Поэтому такое великое значение не только в общем потоке Жизни Человечества, но и в нашей собственной маленькой, ограниченной жизни, связанной повседневностью, окруженной ею, — того, что называют **мистическим опытом**. Так говорят нам — но более непосредственными и простыми, живыми, разительными словами, так свидетельствуют нам те, кого мы называем «мистиками» или просто прикоснувшиеся к этому опыту, своей жизнью приобщившиеся этой жизни. Они это знают, они это испытали. «Душа

¹⁾ Срв. у ап. Павла во 2-м Послании к Коринфянам 5, 14.

моя как земля безводная по тебе» (пс. 142) и ответ, пережитый Паскалем: «Certitude, Certitude... joie, paix...» («Уверенность, уверенность... радость, мир...») «A todas las fermosura! O hermosura que excedes» «О Красота, превосходящая всякую другую красоту!» вырывается у Терезы Испанской²⁾.

«Плачу и сокрушаюсь, когда воссвещает мне Свет (Божественный) и я вижу нищету свою», — так рисует Симеон Новый Богослов оба «полюса», обе стороны этого мистического переживания: моя малость перед бесконечным Величием Божиим.³⁾

Но не только об основоположном опыте такой встречи нужно нам говорить, но и о разных видах этой встречи. Ибо здесь коренятся ответы на различные, решающие проблемы нашей жизни, в неменьшей степени и за часто столь яркие, жестокое проблемы современности.

Впрочем, проблемы эти — вечные. Ибо исходят из глубин, идут по глубинам человеческой жизни, как некие нити, как внутренние, основоположные нервы нашей жизни, пробегающие повсюду. Но и Реальность эта может встретиться с нами повсюду, в различных слоях нашего жизненного опыта, и дать нам **Свой** решающий, глубинный ответ, питающий душу. Опять-таки — так говорят верующие или, вернее, прикоснувшиеся к этому Основоположному Опыту и свидетельствующие о нем.

3.

Божественная Реальность освящает жизнь, дает смысл жизни, отвечает на стремления, упования, надежды, проблемы нашего духа. В свете Божественной Реальности жизнь и ее проблемы получают новый, углубленный смысл. Так говорит нам свидетельство веры на протяжении истории человечества.

Ответ дается прежде всего через **близость Бога**. Повсюду со всех сторон охватывает эта близость, говорит, как мы видели, псалмопевец («...Сзади и спереди Ты объемлешь меня...»)

Молодой послушник — работник северо-французского монастыря XVII века, деревенский парень, здоровенный, охотно исполнявший тяжелые кухонные работы (таскал воду, пилил дрова), но малоумственный, взглянув как-то в поздний ноябрьский день

²⁾ Escritos de Santa Teresa, tomo primero (Biblioteca de autores españoles, 53/Madrid 1851 cnp 511.

³⁾ Migne Patrol. Graeca, t. 120 col. 525 B.C.

на оголенное дерево на большой дороге, вдруг живо представил себе, что весной оно опять покроеся листьями и соки будут пробегать всеми его ветвями. И его охватило внезапное чувство Величия Божия и Его безмерного могущества. И с того мгновения пробудилась его душа, и он стал постепенно человеком большой духовной напряженности и высоты духовной. Чувство близости Божией и милосердного безмерного снисхождения Божия пронизывает его очень замечательные краткие поучения.

Красота мира и жизнь Природы, ценности общения друг с другом, святость семьи и семейного очага (во многочисленных языческих религиях мира, но еще более в **самой жизни людей**, в узах любви и нежности и взаимной заботы, связывающих их друг с другом), становятся теми многочисленными «каналами», через которые вливается в жизнь, оплодотворяя ее духовно, ощущение неких поражающих и смягчающих и захватывающих и умиляющих душу соприкосновений с какими-то ценностями, ради которых стоит жить. А иногда и **отдать** свою жизнь. «Нет больше той любви, как если кто **отдаст** душу свою ради друзей своих». ⁴⁾ Эти новозаветные слова — не только поражающее и переворачивающее до глубины откровение. Оно зиждется также на некоторых изумительных основоположных фактах жизни.

Стихия Божественной Любви, объемлющая нас, есть не только переживание, пронизывающее насквозь все свидетельство Апостола Павла (Любовь Христова объемлет нас со всех сторон), но это есть некая глубинная решающая основа бытия, «врывающаяся» — так чувствуют свидетельствующие об этом — в нашу жизнь и «покоряющая» ее. Но об этом — высшем по силе и творчески преобразующем опыте — несколько слов позднее.

Но и так, даже на «средней высоте» душевной, некие богатства открываются человеку в семье, в красоте мира, в величии и красоте Природы, в красотах искусств и во многом, многом другом. Но особенно в **служении любви**, в **себязабывающем служении любви**.

4.

Отдание себя человеком в бескорыстном служении любви, вот, может быть, центральное, величайшее свидетельство о близости Божией к нам в мире (если вообще верить в Бога). Это есть как бы прорыв в мир Божественной Силы.

⁴⁾ Иоанн, гл. 15, 13.

Но это связано и с величайшим испытанием нашей веры в Бога. Сстрадание может стать таким величайшим испытанием нашей веры. Как его понять? Как его объяснить? Все объяснения недостаточны, да они и не нужны. В том весь смысл страдания, что оно только место ужаса, иногда сконцентрированного (срв. «Архипелаг ГУЛаг» Солженицына, который старается в этой книге своей запечатлеть хоть часть этого пережитого, но не сломившего его душу ужаса.) Да! непонятного, невыразимого ужаса. Ужаса, который мы не можем даже понять, не смеем как-то принять (по крайней мере для других), **на который мы не можем морально согласиться** (а в этом — ответ наш, главный ответ наш советской власти). А вместе с тем и здесь, в мировом акте, мировой проблеме, в мировом ужасе страдания (еще более заостренном Советами) здесь христианское благовестие становится особенно современным, более современным, чем все прочие попытки ответов (или часто умолчания или замалчивания), безмерно **радикальным**, несравненно более радикальным и основоположным в своей трезвенной вескости, чем например все выкрики (между прочим, отчасти и клерикальной) неверующей западной молодежи. Благовестие о том, что **Бог сам** — в лице Единородного Сына Своего — вошел в самую **глубину страдания и смерти**. И победил. И дал нам силу стать участниками Его страдания и победы: в этом дана величайшая, ни с чем другим несравнимая, близость к нам Бога, в радикальной проповеди первохристианства об отдавании Себя Сына Божия за нас, — в безмерном снисхождении любви. **В прорыве любви Божией** в наш мир, в наше страдание. «И мы должны отдавать душу за братьев». Так верил и Достоевский, когда говорил о сострадании как «главнейшем внутреннем законе»,⁵⁾ главнейшей внутренней порме бытия человеческого. У Достоевского как раз с исключительной напряженностью и захваченностью и силой подчеркнуты обе нераздельные части этой проповеди, и охватывающее нас сострадание к братьям, зовущее нас на служение и отдавание себя в любви, и Его безмерное сострадание к нам. Первое вытекает из второго: сила нашего отдавания себя в любви из Его безмерного отдавания Себя.

В том познаем мы любовь, что Он отдал за нас душу Свою. И мы должны отдавать душу за братьев.⁶⁾

Все призываются принять участие в этом спасении в Сыне Любви Его, отдавшем Себя в любви.

⁵⁾ См. напр. его знаменитые слова в «Идиоте» ч. II гл. 5.

⁶⁾ Первое Послание Иоанна 3 гл. 16.

Так верит апостольская проповедь. Поэтому она так «несовременна» (или кажется такой), и вместе с тем и так современна и своевременна, ибо касается тем нестареющих и вечно юных. Нет другого ответа — говорит она — как только Бог, принявший на Себя наши страдания и вошедший в нашу бездну страдания и отчаяния и оставленности и осветивший ее Своим присутствием и Своей победой. Христианский ответ: безмерная тайна и богатство и благодатная сила Его Креста и сила Его Воскресения. Ибо это есть решающее откровение отдавшей Себя — даже до смерти — Побеждающей Любви, врывающееся даже и теперь в наш мир (и порой с великой силой) и уже просвечивающее в темноте, даже среди нарастающих ужасов и страдания и зла мира, и уже ставшее невидимым, направляющим центром его судеб.

Но как это узнать, как в это поверить, как в этом увериться? Она сама свидетельствует о Себе, эта Любовь. Через встречу. Только так. Нет другого пути.

«Кто жаждет, приходи ко мне и пей». (Иоанн 7 гл. 37).

Нужно прорваться к этой встрече. Или она сама придет и посетит нас?⁷⁾

⁷⁾ Характерно, что в наши дни к этой центральной теме всей апостольской проповеди — Кресту Господню, как **безмерному отдаванию Себя Божественной Любви** и победной силе Воскресения — возвращаются все снова и снова. См. напр. произведшую большое впечатление в богословских кругах протестантских и англиканских (несмотря на подчас некоторую тяжеловесность изложения), горящую духовную книгу Jörgen Moltman «Der gekreuzigte Gott». München, 1973. (Английское издание) «The Crucified God» SCM Press, London, 1974. Срв. напр. эти строки о безмерном изливании Себя Любви Божией на Кресте Господа: «God is not greater than He is in this humiliation. God is not more glorious than He is in this self-surrender. God is not more powerful than He is in this helplessness. The Christ event on the Cross is a God event... Here He himself is Love with all His being.» («The crucified God» p. 205). Срв. также только что вышедшую книгу католика Louis Bouyer (одного из самых замечательных и глубоких западных богословов нашего времени): «Le Fils Eternel» 1974.

ИЗ ДУХОВНЫХ ПЕСЕН

I.

Однажды ночью черной,
Тревогою любовною палима,
— О, случай благотворный! —
Я выкралась, незрима,
Когда мой дом уснул невозмутимо.

Впотьмах сошла проворно
По лестнице, глухим плащом хранима, —
О, случай благотворный! —
Впотьмах, неуловима,
Когда мой дом уснул невозмутимо.

Тайком, под кровом ночи,
Чтобы никто навстречу не попался.
Мои померкли очи,
Но светлым путь казался
От пламени, что в сердце разгорался.

Оно меня вернее
Вело, чем полдень ярко освещенный,
Туда, где, пламенея,
Он ждал меня, влюбленный —
В безлюдный уголок уединенный.

Ночь путь мне указала:
Ночь, ты милей дневного мне светила.
Ночь, ты в одно связала
Возлюбленного с милой,
Ее в него чудесно превратила!

На той груди красивой,
Что одному ему я сберегала,

*) Хуан де ла Круз (Иоанн от Креста) — величайший испанский поэт и мистик, преобразователь Кармелитского ордена. В духовных песнях, он рассказывает о душе, отрекшейся от любви и мира, но еще не приближившейся к любви Божьей. Стихи эти на грани литературы, богословия и мистики.

Св. Иоанн от Креста
(1542-1591)

Он задремал, счастливый,
А я над ним махала
Кедровой веткой вместо опахала.

Но ветра из бойницы,
Пока с кудрями друга я шалила,
Прозрачная десница
Меж плеч меня пронзила
И вдруг меня сознания лишила.

Забылась я, склонилась
Челом на грудь любимого в бессильи.
Всё растворилось, скрылось,
Заботы опочили,
Забывшие среди белейших лилий.

II.

Беседа души с Женихом.

Где скрылся мой любимый?
Бежал олень, и путь его неведом.
Я в муке нестерпимой.
Всё стало страшным бредом...
Напрасно я звала, бежала следом!

Вы были со стадами,
О, пастухи, и ночью вы не спите:
Прошел ли здесь холмами
Мой дорогой? Найдите
И о тоске моей ему скажите!

Пойду искать повсюду:
На взгорья восходя, к ручьям спускаясь,
Цветы срывать не буду,
Зверей не испугаюсь,
Ни сильных, с их межами не считаюсь.

О, рощицы с кустами,
Любимые вас руки насаждали,
И вы, луга с цветами,
Что ярки, как эмали,
Скажите мне: его вы не видали?

Творения: Дары нам расточая,
Он здесь прошел поспешною стопою
И, ласково взирая,
Всех, что сошлись толпою,
Одел своей чудесной красотою.

Невеста: Томлюсь, но где отрада?
Отдай же, наконец, себя на деле!
Мне вестников не надо
Тех, что цвели и пели,
Но главного поведать не сумели.

Ни тех, что много знают
И, о твоих щедротах рассуждая,
Лишь муку умножают,
Не знаю что болтая...
Вновь остаюсь одна, едва живая.

Так не держись упорно,
О, жизнь моя, не там, где жить бы надо!
Ведь стрелы благотворны,
И в них твоя отрада,
От милого подарок и награда.

О, милый, сердце в ранах, —
Так исцели его в твоём величьи!
Ты — вор из самых странных:
Переменив обычай,
Ты не ушел с украденной добычей!

Тоска моя — как пламя,
Но только ты один покоишишь с нею.
Как светоч, пред глазами
Предстань — взирать посмею:
Для одного тебя я их имсю!

Явись же мне, любимый,
Убей меня и выведи из круга:
Ведь только облик зримый
Прекрасного супруга
Излечит от любовного недуга!

И ты, родник холодный,
Создай в своих струях серебрянных
Тот образ благородный
Желанных глаз влюбленных,
Что в недрах я скрываю воспаленных!

Вот-вот взлечу: желанен,
Но жжет твой взор!

Жених: Останься, голубица:
Олень ведь тоже ранен,
Готов с холма спуститься,
Чтоб ветерком от взлета насладиться.

Невеста: Ты и в горах отвесных,
Любимый, и в долинах многолистных.
Ты в островах безвестных,
Ты в пеньи рек струистых,
В прикосновеньях ветерка душистых.

Залог зари грядущей,
Возлюбленный, ты ночь отдохновений!
Ты в тишине поющей
Приходишь сокровенней
На трапезу любовных упоений.

Лисиц, лисиц ловите!
Оплетены цветами наши лозы,
Их столько, что — смотрите —
Сгребаем в кучу розы,
И не страшат меня ничьи угрозы.

Смирись же, ветер выюжный,
Мертвящий сердце холодом полночным!
Наполни, ветер южный,
Мой сад дыханьем сочным,
И друга я приму в шатре цветочном.

О, девы Иудеи,
Цветы у нас особенные, знайте:
Их аромат полнее.
В предместьях пребывайте,
И даже на порог наш не ступайте!

Сокройся, мой бесценный,
И ласково взирай с высот небесных
На лад неизреченный
И на подруг чудесных
Той, что идет от островов безвестных!

Жених: На стаи птиц проворных,
На львов, на коз, на скачущих оленей
Долин и склонов горных,
На ветерок весенний,
На сборища полночных наваждений.

Вас всех я громом лирным
И песнями сирены заклинаю:
Постойте стадом смиренным,
Мой сад оберегая,
Где спит моя невеста дорогая!

Нет безопасней места!
В желанный сад, взлелеянный и милый,
Вздремнуть пришла невеста
И голову склонила
Супругу на плечо, и опочила.

У яблони, у древа,
Где некогда познала униженья
Твоя праматерь Ева,
Я обещал спасенье
И руку дал в залог соединенья.

Постель у нас нарядна
Сплетенная в тени, в пещерах львиных,
Вся в пурпуре, прохладна,
Как мир сердец невинных,
И тысяча над ней щитов старинных.

Невеста: Разбужена ожогом,
Приправленным вином благоухая,
По всем твоим дорогам
Дев разбежалась стая,
К тебе струи бальзама воссылая.

Там, в горнице супруга,
Я выпила и, выходя, сначала
Исхоженного луга
Уже не узнавала
И стадо, что пасла, я потеряла!

В беседе сокровенной
Просвещена наукой потайною,
Я жертвою смиренной

Быть поклялась — святою,
И милому счастливою женою.

Быть в услуженьи рада,
Я другу предала свои владенья:
Уж не пасу я стада,
Не знаю полеченья, —
В одной любви теперь мое служенье.

В шатре собравшись старом,
Вы скажете: — “Совсем она пропала,
Влюбленная, недаром
Томилась и вздыхала,,,
А я себя в потере отыскала!

Венок сплетаем чудный
Из тех цветов, что утром мы нарвали,
И нити изумрудной:
Лучи цветами стали,
Их волоском моим мы обвязали.

Мой волосок отбился,
Но ты смотрел, как с ветром он метался
На шее — и пленился,
И пленником остался
В глазах моих — и уходить не рвался.

Тем взором, как печатью,
Мне облик ты придал неотразимый
И новой благодатью
Помог своей любимой
Сильней любить твой образ, ею зримый.

Смугла и темнолица,
Я больше не пугаю чернотой,
И можешь ты склониться
Ко мне — любви я стою,
Украшена твоей же красотой!

Жених: Вот белая голубка
В ковчег вернулась с веткою масличной,

А после — однолюбка —
Нашла уют привычный,
И с ней теперь товарищ недвуличный.

В своем уединеньи
Одна свое гнездо она свивала,
Но с ней в ее стремленьи
Был с самого начала
Возлюбленный, о чем она не знала.

Невеста: Нас радует, как чудо,
Друг в друге красота твоя святая!
Взойдем на холм, откуда
Бежит вода живая,
И чаша пусть укроет нас лесная.

Снаружи — камень серый,
Травой к нему зарос подъем высокий.
Вглубь каменной пещеры
Взойдем, и мир глубокий
Там будем пить в густом плодовом соке.

И мне тогда ты явишь
Всё то, за чем я шла, тоской объята,
Покажешь и оставишь,
И буду я богата
Всем тем, о чем ты говорил когда-то!

И ветерка дыханье,
И соловья чарующее пенье,
Деревьев колыханье,
И лунное струенье,
И пламя, что сжигает без мученья.

От стрел Аминадава
И от орудий спрятана осадных,
Смотрю, как величаво
В рядах прямых и ладных
Уходят кони в шелест рек прохладных.

Любви живое пламя,
О, как ты нежно ранишь
В ту глубину, где это сердце бьется,
Легчайшими перстами,
А если перестанешь —
Счастливой нашей встречи ткань порвется.

Как сладко прижиганье!
Как эта боль крылата!
Как ласково руки прикосновение:
В вас — вечности касанье
И всех трудов оплата,
И смерти в жизнь святое превращенье!

Светильники, как в склепы,
Сошли к дремотным чувствам,
И те, сильны и новы,
Не сумрачны, не слепы,
Всем жаром, всем искусством
Любимому ответили на зовы!

Сном освеженный кратким,
Ты, нежный, пробудился
На той груди, где дом твой утраченный!
Своим дыханьем сладким,
Где свет со славой слился,
Ты делаешь меня навек влюбленной!

*Перевел с испанского оригинала
Валерий Перелешин.*

ПАМЯТИ ПАТРИАРХА ТИХОНА

К 50-летию со дня смерти

(19-I-1865 — 12-IV-1925)

...Я поклоняюсь памяти Патриарха Тихона. Какая новизна, неисследованность и тягота предожидала все разнообразные и несхожие шаги его в те бурные годы, которым по бурности не было равных за тысячу лет России: и когда он руку подымал с амвона для анафемы большевистским комиссарам; и когда терзался сомнениями в клещах бесстыжей игры Ленина и Троцкого с церковными ценностями: милосердие приводило к разгрому, а стойкость выглядела противохристианской; и когда для одоления наглых «обновленцев» допускал тон полупримирия с атеистической властью; и когда взвешивал меру разрешимых уступок. На плечи его легла тяжесть не только тех необычных, еще никем тогда не осознанных лет, но и тогда ж проявившееся бремя грехов предыдущей церковной русской истории.

А. Солженицын

(Из письма собору "Зарубежной Церкви")

I. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ПРОТ. А. РОЖДЕСТВЕНСКОГО *

Я помню Патриарха еще юношей, когда он учился в Псковской духовной семинарии, в 1878—1883 годах. Он родился в Торопце, Псковской губ., где отец его всю свою жизнь был священником. Город этот тем замечателен, что похож на Москву необычным обилием церквей; в маленьком городке церкви на каждом шагу, все старинные и довольно красивые. Есть в нем и местная святыня, древняя Корсунская икона Божией Матери, известная в русских летописях с самых первых времен христианства на Руси. Жизнь там была крайне патриархальная, со многими чертами старинного русского быта: ведь ближайшая железная дорога была тогда верстах в 200 от Торопца.

*) Воспоминания Прот. А. Рождественского вышли отдельной брошюрой в 1922 году, в Софии.

Влияние семейной и городской обстановки сказалось и на юноше, Василии Ивановиче Беллавине, скромном семинаристе, отличавшемся религиозностью, ласковым и привлекательным характером. Он был довольно высокого роста, белокурый. Товарищи любили его, но к этой любви всегда присоединялось и чувство уважения, объяснявшееся его неуклонной, хотя и вовсе не аффектированной религиозностью, блестящими успехами в науках и всегдашней готовностью помочь товарищам, неизменно обращавшимся к нему за разъяснениями уроков, особенно за помощью в составлении и исправлении многочисленных в семинарии «сочинений», т. е. письменных работ. В этом юный Беллавин находил для себя даже какое-то удовольствие, веселье, и с постоянной шуткой, хотя и с наружно серьезным видом, целыми часами возился с товарищами, поодиночке или группами внимавшими его объяснениям. Замечательно, что товарищи в семинарии шутиливо называли его «архиереем». В Петроградской Духовной Академии я застал В. И. Беллавина на третьем курсе. И хотя в Академии не принято было давать шуточные прозвища, но товарищи по курсу, очень любившие ласкового и спокойно религиозного псковича, называли его уже «патриархом». Впоследствии, когда он стал первым в России, после 200-летнего перерыва, патриархом, его товарищи по Академии не раз вспоминали это пророческое прозвище.

Здесь, в Академии, Василий Иванович был также общим любимцем. Это особенно проявилось при одном обстоятельстве, когда он уже был на последнем курсе. В Академии существовала студенческая библиотека, содержавшаяся на средства, добываемые самими студентами, посредством взаимообложения, продажи жертвуемых книг и вещей, небольших пожертвований посторонних лиц и т. п. Журналы и газеты частью присылались бесплатно, частью выписывались по выбору самих студентов. Книги также покупались по желанию студентов, без начальственного контроля, хотя начальство прекрасно знало состав библиотеки. А так как при Академии была прекрасная и обширная библиотека, преимущественно книг духовного содержания, то естественно, что в студенческую библиотеку выписывались большею частью светские книги, беллетристика, которой не было в академической; попадали туда и «запрещенные» книги. Библиотекарь был из студентов, по их собственному выбору. И вот однажды библиотекарь-студент был сменен начальством по «неблагонадежности», а студенты протестовали против этого тем, что не хотели изби-

рать никого, кроме забракованного начальством. Тогда ректор Академии, епископ Антоний, впоследствии митрополит петроградский, назначает библиотекарем В. И. Беллавина. Маневр вполне удался: популярность Беллавина среди студентов была так велика, что никто не стал протестовать против нарушения студенческих прав, и он был признан студентами.

Обычно студенты, имеющие намерение сделать духовно-административную карьеру, принимали монашество еще в Академии, на 4-м курсе, а кто нуждался в сильной протекции и при переходе с курса на курс, то и раньше, даже на 1-2 курсах. В. И. Беллавин кончил курс светским студентом и получил назначение в родную Псковскую семинарию преподавателем богословских предметов. Ученики его по семинарии живо помнят молодого преподавателя, резко выделявшегося среди других живым отношением к делу, дружеским вниманием к нуждам учеников, надежным покровительством в их столкновениях с семинарским начальством. Другие преподаватели бывали люди холодные, формалисты, третировавшие учеников, как кутейников-семинаристов, обязанных лишь знать «от сих до сих» и вести себя тише воды, ниже травы. Мне не раз приходилось встречаться с учениками В. И. Беллавина по Псковской семинарии, и все они сохранили о нем самые светлые воспоминания. Жил он в патриархальном Пскове скромно, на мезонине деревянного домика, в тихом переулке близ церкви «Никола Со усохи» (там сохранилось много старинных названий), и не чуждался дружеского общества. И до сих пор он любил вспоминать о своих псковских друзьях, беседы с которыми давали ему отдых в часы досуга.

Но вот разнеслась неожиданная весть: молодой преподаватель подал архиерею прошение о принятии монашества, и скоро будет его пострижение. Епископ Гермоген, добрый и умный старец, назначил пострижение в Семинарской церкви, и на этот обряд, редкий в губернском городе, да еще над человеком, которого многие так хорошо знали, собрался чуть не весь город. Опасались, выдержат ли полы тяжесть собравшегося народа (церковь во втором этаже семинарского здания), и, кажется, специально к этому дню поставили подпорки к потолкам в нижнем этаже. Очевидцы помнят, с каким чувством, с каким убеждением отвечал молодой монах на вопросы архиерея о принимаемых им обетах: «Ей, Богу содействующу» (да, при Божией помощи). Конечно, как это всегда и бывает, многие плакали... Но сам постригаемый вполне сознательно и обдуманно вступал в новую жизнь, считая

себя, очевидно, не склонным к семейным обязанностям и желая посвятить себя исключительно служению Церкви.

После пострижения служба «ученого монаха» идет уже по твердо установленной колее: сначала — административные должности в духовно-учебных заведениях, а затем кафедра епископа викарного, епархиального и т. д. Иеромонах Тихон, — как нарекли В. И. Беллавина в монастыре, — скоро получает назначение сначала инспектором, а потом ректором в Холмскую духовную семинарию (в г. Люблине), посвящается в епископа Люблинского, викария Холмской епархии, а там, как вполне надежный человек, испытанный на административном посту, назначается на ответственную епископскую кафедру в Соединенных Штатах Северной Америки. Я помню, с каким волнением уезжал в далекие края молодой епископ, вместе с младшим своим братом, болезненным юношей, покидая в Псковской губернии горячо любимую им мать-старушку; отца его тогда уже не было в живых. Брат его скончался на руках преосвященного Тихона, несмотря на все заботы о нем, в далекой Америке, и лишь тело его было перевезено в родной Торопец, где жила еще старушка-мать. Вскоре, с ее кончиной, не осталось в живых никого из родственников Патриарха.

Довольно продолжительное пребывание в Америке дало простор административно-пастырским талантам преосвященного Тихона, в применении к новым, совершенно чуждым для России условиям.

Условия жизни и деятельности русского епископа в Америке были чрезвычайно своеобразны. Русские приходы разбросаны там по разным городам не только штатов, но и далекой Аляски и Алеутских островов, — преосвященный побывал и там, своими глазами видел этих православных полудикарей, сохранивших свой быт и веру в чуждых условиях американского гражданского строя. Наряду с русскими в Америке живет много галичан, отчасти униатов, много православных сирийцев, болгар, сербов, греков: нужно умело ориентироваться среди междуцерковных и международных отношений, не задевая ничьих привилегий. И русское духовенство в условиях американской жизни волей-неволей должно во многом применяться к ним, что особенно трудно для лиц монашествующих. Полная свобода верований, гласность, равенство во взаимных отношениях, торговый дух американцев, — все это было непривычно русскому человеку, попавшему в американский водоворот из тихой монашеской кельи. Но врожденный такт преосвященного Тихона, умение его понять чужие обычаи и лю-

бовное отношение к людям помогли ему и в Америке настроить жизнь церковную на должный лад, вдохнуть в духовных своих помощников ревность к работе и сохранить между ними полный мир и согласие. Управление преосвященного Тихона оставило глубокий след в жизни православных американцев, а сам он вспоминает об этом времени, как о таком, которое расширило его церковно-политический кругозор, познакомило с новыми формами человеческих взаимоотношений и подготовило к тому, что пришлось ему испытать впоследствии.

За время службы в Америке преосвященный Тихон только один раз приезжал в Россию, когда был вызван в Св. Синод для участия в летней сессии. Тут перед высшими иерархами и перед светскими правителями церкви, — тогда обер-прокурорствовал еще К. П. Победоносцев, — обнаружились духовно-административные таланты молодого епископа, и он вскоре был возведен в высший сан архиепископа, а затем призван к управлению одной из самых старейших и важнейших епархий в России, Ярославской. Там, в Ярославле, он пришелся всем по душе. Все полюбили доступного, разумного, ласкового архипастыря, охотно откликавшегося на все приглашения служить в многочисленных храмах Ярославля, в его древних монастырях, даже приходских церквях обширной епархии. Часто посещал он церкви и без всякой помпы, даже ходил пешком, что в ту пору было необычным делом для русских архиереев. А при посещении церквей вникал во все подробности церковной обстановки, даже поднимался иногда на колокольню, к удивлению батюшек, непривычных к такой простоте архиереев. Но это удивление скоро сменялось искреннею любовью к архипастырю, разговаривавшему с подчиненными просто и ласково, с добродушною шуточкою, без всякого следа начальственного тона. Даже замечания обыкновенно делались добродушно, иногда с шуткою, которая еще больше заставляла виновного стараться исправить замеченную неисправность.

Ярославцам казалось, что они получили идеального архипастыря, с которым никогда не хотелось бы расставаться. Но высшее церковное начальство, преимущественно светское, не любило, чтобы архиерей долго засиживался на одной кафедре, особенно если он приобретал там общие симпатии. Преосвященного Тихона скоро перевели на Виленскую кафедру, а в Ярославль прислали виленского архиепископа Агафангела. Это тоже достойнейший архипастырь, и причины такого перемещения были непонятны. Кажется, вмешался «союз русского народа», тогда весь-

ма влиятельный в высшем духовном мире. Проводы преосвященного Тихона в Ярославле были необычайно трогательны; всеобщая любовь и уважение к нему ярославцев сказались в том, что городская дума избрала его почетным гражданином Ярославля, — отличие, не выпавшее на долю ни одному, кажется, из тогдашних архиереев.

В Вильне от православного архиепископа требовалось много такта. Нужно было угодить и местным властям, и православным жителям края, настроенным иногда крайне враждебно к полякам, нужно было и не раздражать поляков, составлявших большинство местной интеллигенции, нужно было всегда держать во внимании особенности духовной жизни края, отчасти ополяченного и окатоличенного. Для любящего во всем простоту архиепископа Тихона труднее всего было поддерживать внешний престиж духовного главы господствующей церкви в крае, где не забыли еще польского гонора и высоко ценили пышность. В этом отношении простой и скромный владыка не оправдывал, кажется, требований ревнителей внешнего блеска, хотя в церковном служении он не уклонялся, конечно, от подобающего великолепия и пышности и никогда не ронял престижа русского имени в сношениях с католиками. И там все его уважали. Помню, как он однажды ехал из Вильны на свою великолепную архиерейскую дачу, Тринополь, в простой коляске и в дорожной скуфейке, к ужасу русских служащих; но все, кто его встречали и узнавали, русские, поляки и евреи, низко ему кланялись. Во время прогулки по «кальварии», — так назывался ряд католических часовен вокруг архиерейской дачи, посвященных разным стадиям крестного пути Христа на Голгофу, — перед архиепископом вставали и приветствовали его все католики, служившие при часовне, хотя он был в подряснике и шляпе.

Здесь, в Вильне, преосвященного застало в 1914 объявление войны. Его епархия оказалась в сфере военных действий, а затем через нее прошел и военный фронт, отрезавший часть епархии от России. Пришлось преосвященному покинуть и Вильну, вывезши лишь св. мощи и часть церковной утвари. Сначала он поселился в Москве, куда перешли и многие виленские учреждения, а потом в Дисне, на окраине своей епархии. Во всех организациях, так или иначе помогавших пострадавшим на войне, обслуживавших духовные нужды воинов и т. п., преосвященный Тихон принимал деятельное участие, посещал и болящих, и страждущих, побывал даже на передовых позициях, под неприятельским об-

стрелом, за что получил высокий орден с мечами. На это же время падает и присутствие архиепископа Тихона в Св. Синоде, куда он неоднократно вызывался привительством. Между прочим, по поручению Синода он должен был совершить далекое и не особенно приятное путешествие в Тобольск, для расследования громкого дела о самовольном прославлении мощей пресловутым епископом Варнавой, которого поддерживал Распутин. Как всегда, преосвященный Тихон действовал примирительно и много способствовал благополучному окончанию дела.

Всего тяжелее оказалось положение архиепископа Тихона во дни революции, когда он был в Синоде, а на кресле К. П. Победоносцева и В. К. Саблера оказался неуравновешенный В. Н. Львов. Тотчас же с усердием, достойным лучшего применения, и с приемами жандарма старых времен революционный обер-прокурор изгнал из Синода митрополитов Питирима и Макария, ставленников Распутина, но и остальным членам Синода нелегко было ладить с В. Н. Львовым.

Затем весь состав Синода был сменен; был освобожден от присутствия в нем и преосвященный Тихон. Вскоре москвичам пришлось избирать архипастыря вместо удаленного на покой митрополита Макария, и вот на московскую кафедру был избран виленский архиепископ Тихон.

Что повлияло на этот выбор, совершенно неожиданный и для самого преосвященного Тихона? Несомненно, рука Божия вела его к тому служению, какое он несет теперь для славы Церкви и спасения Родины. В Москве его мало знали. В Петроград приезжали особо уполномоченные от московских духовных и светских кругов, чтобы собрать сведения о достойных кандидатах; в собрании, особо для них устроенном, называлось много имен, было названо и имя архиепископа Тихона, но определенно ни на ком не остановились. На предварительных собраниях в Москве, перед выборами архипастыря, имя архиепископа Тихона также не выступало на первую очередь; больше голосов было за А. Д. Самарина, и только решительное голосование в храме, пред древней святыней Москвы, Владимирской иконой Божией Матери, дало значительный перевес пред всеми архиепископу Тихону; он был торжественно провозглашен избранным и утвержден Св. Синодом. Возможно, что близость Ярославля к Москве имела здесь некоторое значение: ярославцы хорошо помнили архиепископа Тихона.

Москва торжественно и радостно встретила своего первого избранника — архипастыря. Он скоро пришелся по душе москви-

чам, и светским, и духовным. Для всех у него находится ровный прием и ласковое слово, никому не отказывает он в совете, в помощи, в благословении. Скоро оказалось, что владыка охотно принимает приглашения служить в приходских церквях, — и вот церковные причты и старосты начинают наперебой приглашать его на служение в приходские праздники, и отказа никому нет. После службы архипастырь охотно заходит и в дома прихожан, к их великой радости. В короткое время своего архиерея знает чуть не вся Москва, знает, уважает и любит, — это ясно обнаружилось впоследствии.

Как только разразилась революция, рухнула власть, на которую привыкла опираться церковь, — всем церковным людям стало ясно, что нужно немедленно созвать Церковный Собор, который должен дать новые, крепкие устои церковному порядку. Синод собрал «предсоборный совет» для разрешения всех вопросов, связанных с немедленным созывом Собора, и в работах этого совета архиепископ Тихон принимал деятельное участие. Когда было решено открыть Собор именно в Москве, 15 августа, то новому Московскому архипастырю пришлось много поработать, чтобы в короткое время приготовить все нужное к принятию и размещению духовных гостей, членов Собора. Ведь соборов не бывало на Руси свыше 200 лет, — все было ново, непривычно, нужно было предусмотреть все детали, чтобы работа Собора шла беспрепятственно и успешно. Архиепископ сам неоднократно осматривал все помещения, назначенные для работ Собора и для его членов, объезжал монастыри, где должны были жить епископы, — их ожидалось свыше 60-ти. И если Собор сразу пошел гладко, если членам его можно было жить и работать, хотя и без желательного простора и удобств, то в этом заслуга несомненно Московского архипастыря.

Члены Собора скоро оценили это: председателем Собора был избран архиепископ Тихон, получивший к тому времени титул Митрополита. В этом сказалось, конечно, прежде всего желание членов Собора почтить духовного хозяина Москвы, приютившей Собор. Но председательство на Соборе митрополита Тихона дало возможность всем членам, собравшимся из далеких концов России, и даже из-за границы, близко познакомиться с архипастырем, узнать его прекрасный характер, неисчерпаемую доброжелательность, высокий ум и такт. До сих пор мало кто знал преосвященного Тихона: он не любил выдвигаться на первый план, никогда о себе не шумел и не жаловал льстецов.

В первую очередь Собор выдвинул вопрос о восстановлении в России патриаршества, уничтоженного Петром Великим в целях укрепления царского самодержавия. Собором решено было восстановить патриаршество. Это как раз совпало с большевистским переворотом; в Москве стояла несмолкаемая канонада, — большевики обстреливали Кремль, где дружно держалась еще кучка юнкеров. Когда Кремль пал, все на Соборе страшно тревожились и об участи молодежи, попавшей в руки большевиков, и о судьбе Московских Святынь, подвергавшихся обстрелу. И вот, первым спешит в Кремль, как только доступ туда оказался возможным, Митрополит Тихон, во главе небольшой группы членов Собора. Я помню, с каким волнением выслушивал Собор живой доклад Митрополита, только что вернувшегося из Кремля, как перед этим члены Собора волновались из опасения за его судьбу: некоторые из спутников Митрополита вернулись с полпути и рассказывали ужасы о том, что они видели, но все свидетельствовали, что Митрополит шел совершенно спокойно, не обращая внимания на озверевших солдат, на их глазах расправлявшихся с «кадетами», и побывал везде, где было нужно. Высота его духа была тогда для всех очевидна.

Спешно приступили к выборам патриарха; опасались, как бы большевики не разогнали Собор. Решено было голосованием всех членов Собора избрать трех кандидатов, а затем предоставить воле Божией, посредством жребия, указать избранника. И вот, усердно помолившись, члены Собора начинают длинными вереницами проходить перед урнами с именами намеченных кандидатов. Первое и второе голосование дало требуемое большинство Митрополитам Харьковскому и Новгородскому, и лишь на третьем выдвинулся Митрополит Московский Тихон. Перед Владимирскою иконою Божией Матери, нарочно принесенною из Успенского Собора в Храм Христа Спасителя, после торжественной литургии и молебна, схимник, член Собора, благоговейно вынул из урны один из трех жребиев с именами кандидатов, и, ныне покойный Митрополит Киевский Владимир провозгласил имя избранника — Митрополита Тихона. Живо помню, с каким смиренным, с сознанием важности выпавшего жребия и с полным достоинством принял преосвященный Тихон известие о Божьем избрании. Он не жаждал нетерпеливо этой вести, но и не тревожился страхом, — его спокойное преклонение перед волей Божией было ясно видно для всех. Когда торжественная депутация членов Собора, во главе с высшим духовенством, явилась в церковь Троиц-

кого подворья в Москве для «благовестия» о Божием избрании и для поздравления вновь избранного Патриарха, преосвященный Тихон вышел из алтаря в архиерейской мантии и ровным голосом начал положенный по церемониалу краткий молебен. Отвечая на поздравительные речи, произнесенные после молебна от имени Собора, от Синода, от Московской епархии, владыка для каждого нашел ласковое, не шаблонное слово; это было тогда же отмечено. Тогда же он дал обет — стоять за Церковь православную до смерти, — и вот теперь он всем показал, что обещание это не было лишь пустым звуком, что оно дано было от души и с полным убеждением.

Время перед торжественным возведением на патриарший престол Митрополит Тихон проводил в Троице-Сергиевой Лавре, готовясь к принятию высокого сана. Соборная комиссия спешно выработывала давно забытый на Руси порядок поставления патриархов, особенности их служения, отличия в одежде и т. под. Большевики тогда не закрыли еще Кремля, и можно было совершить церемонию в древнем патриаршем Соборе — Успенском, где сохранился и патриарший трон на горнем месте, — на него никто не садился со времени последнего Патриарха, — и особое патриаршее место. Добыли из богатой патриаршей ризницы облачения русских Патриархов, жезл Митрополита Петра, митру и белый колбук Патриарха Никона и др. Интересно отметить, что колбук и мантия Никона оказались вполне пригодными для нового Патриарха.

Великое церковное торжество происходило в Успенском соборе 21 ноября 1917 г. Мощно гудел Иван Великий, кругом шумели толпы народа, наполнявшие не только Кремль, но и Красную площадь, куда были собраны крестные ходы из всех московских церквей. За литургией два первенствующие митрополита при пении «аксиос» (достоин) трижды возвели Божия избранника на патриарший трон, облачили его в присвоенные его сану священные одежды. После литургии новый Патриарх, в сопровождении крестного хода, шел вокруг Кремля, окропляя его святою водою. Замечательно отношение большевиков к этому торжеству. Тогда они не чувствовали еще себя полными хозяевами и не заняли определенной позиции в отношении Церкви, хотя враждебность к ней была ясна. Солдаты, стоявшие на гауптвахте у самого Успенского собора вели себя развязно, не снимали шапок, когда мимо проносили иконы и хоругви — курили, громко разговаривали и смеялись. Но вот вышел из собора Патриарх,

казавшийся согбенным старцем в своем кругло-белом колбуке с крестом наверху, в синей бархатной мантии Патриарха Никона, — и я видел, как солдаты моментально скинули шапки и бросились к Патриарху, протягивая руки для благословения через перила гауптвахты. Было ясно, что то было лишь «бахвальство», модное, напускное, а теперь прорвались настоящие чувства, воспитанные веками.

Собор 1917-18 г. в Москве.

Патриарх Тихон не изменился, остался таким же доступным, простым, ласковым человеком, когда стал во главе русских иерархов. По-прежнему он охотно служил в московских церквях, не отказываясь от приглашений. Близкие к нему лица советовали ему по возможности уклоняться от этих утомительных служений, указывая на престиж Патриарха; но оказалось потом, что эта доступность Патриарха сослужила ему большую службу: везде его узнали, как своего, везде полюбили и потом стояли за него горой, когда пришла нужда его защищать. Попробуй-ка теперь большевики его тронуть, — за него подымется вся Москва, а теперь и вся Россия. Но мягкость в обращении Патриарха Тихона не мешала ему быть непреклонно твердым в делах церковных, где было нужно, особенно в защите Церкви от ее врагов. Тогда уже вполне наметилась возможность того, что большевики помешают Собору работать, даже разгонят его. Несмотря на это, Патриарх никогда не уклонялся от прямых обличений, направленных против гонений на Церковь, против декретов большевиков, разрушавших устои православия, их террора и жестокости.

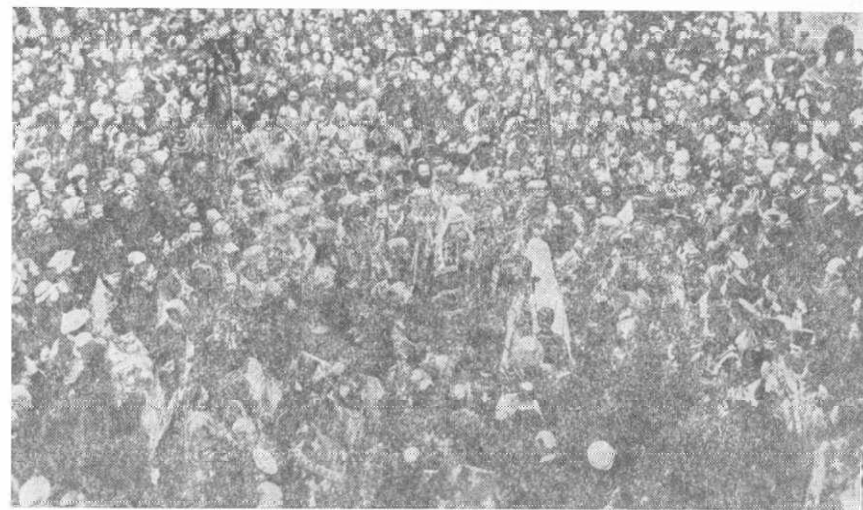
Всем памяты обличительные послания Патриарха, заканчивавшиеся анафемой большевикам. Неоднократно устраивались

грандиозные крестные ходы для поддержания в народе религиозного чувства, и Патриарх неизменно в них участвовал. А когда получилась горькая весть об убийстве Царской семьи, то Патриарх тотчас же на заседании Собора отслужил панихиду, а затем служил и заупокойную литургию, сказав грозную, обличительную речь, упрекая большевиков в этом вопиющем преступлении.

По решению Московского Церковного Собора в управлении Церковью Патриарх действует совместно с Священным Синодом, состоящим из одних архиереев, и Высшим Церковным Советом, — из архиереев, духовенства и мирян. И Патриарх Тихон всегда строго соблюдал это постановление Собора, не принимал на себя единоличных решений и предпочитал все делать с общего согласия, часто собирая соединенные заседания Синода и Совета. Он обращался к ним за советом даже по таким делам, которые принадлежали ему единолично, хотя оставлял за собою право следовать или не следовать выслушанным советам. Помню, как составлялось громовое послание Патриарха к большевикам по случаю годовщины их владычества. Многие тогда настойчиво отговаривали Патриарха от этого рискованного шага, опасаясь за его свободу и жизнь. Когда он прочитал на соединенном заседании Синода и Совета проект послания, то все высказывали крайние опасения и указывали на то, что Патриарх должен беречь себя для пользы Церкви. Патриарх внимательно выслушал все советы, но стоял на своем. В ближайшее воскресенье он служил в своем Троицком подворье и после литургии заявил бывшим у него, что подписал послание и сделал распоряжение об отправке его комиссарам. — «Да, он всех внимательно слушает, мягко ставит возражения, но на деле проявляет несокрушимую волю», говорил по этому поводу один интеллигент, член Совета.

Каждую минуту опасались за жизнь Патриарха. Большевики наложили уже руку на членов Собора, выселяли их то из одного помещения, то из другого, некоторых арестовали, ходили тревожные слухи о замыслах и против Патриарха. Однажды, поздно ночью, явилась к Патриарху целая депутация из членов Собора, во главе с видными архиереями, извещая его, со слов верных людей, о решении большевиков взять его под арест и настойчиво советовавшая немедленно уехать из Москвы даже за границу, — все было готово для этого. Патриарх, уже легший было спать, вышел к депутации, спокойный, улыбающийся, внимательно выслушал все, что ему сообщили, и решительно заявил, что никуда не поедет: «бегство Патриарха, — говорил он, — было бы слыш-

ком на руку врагам Церкви, они использовали бы это в своих видах. Пусть делают все, что угодно». Депутаты остались даже ночевать на подворье и много дивились спокойствию Патриарха. Слава Богу, тревога оказалась напрасною. Но за Патриарха тревожилась вся Москва. Приходские общины Москвы организовали охрану Патриарха; каждую ночь, бывало, на подворье ночевали по очереди члены церковных Советов, и Патриарх непременно приходил к ним побеседовать. Неизвестно, что могла бы сделать эта охрана, если бы большевики действительно вздумали арестовать Патриарха: защитить его силой она, конечно, не могла, собрать народ на защиту — тоже, так как большевики предусмотрительно запретили звонить в набат, под страхом немедленного расстрела, и даже ставили своих часовых на колокольнях. Но в дежурстве близ Патриарха церковные люди находили для себя нравственную отраду, и Патриарх этому не препятствовал.

Патриарх Тихон на улицах Петрограда (май 1918 г.)

Безбоязненно выезжал Патриарх и в Московские церкви, и вне Москвы, куда его приглашали. Выезжал он либо в карете, пока было можно, либо в открытом экипаже, а перед ним обычно ехал иподиакон в стихаре, с высоким крестом в руках. Народ благоговейно останавливался и снимал шапки, и я не помню случая, чтобы кто-нибудь сказал оскорбительное слово. Когда Пат-

риарх ездил в Богородск, промышленный город Московской губернии, а позже в Ярославль и в Петроград, то многие опасались, как бы не устроили скандал солдаты или рабочие, но все страхи оказались напрасными. В Богородске рабочие встретили Патриарха, как прежде встречали царя, устроили для его встречи красиво убранный павильон, переполняли все улицы во время его проезда. В Ярославле, — это было уже после его разгрома, — сами комиссары вынуждены были принять участие во встрече, обедали с Патриархом, снимались с ним. О поездках Патриарха в Петроград хорошо известно: это был целый триумф. Московские комиссары хотели предоставить для Патриарха лишь одно купе в вагоне, но железнодорожные рабочие настояли, чтобы ему был дан особый вагон, и по пути встречали его на остановках. Религиозное чувство сказалось в русском человеке, он сердцем почуял в Патриархе «своего», любящего, преданного ему всей душой...

ТРИ ПОСЛАНИЯ ПАТРИАРХА ТИХОНА

СМИРЕННЫЙ Т И Х О Н

Божию Милостью Патриарх Московский и всея России возлюбленным о Господе архипастырям, пастырям и всем верным чадам Православной Церкви Российской.

«Да избавит нас Господь от настоящего века лукавого»

(Гал. 1,4)

Тяжкое время переживает ныне Святая Православная Церковь Христова в Русской земле: гонение воздвигли на истину Христову явные и тайные враги сей истины и стремятся к тому, чтобы погубить дело Христово и вместо любви христианской всюду сеят семена злобы ненавистной и братоубийственной брани.

Забыты и попраны заповеди Христовы о любви к ближним: ежедневно доходят до нас известия об ужасных и зверских избиениях ни в чем не повинных и даже на одре болезни лежащих людей, виновных только разве в том, что честно исполняли свой долг перед Родиной, что все силы свои полагали не только под покровом ночной темноты, но и въявь при дневном свете, с неслыханною доселе дерзостью и беспощадной жестокостью, без всякого суда и с попранием всякого права и законности, совершается в наши дни во всех почти городах и весях нашей отчизны: и в столицах, и на отдаленных окраинах (в Петрограде, Москве, Иркутске, Севастополе и друг.).

Все сие преисполняет сердце наше глубокою болезненною скорбью и вынуждает нас обратиться к таковым извергам рода человеческого с грозным словом обличения и прещения по завету св. Апостола: «Согрешающих пред всеми обличай, да и прочии страх имут» (I Тим., 5,20).

Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело, это — поистине дело сатанинское, за которое подлежите вы огню геенскому в жизни будущей — загробной и страшному проклятию потомства в жизни настоящей — земной.

Властию, данную нам от Бога, запрещаем вам приступать к Тайнам Христовым, анафемствуем вас, если только вы носите еще

имена христианские и хотя по рождению своему принадлежите к Церкви Православной.

Заклинаем и всех вас, верных чад Православной Церкви Христовой, не вступать с таковыми извергами рода человеческого в какие-либо общения: «изъмите злаго от нас самих» (I Кор. 5,13).

Гонение жесточайшее воздвигнуто и на Святую Церковь Христову: благодатные таинства, освящающие рождение на свет человека, или благословляющие супружеский союз семьи христианской, открыто объявляются ненужными, излишними; святые храмы подвергаются или разрушению чрез расстрел из орудий смертоносных (святые соборы Кремля Московского), или ограблению и кощунственному оскорблению (часовня Спасителя в Петрограде); чтимые верующим народом обители святые (как Александро-Невская и Почаевская лавры) захватываются безбожными властелинами тьмы века сего и объявляются каким-то якобы народным достоянием; школы, содержавшиеся на средства Церкви Православной и подготовлявшие пастырей Церкви и учителей веры, признаются излишними и обращаются или в училища безверия, или даже прямо в рассадники безнравственности.

Имущество монастырей и церквей православных отбираются под предлогом, что то — народное достояние, но без всякого права и даже без желания считаться с законною волею самого народа... И наконец власть, обещавшая водворить на Руси право и правду, обеспечить свободу и порядок, проявляет всюду только самое разнузданное своеволие и сплошное насилие над всеми и в частности над Святою Церковью Православной.

Где же пределы этим издевательствам над Церковью Христовой? Как и чем можно остановить это наступление на нее врагов неистовых?

Зовем всех вас, верующих и верных чад Церкви: станьте на защиту оскорбляемой и угнетаемой ныне Святой Матери нашей.

Враги Церкви захватывают власть над нею и ее достоянием силою смертоносного оружия, а вы противостаньте им силою веры вашей, нашего властного всенародного вопля, который остановит безумцев и покажет им, что не имеют они права называть себя поборниками народного блага, строителями новой жизни по велению народного разума, ибо действуют даже прямо противно совести народной.

А если нужно будет и пострадать за дело Христово, зовем вас, возлюбленные чада Церкви, зовем вас на эти страдания вме-

сте с собою словами святого Апостола: «Кто разлучит от любви Божия? Скорбь ли, или теснота, или гонение, или глад, или нагота, или беда, или меч?» (Рим. 8,35).

А вы, братие Архипастыри и Пастыри, не медля ни одного часа в вашем духовном делании, с пламенной ревностью зовите чад ваших на защиту попираемых ныне прав Церкви Православной, немедленно устраивайте духовные союзы, зовите не нуждою, а доброю волею становиться в ряды духовных борцов, которые силе внешней противопоставят силу своего святого воодушевления, и мы твердо уповаем, что враги Церкви будут посрамлены и расточатся силою Креста Христова, ибо непреложно обетование Самого Божественного Крестonosца: «Созижду Церковь Мою, и врата ада не одолеют ей».

Тихон, Патриарх Московский и всея России

Января 19 дня, 1918 г.

(Московская Синодальная Типография, 1918 г.).

БОЖИЮ МИЛОСТИЮ

смирный Т и х о н, Патриарх Московский и всея России,
возлюбленным о Господе архипастырям и пастырям
Церкви Российской.

«Молю вы, братие, блюдитесь от
творящих распри и раздоры...
и уклонитесь от них (Рим. XVI, 17).

Многочратно с церковной кафедры обращались мы к верующим со словом пастырского назидания о прекращении распри и раздоров, породивших на Руси кровавую маждусобную брань, но и донныне эта брань не прекращается, и кровь обильным потоком льется по всему обширному пространству Русской земли, взаимная вражда между борющимися сторонами все более разгорается, все чаще и чаще проявляется в жестоких кровавых расправах не только над теми, кто принимал непосредственное и деятель-

ное участие в этой борьбе, но и над теми, кто только подозревается в таковом участии, иногда и без достаточных к тому оснований.

Если ужасы кровавой расправы враждующих между собою лагерей не могут не производить гнетущего впечатления на сердце каждого христианина, то неизмеримо более тягостное впечатление производят эти ужасы тогда, когда жертвами их делаются нередко невинные люди, непричастные к этой страстной политической борьбе.

Не мимо идут эти ужасы и нас, служителей Церкви Христовой, и много уже архиастырей и пастырей и просто клириков сделалось жертвами кровавой политической борьбы. И все это за весьма, быть может, немногими исключениями только потому, что мы, служители и глашатаи Христовой истины, подпали под подозрение у носителей современной власти в скрытой контрреволюции, направленной якобы к ниспровержению Советского строя. Но мы с решительностью заявляем, что такие подозрения — не справедливы: установление той или иной формы правления не дело Церкви, а самого народа. Церковь не связывает себя ни с каким определенным образом правления, ибо таковое имеет лишь относительное историческое значение.

Говорят, что Церковь готова будто бы благословить иностранное вмешательство в нашу разруху, что она намерена звать «варягов» прийти помочь нам наладить наши дела... Обвинение голословное и неосновательное: мы убеждены, что никакое иноземное вмешательство да и вообще никто и ничто не спасет России от нестроения и разрухи, пока Праведный Господь не предложит гнева Своего на милосердие, пока сам народ не очистится в купели покаяния от многолетних язв своих, а чрез то не «возродится духовно в нового человека, созданного по Богу в праведности и святости истины» (Ефес. IV,24).

Указывают на то, что при перемене власти служители Церкви иногда приветствуют эту смену колокольным звоном, устройством торжественных богослужений и разных церковных празднеств. Но если это и бывает где-либо, то совершается или по требованию самой новой власти, или по желанию народных масс, а вовсе не по почину служителей Церкви, которые по своему сану должны стоять выше и вне всяких политических интересов, должны памятовать канонические правила Святой Церкви, коими она возбраняет своим служителям вмешиваться в политическую жизнь стра-

ны, принадлежать к каким-либо политическим партиям, и тем более делать богослужебные обряды и священнодействия орудием политических демонстраций.

Памятуйте же, отцы и братья, и канонические правила, и завет святого Апостола: «Блюдите себя от творящих распри и раздоры», уклоняйтесь от участия в политических партиях и выступлениях, «повинуйтесь всякому человеческому начальству» в делах мирских (I Петра XI,13), не подавайте никаких поводов, оправдывающих подозрительность Советской власти, подчиняйтесь и ее велениям, поскольку они не противоречат вере и благочестию, «ибо Богу», по апостольскому же наставлению, «должно повиноваться более, чем людям» (Деяния, IV,19; Галат. 1,10).

Посвящайте все свои силы на проповедь слова Божия, истины Христовой, особенно в наши дни, когда неверие и безбожие дерзновенно ополчились на Церковь Христову. «И Бог любви и мира да будет со всеми вами. А м и н ь» (2 Коринф. XIII,11).

Тихон, Патриарх Московский и всея России.

25 сент.

1919 г.

8 октяб.

БОЖИЕЮ МИЛОСТИЮ

Патриарх Московский и всея России, Смиранный Тихон,
Архиастырям, Пастырям и Пасомым Православной Церкви
Российской

Возлюбленные отцы и братья, к вам обращаем мы слово свое в уповании, что оно найдет горячий отклик в сердцах ваших.

Тяжелое время переживает наша Церковь. Появилось много разных групп с идеями «обновления Церкви», о коих мы уже высказали свое мнение в предыдущем нашем обращении к православному народу. Обновленцы эти бессознательно или сознательно толкают Православную Церковь к сектантству, вводят совершенно ненужные реформы, отступая от канонов Православной Церкви. Никакие реформы из принятых бывшим собором мы одобрять не можем, за исключением нового календарного стиля в церковном обращении и новой орфографии в церковных книгах, что мы и благословляем.

Наряду с этим, пользуясь происходящей у нас неурядицей в Церкви, Римский Папа всяческими путями стремится насаждать в Российской Православной Церкви католицизм, и при поддержке польских властей на территории Польши уже закрываются православные храмы и многие из них обращены в костелы; так, например, в одной Холмщине закрыто более трехсот церквей и оставлено всего лишь около пятидесяти.

Разные сектанты: баптисты, евангелисты и другие, как противники православия, также направляют все усилия к тому, чтобы умалить значение Православной Церкви и привлечь на свою сторону православных людей. Всем им мы заявляем, что Церковь Православная не даст себя превратить в сектантские группы, и уповаем, что не отойдет она ни на шаг от заветов своего учения.

Получив ныне возможность возобновить свою прерванную деятельность служению Святой Православной Церкви и сознавая свою провинность перед Советской властью, выразившуюся в ряде наших пассивных и активных антисоветских действий, как это сказано в обвинительном заключении Верховного суда, т. е. в сопротивлении Декрету об изъятии церковных ценностей в пользу голодающих, анафематствовании Советской власти, воззвания против Брестского мира и т. д., мы по долгу христианина и архипастыря, в сем каемся и скорбим о жертвах, получившихся в результате этой антисоветской политики. По существу виноваты в том не только мы, а и та среда, которая нас воспитала, и те злоумные люди, которые толкали нас на эти действия с самого начала существования Советской власти. Как враги ее, они стремились свергнуть ее через Церковь нашу, для чего и меня, как Главу последней, старались использовать. Будучи бессильными побороть Советскую власть открыто и прямо, они хотели добиться ее уничтожения окольными путями, прибегая к Церкви и ее пастырям.

Сознав свою провинность перед народом и Советской властью, я желал бы, чтобы так поступили и те, которые, забыв свой долг пастыря, вступили в совместные содействия с врагами трудового народа — монархистами и белогвардейцами и, желая свергнуть Советскую власть, не чуждались даже входить в ряды белых армий.

Как ни тяжело сознаваться в этом преступлении, но мы должны сказать хоть и горькую, но истинную правду сию. Мы осуждаем теперь такие действия и заявляем, что Российская Православная Церковь аполитична и не желает отныне быть «ни белой, ни

красной» Церковью, она должна быть и будет единою, соборною, апостольскою Церковью, и всякие попытки, с чьей бы стороны они ни исходили, ввергнуть Церковь в политическую борьбу должны быть отвергнуты и осуждены.

Исходя из этих соображений, мы в апреле месяце 1922 года на соединенном заседании Священного Синода и Высшего Церковного Совета уже осудили заграничный церковный собор Карловацкий за попытку восстановить в России монархию из дома Романовых. Мы могли бы ограничиться этим осуждением владык, бывших на соборе, во главе с Высокопреосвященным Антонием, Митрополитом Киевским, если бы они раскаялись в своих поступках и прекратили дальнейшую деятельность в этом направлении, но нам сообщают, что они не только не прекратили, а еще более того ввергают Православную Церковь в политическую борьбу совместно с проживающими в России и за границей злоумными противниками Советской власти, принесшими немало несчастий родине нашей. Пусть хотя теперь они сознают это, смиряются и покаются, а иначе придется звать преосвященных владык в Москву для ответа перед церковным судом и просить власть о разрешении им прибыть сюда.

Господь да умудрит всех нас искать каждому не своих сил, а правды Божией и блага Святой Церкви.

Смиренный Тихон, Патриарх Московский и всея России.

1-го июля 1923 г.

ЗАЯВЛЕНИЕ В ВЦИК

ВО ВСЕРОССИЙСКИЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ
ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
ТИХОНА, ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РОССИИ

ЗАЯВЛЕНИЕ

Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету в лице товарища председателя своего, гражд. П. Г. Смидовича, чрез Митрополита Крутицкого Петра и Архиепископа Владимирского Николая, присутствовавших по нашему назначению на совещании 3-го сентября с. г., угодно было предложить нам высказаться в письменной форме по вопросу о возможности немедленного введения Нового стиля в богослужебный круг Православной Церкви. Вследствие этого предложения считаем необходимым сообщить по затронутому вопросу следующие наши соображения:

Реформа церковного календаря в смысле уравнивания его с календарем гражданским, хотя и представляет некоторые трудности, в согласовании с ними пасхалии и дисциплины постов, однако принципиально допустима. Юлианское летоисчисление не возведено Церковью в неприкосновенный догмат веры, но, связанное с церковным обрядом, допускающим изменения, само может подлежать изменению. Замена Юлианского стиля Грегорианским представляет собою значительные практические удобства для самой Церкви, так как новый стиль принят в гражданский оборот православными странами и им определяется деловая жизнь и дни отдыха, к которым Церковь приурочивает дни молитвы.

Тем не менее немедленное осуществление реформы календаря встречает на своем пути большие затруднения.

Во-первых, для закономерного введения Нового стиля требуется согласие всех автокефальных православных церквей. Православная Церковь есть Церковь кафолическая, состоящая из отдельных независимых церквей, связанных между собою в неразрывное единство общностью догматов, обрядов и канонических правил. Для сохранения вселенского единства важно, чтобы во всех православных храмах возносились одновременно одни и те же молитвы и совершались одни и те же празднества. Сверх того Юлианский календарь, принятый во всех православных автокефальных церквях, освящен вселенским авторитетом и не может быть изменен церковною властью одной из них, так как эта

власть является низшей инстанцией по отношению к авторитету вселенскому. Отсюда вытекает необходимость решения этого вопроса согласным голосом всей Православной Кафолической Церкви.

Но она должна быть не только закономерной, но и безболезненной, а такой она может быть только при согласии верующего народа. По учению Православной Церкви, хранителями чистоты веры и отеческих преданий является не только Глава Церкви и не иерархия церковная только во всей своей совокупности, но все тело Церкви, а, следовательно, и верующий народ, которому также принадлежат известные права и голос в церковных делах. Предстоятель отдельной Православной Церкви и Патриарх Всероссийский, в частности, — не Римский Папа, пользующийся неограниченной и беспредельной властью; он не может управлять народом Божиим тиранически не спрашивая его согласия и не считаясь с его религиозной совестью, с его верованиями, обыкновениями, навыками. История показывает, что даже в том случае, когда предстоятель Церкви, проводящий ту или другую реформу, прав по существу, но встречая противодействие народа, прибегает к силе вместо того, чтобы воздействовать на него словом пастырского увещания, он становится виновником волнений и раздоров в Церкви. Патриарх Никон был прав, когда приступил к исправлению богослужебных книг, но, столкнувшись с ропотом народа и не желая убедить его в необходимости этой меры, а желая заставить его подчиняться своей власти, создал старообрядческий раскол, тяжелые последствия которого ощущаются Российской Православной Церковью до настоящего времени.

После этих принципиальных разъяснений, необходимо коснуться истории попыток введения нового стиля в Русской Церкви, начиная с 1918 года. Декретом Советского правительства во время заседания Первого Всероссийского Церковного Собора был введен в гражданский календарь новый стиль. Сознвая желательность согласования церковного календаря с гражданским, Собор выделил из себя комиссию для предварительного обсуждения этого вопроса. Комиссия признала переход на новый стиль возможным под условием согласия на это преобразование со стороны прочих православных церквей, и Патриарху Всероссийскому было поручено войти в сношение с ними для совместного проведения этой реформы в жизнь. Во исполнение поручения Собора, мы обратились тогда с письмом к Патриарху Константинопольскому Герману и предложили ему обсудить вопрос об изменении календаря, но

ответа от него не получили, вероятно вследствие затруднительности в то время заграничных сношений.

Новым фазисом в истории намеченной реформы был 1923 год. Вопрос о введении нового стиля одновременно, но независимо друг от друга, был поднят Вселенским Патриархом Мелетием IV в Константинополе и так называемым обновленческим высшим церковным управлением в России.

После Пасхи 1923 г. Патриархом Мелетием IV было созвано в Константинополе совещание из представителей православных церквей для предварительного обсуждения некоторых церковных вопросов, в том числе и вопроса об изменении календаря. Это совещание отнюдь не было вселенским собором, как ошибочно называли его иногда в нашей печати, а представляло собою род комиссии для изготовления законодательных предположений, которые могли стать обязательными для Церкви законами, лишь бы утверждены общим Собором представителей всех православных церквей или соборами каждой Церкви в отдельности. Неблагоприятным для совещания обстоятельством, в значительной степени умаляющим вес всех его постановлений, было отсутствие на нем уполномоченных от патриархатов Александрийского, Антиохийского, Иерусалимского и Всероссийского (Русская Церковь была представлена на нем Архиепископом Анастасием Кишиневским и Архиепископом Александром Американским, приглашенными персонально Патриархом Мелетием IV-м). Единогласное постановление комиссии об изменении богослужебного календаря и пасхалии, разосланное для соборного утверждения автокефальными церквами, встретило возражение со стороны большинства этих церквей и, таким образом, не вошло в силу закона. Несмотря на это, с явным отступлением от вселенского единства, Патриарх Мелетий IV сделал распоряжение о введении нового стиля в своем Патриархате и в тех, оторванных от Российской Церкви частях ее, которые он, также с нарушением церковных канонов, принял под свою юрисдикцию без согласия Патриарха Всероссийского (Финляндия, Польша). Но реформа в Константинополе не прошла, вероятно по причине вскоре за этим последовавшего удаления Патриарха Мелетия.

Обновленческое высшее церковное управление и созданный им схизматический собор 1923 года, и в других случаях заявившие о себе полным пренебрежением к вселенскому авторитету, вынесли постановление об изменении стиля, совершенно не считаясь ни с вселенским единством, ни с единством Российской Церкви.

Постановление об изменении календаря было сделано им без всякого соглашения с другими православными церквами, и почти одновременное обсуждение этого вопроса на Константинопольском совещании было не более как случайным совпадением. Это делало указанное постановление канонически незаконным. Но оно было и неосмотрительно. Инициаторы реформ не пожелали считаться с мнением народа, не прислушались к его голосу и не подумали о том, чтобы предварительно разъяснить ему допустимость и желательность нового стиля. В результате — реформа, объявленная так называемым собором 1923 года, не была принята не только огромным большинством православного русского населения, справедливо считавшего ничтожными все постановления незаконного собора, но и теми немногочисленными общинами, которые в силу различных обстоятельств оказались в подчинении обновленческим епископам и их епархиальным управлениям. Когда летом 1923 года обновленческое духовенство приступило к введению нового стиля в церковном употреблении, против него единодушно восстал почти весь народ. Везде повторялась одна и та же картина: в праздники по новому стилю не приходил в церковь народ, в праздники по старому стилю, несмотря на требования народа не решалось отправлять богослужение духовенство. Иногда народ заставлял насильно священников совершать богослужение по старому стилю. Не прошло и месяца, как священники, перешедшие на новый стиль, под давлением своей паствы вынуждены были возвратиться на старый, а несколько позднее сам обновленческий синод разъяснил подведомственному ему духовенству, чтобы постановление о новом стиле проводилось в жизнь лишь там, где это по местным условиям представляется возможным.

После нашего возвращения к управлению Церковью, представителем ГПУ Е. А. Тучковым, от лица Правительства, нам было предъявлено требование о введении гражданского календаря в обиход Русской Православной Церкви. Это требование, много раз повторенное, было подкреплено обещанием более благоприятного отношения Правительства к Православной Церкви и ее учреждениям в случае нашего согласия и угрозой ухудшения этих отношений в случае нашего отказа. Хотя такое требование казалось нам нарушением основного закона Республики о невмешательстве гражданской власти во внутренние дела Церкви, однако, мы сочли нужным пойти ему навстречу. Считая введение нового стиля по существу допустимым, ошибочно, вследствие невозможности непосредственного сношения с Востоком и неточности газетных со-

общений, убежденные, что состоялось уже соглашение всех православных церквей о введении нового стиля на основе постановления всеправославного совещания в Константинополе, надеясь, что распоряжение, исходящее от законной власти и опирающееся на всеправославное соглашение, будет послушно принято народом, мы решили призвать Церковь Русскую к реформе календаря со 2-го октября 1923 г. и в этом смысле издали послание. Но уже после состоявшегося постановления о введении нового стиля мы стали получать более точные сообщения с Востока, из которых выяснилось, что в Константинопольском совещании участвовали представители далеко не всех православных церквей, что его постановления не приняты большею частью церквей, что Александрийский Патриарх Фотий в послании на имя Антиохийского Патриарха Григория от 23 июня 1923 г. за № 211, объявил постановления Константинопольского совещания не имеющими канонического авторитета, а введение нового стиля невозможным без санкции Вселенского Собора, что Патриарх Иерусалимский Дамиан решительно отказался ввести новый стиль в своем патриархате, и что, наконец, вообще реформа календаря во всех православных церквях приостановлена.

С другой стороны, как только распространился слух о введении нового стиля со 2-го октября, в среде верующих возникло сильное возбуждение. Правда, почти все московские приходы послушно, хотя и не со спокойным сердцем, подчинились нашему распоряжению. Но из окружающих Москву епархий, с юга, из Крыма и из далекой Сибири к нам потянулись вереницы депутатов от верующих, чтобы осведомиться, действительно ли предполагается реформа календаря, и чтобы просить нас от лица народа воздержаться от нее, т. к. введение нового стиля всюду возбуждает тревогу, опасения, недовольство и сопротивление. Одновременно с этим мы были завалены письменными сообщениями того же содержания. Ввиду этого мы сочли своим пастырским долгом принять во внимание голос верующих, чтобы не произвести насилия над совестью народной, и 8-го ноября 1923 года сделали распоряжение: «Повсеместное и обязательное введение нового стиля в церковное употребление временно отложить». После этого канцелярия наша была опечатана агентами Правительства, из нее были взяты неразошедшиеся экземпляры нашего, тогда уже отмененного послания о введении нового стиля и оказались расклеенными по улицам столицы без нашего ведома и согласия. Архиепископ Иларион, наш ближайший помощник, арестован и, по не-

известным причинам, в административном порядке сослан в Соловки (эта последняя фраза в подлиннике вымарана — примеч. переписчика). Верующие усмотрели в этой репрессии, явившейся в результате нашего распоряжения о приостановлении реформы календаря, доказательство вмешательства гражданской власти во внутренние дела Церкви. Но из епархий мы получили изъявления великой радости верующих по поводу нашего распоряжения от 8 ноября, и вся Москва облегченно вздохнула и немедленно возвратилась к старому стилю.

В декабре прошедшего года, когда Правительством днями отдыха были объявлены Рождественские праздники по новому стилю, мы поспешили разрешить празднование Рождества Христова по Григорианскому календарю там, где это будет желательно и удобно для рабочего населения. Но этим разрешением почти нигде не пожелали воспользоваться, в чем снова проявилось единодушное желание народа сохранить старый обычай. Это побудило нас обратиться к народному комиссару юстиции, гр. Д. И. Курскому, с просьбой не настаивать на введении нового стиля в церковное употребление, и мы получили от него словесное заверение, что гражданская власть вовсе не заинтересована в этом.

Для решения вопроса о порядке проведения реформы церковного календаря следует вникнуть в этот общий протест народа и его причины.

Эти причины многочисленны. Во-первых, наш народ очень ценит обряд и его традиционную неизменность. Эта свойственная русскому народу форма благочестия породила уже старообрядческий раскол. Во-вторых, церковный год тесно сплетается с народным бытом и экономическим годом крестьянина. В деревне до сих пор считают по праздникам и праздники определяют начала полевых работ. Введение нового стиля в церковный календарь сталкивается с народным бытом, всюду отличающимся консерватизмом и стойкостью.

К этим причинам противодействия народа введению нового стиля присоединяются два обстоятельства, в чрезвычайной степени затрудняющие проведение этой реформы.

Первое состоит в том, что она скомпрометирована обновленческой схизмой. Впервые о введении нового стиля громко было возведено обновленческим высшим церковным управлением и схизматическим собором 1923 года, т. е. священнослужителями, открыто заявившими о своем пренебрежении к каноническим нормам, позволившими себе различные новшества, выступившими с

программами дальнейших изменений не только в области церковной дисциплины, но и в догматах, предполагавшими исключить из церковного календаря святых «буржуазного происхождения». Это внесло большую тревогу в среду верующих и опасения за целостность веры, но так как массы плохо разбираются в каноническом праве и догматах, то в их сознании новый стиль, глубоко затрагивающий ежедневный быт, отождествился с обновленческим расколом, стал его знаком и приметой. В глазах многих принятие нового стиля сделалось равнозначущим отпадению от Православной Церкви. Не подлежит сомнению, что реформу календаря было бы гораздо легче провести, если бы она осталась незатронутой обновленческим собором.

Второе обстоятельство, создающее большое затруднение для перехода на новый стиль, состоит во всеобщем убеждении, что эта реформа вводится не Церковью по ее собственному почину, а под давлением гражданской власти. Это убеждение возникло еще в период выборов в так называемый собор 1923 года, вследствие массовых арестов и высылки в административном порядке православных епископов и мирян, известных своим отрицательным отношением к обновленческому расколу и выступавших оппозиционно к нему на епархиальных избирательных собраниях. Оно крепло вследствие таких фактов, как выемка из нашей канцелярии отмененного нами послания о введении нового стиля со 2-го октября и его расклейка по городу (как ссылка архиепископа Илариона, последовавшая за приостановлением реформы календаря). Вмешательство во внутреннюю жизнь Церкви со стороны гражданской власти, даже расположенной к Церкви и покровительствующей религии, всегда возбуждает недовольство и противодействие верующих, но когда на руководителей Церкви поддается давление Правительства, провозгласившего в многочисленных актах о безрелигиозном устройении жизни, тогда верующие опасаются, не скрывается ли за этими актами вмешательства в церковные дела определенного замысла нанести ущерб вере, и естественно удваивают силу своего сопротивления.

Ныне вопрос о введении нового стиля в церковное употребление слова возбуждается Правительством и с его стороны заявлено настоятельное желание, чтобы нами были приняты решительные меры к согласованию церковного календаря с гражданским. Принимая во внимание свои прежние опыты, мы считаем себя вынужденными заявить, что решительно не находим возможным их повторять. Новое наше распоряжение о реформе календаря, пока не

достигнуто общее согласие по этому вопросу всех православных церквей, и в глазах верующих, и по существу дела было бы лишено канонического основания и оправдало бы противодействие народа. По нашему глубокому убеждению, такое распоряжение, настойчиво проводимое нами и, может быть, поддержанное мерами государственного воздействия, послужило бы причиной больших волнений и несогласий в Церкви.

Церковь в настоящее время переживает беспрецедентное внешнее потрясение. Она лишена материальных средств существования, окружена атмосферой подозрительности и вражды, десятки епископов и сотни священников и мирян без суда, часто даже без объяснения причин, брошены в тюрьму, сосланы в отдаленнейшие области республики, влачimy с места на место; православные епископы, назначенные нами, или не допускаются в свои епархии или изгоняются из них при первом появлении туда, или подвергаются арестам; Центральное Управление Православной Церкви дезорганизовано, так как учреждения, состоящие при Патриархе Всероссийском, не зарегистрированы и даже канцелярия и архив их опечатаны и недоступны; церкви закрываются, обращаются в клубы и кинематографы, или отбираются у многочисленных православных приходов для незначительных численно обновленческих групп; духовенство обложено непосильными налогами, терпит всевозможные стеснения в жилищах, и дети его изгоняются со службы и из учебных заведений потому только, что их отцы служат Церкви. При таких условиях произвести еще внутреннее потрясение в лоне самой Церкви, вызвать смуту и создать, в добавление к расколу слева, еще раскол справа канонически незаконным, неосмотрительным и насильственным распоряжением, — было бы тяжким грехом пред Богом и людьми со стороны того, на кого Промыслом Божиим возложен тяжелый крест управления Церковью и заботы об ее благе в наши дни.

Но изменение церковного календаря, предположенное Первым Всероссийским Собором 1917-1918 гг., при некоторых обстоятельствах могло бы быть осуществлено в закономерной и безболезненной форме.

Этому в значительной мере содействовало бы невмешательство в течение реформы со стороны гражданской власти, потому что постороннее вмешательство не приближает, а отдаляет; не облегчает, а затрудняет ее осуществление. Пусть будет предоставлено самой Церкви преодолеть те затруднения, которые встают на пути введения нового стиля в богослужебную практику. Реформа ка-

лендаря выдвинута потребностями жизни во всех православных церквях, и можно думать, что в недалеком будущем она будет принята церквями без всяких внешних побуждений. Невмешательство в это церковное дело гражданской власти вполне отвечало бы принципам совести, возведенным нашими основными законами. Правда, Президиумом Всероссийского Исполнительного Комитета уже издано распоряжение, приурочивающее дни отдыха и христианские праздники к новому стилю. Но престиж Правительства несколько не пострадал бы, если бы оно, не отменяя формально этого распоряжения, объявило к началу 1925 года список дней отдыха в христианские праздники по старому стилю с перечислением их на соответствующие числа нового стиля, так например, чтобы Рождество Христово значилось не под 25 декабря, а под 7-м января, подобно тому, как воспоминание об известном выступлении рабочих не переносится на новый стиль, но приурочивается к 22 января, а праздник Октябрьской революции падает не на 25 октября нового стиля, а на 7-е ноября. Напротив, невмешательство имело бы для Правительства свою выгодную сторону, так как при насильственном введении нового стиля весь одиум несочувствующих этой реформе падает не на духовенство, а на гражданскую власть, вынудившую духовенство пойти против сложившегося церковного быта.

В настоящее время мы лишены возможности войти в сношение с Востоком, чтобы иметь точные и вполне достоверные сведения о движении реформы в Православном мире, и для нас даже не ясно, в каких легальных формах допустимы необходимые нам, как Главе Российской Церкви, сношения с православными церквями за пределами Республики. При таких условиях нам ничего не остается, как только занять выжидательное положение по отношению к введению нового стиля, пока не достигнуто будет соглашение по этому вопросу между прочими православными церквями. Но мы могли бы принять более деятельное участие в осуществлении реформы календаря, если бы для нас открылась возможность чрез избранных нами уполномоченных или хотя бы письменно снестись по этому вопросу с представителями других православных церквей. До нас доходили слухи, что на Востоке предполагается созыв Всеправославного Собора в 1925 году в воспоминание о Первом Вселенском Соборе по случаю исполняющегося 1600-летнего юбилея. Если слух соответствует действительности и Собор состоится в канонически-непререкаемой форме, то удобнее всего было бы приурочить решение вопроса о стиле к этому моменту.

Когда новый стиль будет принят согласным голосом всей Кафолической Церкви, тогда можно надеяться, что нам удастся повлиять на верующих и убедить их в допустимости с церковной точки зрения реформы календаря и в ее желательности по практическим и государственным соображениям, если православные епископы, назначаемые нами, которым верит и за которыми следует народ, будут иметь свободу пребывания в своих епархиях, сношения со своей паствой и религиозного руководства духовенством и приходами, находящимися в каноническом общении с ними.

Москва, 1924 г., сент. 30.

ТРИ НЕИЗДАННЫХ ЧАСТНЫХ ПИСЬМА ПАТРИАРХА ТИХОНА
АРХИЕПИСКОПУ СЕРАФИМУ ФИНЛЯНДСКОМУ *)

1.
Высокопреосвященный Владыко,

Приветствую Вас с новолетием и саном Архиепископа, который Вам пожалован к праздникам Рождественским. Дай Бог Вам сил еще много лет потрудиться во благо Святой Церкви Православной.

Недавно доставили из Эстонского Синода письмо Ваше от 9 дек. и представление Ваше насчет автономии и викариатства. На днях и то и другое, вероятно, будет удовлетворено. Особенно страшного ничего нет, и Господь нас вразумляет. Мне только кажется, что усиленно помогающиеся автокефалии как раз впадают в нашу прежнюю ошибку, смешивая божеское и вечное с человеческим, временным, земным... Не то теперь нужно, и именно в единстве, согласном действовании и братской любви — сила.

Слава Богу, что Вы здравствуете и относительно благополучны. «А мы можем хвалиться только немощами». Синод наш, вместо 13, состоит теперь из меня (да по условиям домашнего ареста я в заседаниях его не участвую), Митрополита Евсевия Крутицкого (б. Владивостокского) и архиепископа Макария Грозненского.

В Высшем Церк. Совете, кроме сих, заседают епископ Алексей Боровский (от монашествующих), протопресвитер Любимов, прот. Станиславский и проф. Громогласов. Прочие кто в бегстве, кто умер (кн. Трубецкой), кто в узах. К сим последним в последние дни причтен и «брат наш Сергей» **) (кажется по брачным делам восстал на него «супостат» Спитуберг.

Что касается Вашего вопрошания насчет Св. мира, то я думаю, Вы легко можете достать материалы для него (главнее прочих

*) Серафим (Лукьянов) в 20-х годах примкнул к «Карловацкой» юрисдикции, где получил сан митрополита и назначение в Париж. Во время войны занимал про-немецкие позиции, а в 1945 г. перешел в Московскую Патриархию, которая, по смерти митр. Евлогия, назначила его своим экзархом в Западной Европе. В 1949 г. ушел на покой и вернулся в Сов. Россию (умер в Одессе в 1958 г.).

**) Речь идет об архиеп. Сергии (Страгородском), в будущем заместителе местоблюстителя и патриарха.

— оливковое масло и белое виноградное вино). У нас трудно теперь доставать это, и я благословил уже преосвященного Донского (где удалось раздобыть это) совершить мироварение и для нас.

Если удастся и Вам, то благословляю и Вас сделать сие. Подробнее о сем может написать Вам наш розничий и [неразб.] о. Неофит.

Прошу Ваших св. молитв и с братской любовью
остаюсь Вашим покорным послушником

† П. Тихон

23 января/5 февр. 1921 Москва

*распорядитесь ст. совершить мироварение и доставать.
Если удастся и Вам, то благословляю и Вас
сделать сие. Подробнее о сем может написать
Ваш розничий и о. Неофит*

*Прошу Ваших св. молитв и с
братской любовью остаюсь
Вашим покорным послушником*
М. Тихон

*23 Января 1921.
С. Онефит*

Митр.

Фак-симиле второго листа письма патр. Тихона митр. Серафиму.

2.

Высокопреосвященнейший Владыко,

Приношу Вашему Высокопреосвященству искреннюю благодарность за Ваши слова братского участия и правды по поводу происходящих у нас церковных событий.

Господь да направит все ко благу Святой Своей Церкви.

Благодарю и за сообщение «Всеpravославного Собрания» о введении при богослужении нового стиля и благословляю Финляндскую Церковь ввести у себя новый стиль с октября мес. с некоторыми изменениями григорианской пасхалии. Прошу Вас прислать мне в переводе постановления Собрания.

Испрашивая Ваших св. молитв, с братской любовью остаюсь
Вашего Высокопреосвященства покорный послушник

Тихон
патриарх Московский и всея Руси

16 августа 1923

Москва, Донской мон.

3.

Ваше Высокопреосвященство,

Приношу Вам глубокую благодарность за Ваше любезное приглашение поселиться на жительство на Вааламском подворье в Москве. Об этом просило меня и братство и братья монастыря во главе с отцом Галактионом. Но еще ранее братство Донского монастыря усиленно просило меня остаться на жительство в Донском монастыре, где приспособили для меня помещение, устроили электричество и водопровод в квартире, в каковой я и устроился довольно удобно.

Прилагаю при сем два экземпляра моего послания по поводу введения нового стиля. Один экземпляр послания покорно прошу переслать в Париж высокопр. м. Евлогию. В Москве мы почти уже перешли на новый стиль, но греки подманили и остались при старом. Пришлось и нам сделать так же, тем более, что Пасху в будущем году мы празднуем по прежней пасхалии т. е. 14-27 апреля.

Прошу Ваших святых молитв и с братской любовью остаюсь
Вашего Высокопреосвященства покорный послушник

П. Тихон

9 ноября 1923

Прот. Сергей БУЛГАКОВ

**СЛОВО, СКАЗАННОЕ ПРЕД МОЛЕБСТВИЕМ О СВЯТЕЙШЕМ
ПАТРИАРХЕ В ХРАМЕ СВ. НИКОЛАЯ В ПРАГЕ, 27 мая 1923 г.***

*Больше сея любви никтоже имать,
аще душу свою положит за други
своя.*

Приближаются последние, голгофские часы нашего святейшего отца. На русской Голгофе готовится новое и страшное распятие, воздвигается высочайший крест, своей тенью застилающий русское солнце. Святая Русь и православная Россия сораспинается на этом кресте: распни, распни его, вопиют палачи русской веры и русского народа. Захлебываясь в крови, они все более её жаждут, и жаждут самой драгоценной, чистой и святой крови. Они не могли успокоиться, пока не упились священной кровью Царской Семьи. И теперь они не могут успокоиться, пока не упиются кровью нашего Святейшего отца. Жалкие жертвы собственного безумия, они сами на себя произносят тем суд и приговор. Слепые орудия сатанинского исступления, они ослеплены своими призраками, и лучшие из них мнятся службу совершить Богу. О них да будет молитва Господа нашего: Отче, прости им, не ведают что творят. Но как те сыны злобы явились совершителями судеб Божиих от сложения мира, так и ныне в руках Божиих мучители Церкви убеляют ее ризы, совершают хвалу ее, венчают ее славнейшим из всех терновым венцом. И это они вознесли смиренного и вчера еще безвестного Отца нашего патриарха Тихона на такую высоту почитания, которая не дается никаким средствам мира сего. Ибо если спросить, кто из христианского священноначалия является сейчас наиболее чтимым — не по иерархическому положению, а по духовному авторитету, ответ будет несомненный: патриарх Тихон.

Маловажный век ищет знамений, которые не даются по произволу не умеющим видеть и слышать. Но для имеющих очи и уши наши дни, как и всегда, исполнены знамений и чудес, и одним из самых разительных чудес и знамений, милостью Божией явленных русской церкви в дни гонений и скорбей, бесспорно, есть патриарх Тихон. Не странно ли: ведь, недавно еще его совсем не знали, он таился в тени до своего часа. Патриарший престол в эти роковые и страшные дни, кто достойно займет его

* Печатается впервые.

среди пастырства, которое суровой рукой истории не было подготовляемо к смелой борьбе за Церковь, к свободе ее путей и независимости церковного управления. Как часто бывает, беда постигает к ней наименее подготовленных. Тяжело прошли по священноначалию последние годы, и невольно озираясь вокруг спрашивали себя: если будет патриархия, то где же патриарх. Но Матерь Божия жребием указала Своего патриарха, и все облегченно и радостно увидели, что пред ними смиренный и кроткий, ясный и благостный патриарх Тихон. И все, хотевшие и не хотевшие патриархии, пришли и возлюбили его. Патриарху дано было выразить те черты, которые составляют глубочайшие и священнейшие свойства русской церкви: смиренномудрие, кротость, голубиную чистоту в соединении с детской ясностью и радостью о Господе. Смирение и кротость есть величайшая в мире сила, ибо это есть сила Христова. Потому патриарха Тихона и не замечали, пока он был призван, ибо он и сам себя не замечал, но зато заметила его Царица Небесная. Но скоро стало ясно, что это смирение есть смиренномудрие, которое опирается на беззаветную веру в Бога и доверие путям Его, и кротость есть духовный плод мира и радости о Духе Святом, и эта веселая шутка, которой он отвечал незлобивым смехом тогда, когда люди злобствуют, есть та детская чистота, без которой невозможно вникнуть в Царствие Божие. Нет чрезвычайных даров, которыми хвалятся люди в своей человеческой немощи: ученой премудрости, слова, но есть мудрость любви, не ищущей своего, не радующейся неправде, но сорадующейся истине. Есть неотразимая сила, но сила не от мира сего, не назойливая, не суетливая, не требовательная, но молча к себе привлекающая и покоряющая. Патриарх сделался отцом, радостью, утешением, токмо не для сынов погибельных. Но когда же мир, после падения прародителей, обходился без Каинов и Иуд. Патриарх стал как-то бесспорно духовным главой и вождем всего русского народа, живым символом его духовного единства, духовным держателем его неотъемлемых прав. И как же было не ненавидеть, а вместе и не бояться его врагам народа, его палачам, как им не добиваться его смерти. Они долго ждали и готовили тот час, когда изнеможение народа даст им эту возможность, и сыны злобы оказываются искусны в делах злобы своей. Избрание на патриарший престол в годину бедственной смуты неизбежно было принесением в жертву этого избранника. Бремя власти всегда есть бремя ответственности, всегда связано с жертвой личной жизнью и личной свободой. Но здесь это предполагало пря-

мую жертву за родину и церковь, как это и выражено было им в первом своем послании. Избрание, по знаменательному совпадению, совершилось, когда Москва была изранена боем и покорена нынешними поработителями. И нужно было внутреннее согласие жертвы на заклание, то согласие, о котором сказано было пророком, предзревшим единую Жертву жертв, Сына Божия, распинаемого за грехи мира: «яко овча на заклание ведеса и яко же агнец прямо стрегущаго его безгласен». Таковым агнем, отдавшим себя на жертву по образу Христову, был святейший патриарх с первого дня своего служения, т а к принял он посох святителя Петра.

Дерзну ли говорить о мною виденном, но я видел это в его лице, в его молитвенных очах, когда стоял он на возвышении Успенского собора в священный и трепетный час своего настоятельства, когда Кремль уже было окружен неистовавшей чернью и грубыми бунтовщиками. И тогда уже он, я знаю это, молитвенно предавал себя Отцу Небесному и, верю, принята была его молитва. Несомненно одно: т а к и м он вступил на патриарший престол, и т а к и м я видел его и знал изо дня в день те месяцы, когда я имел возможность его видеть. Страшно приближаться к тайне Гефсиманского борения, духовным и любящим взором прикипать чрез стены темницы к его крестной муке. Но необинуясь свидетельствую, что не страх за себя и свою жизнь может его изнурять. Ибо этот страх не имел над ним власти с первого дня его служения. Это как-то сразу и радостно почувствовалось всеми: патриарх не з н а е т с т р а х а, и это неведение страха дает ему свободу и смелость. И больше реку: патриарх как-будто искал стать жертвой за людей своих, вызывал эти случаи. Повидимому, у него была затаенная мысль и желание — своей жизнью купить свободу народу, исполнить чашу народного страдания и долготерпения. И эти страшные месяцы конца 17 и начала 18 года жизнь его висела на волоске, и сколько раз волосок готов был порваться, сколько раз ждали в определенный день и час его заточения или даже убийства, трепетали вокруг него, а сам он оставался невозмутимо ясен и радостен. Посему, если и делают свое дело немощь тела и духа, присущие человеческому естеству, — ведь и Сын Человеческий свидетельствовал о том, что «при-скорбна есть душа Моя до смерти, — то не это есть главная мука великого страдальца. Страшнее смерти предательство, покинутость и измена: предательство ученика, бегство апостолов, отречение первого из них. И прежде палачей тела пришли к нему духовные

палачи, те тати и разбойники, которые не чрез двери, но инде проникли к овцам. И эти гнусные палачи, подосланные и послушные своим повелителям, пришли совершить духовную казнь, лишить его священного сана, который безмерно дороже жизни. В гневе возре Господь на них и посмеялся им, и в гневе смотрит на это злодейство свободная русская церковь, но там, в Гефсиманском саду, нет никого, кто мог бы отереть его пот и засвидетельствовать о лжи сей: покинут и одинок, как был покинут и одинок русский царь, повелитель миллионов. Но не отдал и не отдаст он своей власти, врученной ему Царицей Небесной, земным лиходеям, свидетельствуя тем о правоте своей: противно законам и Божеским и человеческим, писаным и неписаным, деяние разбойничьего соборища. Не этого суда сынов человеческих, рабов лжи, но нелицеприятного суда Божия страшится деятель. И если дерзнем мы проникать в страждущее сердце его, то самую страшную и тяжелую гефсиманскую скорбь его узрим в этом: страшно бремя исторической ответственности. Церковь переживает шквалом, и невиновен ли кормчий, который, хотя и не по своей воле и не хищением стал у руля. Его неверные движения и ошибки — не они ли причинили эти опасности и злоключения. О в с я к о м деятеле современники и история произносят такие суждения, и они, одними нагло и кичливо, другими задумчиво и скорбно произносятся и о рулевом русской церкви.

Не дерзнем предвосхищать суд истории, но выскажем и свой домысл: в этом отношении патриарх Тихон обречен был стать искупительной жертвой за люди свои, ибо вступил он на место кормчего в такую пору, когда нельзя было удержать руля в руках. Бывают положения, превышающие человеческие силы, и всем прошлым и настоящим русской церкви и русского народа было создано такое положение. Во время шквала бессильны попытки управляться. И однако каждый должен исполнить долг до конца и, если надо, погибнуть на своем посту, ибо в этом и состоит здесь победа. Хозяин жертвы учтет всё, что было нужно и как было сделано каждым для жатвы его. Требуется не дело, но верность. И святейший патриарх сохранил эту верность и тем оказал русской церкви великую услугу. Вековое порабощение церкви, которое извне проникло и во внутрь и расслабило мускулы церковной власти, тяжелым гнетом лежало и лежит на русской церковности. По воле Божией, церковь получила свободу, но нелегко стать свободным тому, кто не имеет ни навыков, ни вкуса к свободе, и притом в разгар исторической бури и стихийных переворотов.

Естественно, что одни идут в новое рабство, загоняемые страхом или корыстью, и вступают в союз с властью, прямо враждебной вере Христовой, а другие вздыхают о мясах Египетских и свои воздыхания принимают за голос самой церкви. Нужно всемерно охранять свободу и достоинство Церкви, это и делал патриарх Тихон. Вспоминается, как при открытии нового В.Ц.У. (ныне не существующего) сказал он во вступительном слове, что мы переживаем радостное время... Изумленно услышали мы эти слова про время скорбей и гонений и не сразу поняли, о чем они были сказаны. И этим бесстрашием пред властью мира сего, а вместе готовностью защищать свободу и достоинство церкви от домогательств — и со стороны московской власти, как и со стороны некоторых зарубежных собраний, — объясняется твердый и определенный образ действий патриарха. Разумеется, для большего успеха патриарх нуждался в сотrudниках, но они отторгались от него, то злым насилием, то собственной волей. Быть жертвой безвременья обречен был наш рулевой, но его мудрость, верность и подвиг в том, что он по звездам направлял свой корабль, а не по фальшивым береговым огням. Патриарх, в своей гефсиманской муке, и в смирении своем, может быть, и не знает, как любит его православная Россия, но в смиренномудрии своем знает, что церковь должна пройти неискушенной чрез все испытания на пути к свободе, не вступая в сделку с князем мира сего.

И се — свет вознесен на свещницу. Кроткий и тихий свет великомученика струится по всему миру, и он говорит всем о вере и любви к Богу, будит во всем мире самые святые, заветные чувства и тихие думы. Не это ли и есть «миссия» русского православия, действенная его проповедь. О нем молятся люди разных христианских исповеданий и в любовной тревоге о нем соединяются сердца всех христиан. И не есть ли это самая действенная проповедь, а вместе и уже некое предварение единения всех во Христе, с о е д и н е н и я в с е х, которого мы молитвенно взыскуем. Пред величием подвига патриарха склоняются головы и людей далеких от Христовой веры, и к ней зовет эти сердца из своей темницы патриарх Тихон, и это апостольское делание и дает свои, хотя ныне еще неведомые плоды. Разве не чудо милости Божией к русской земле и к русской церкви, что тот, кто облечен ныне такою силой во всем унижении своем, есть перво-свяtitель русской церкви...

Так свидетельствуем мы, ибо это истина и надлежит свидетельствовать об истине. И по человеческому малодушию подни-

мается в нас чувство самодовольства и самопревозношения. Ибо и на самом деле так легко и естественно было, рассуждая помирски, гордиться и хвалиться тем, что мы принадлежим к церкви, имеющей главой патриарха Тихона, и к народу, духовным вождем имеющему его же: один есть сеяй и другой есть жнивь. Однако, совсем другое говорит нам неподкупная совесть наша. Пусть каждый спросит себя, достоин-ли он этого отца, если не малодушием, оставлением своего поста ради своей безопасности, неразборчивыми и безответственными словами и действиями, то, по крайней мере, равнодушием к высшим духовным и церковным интересам, исканием своего, а не Божьего. Какие удары более причинили страдания Господу: бичи или заушения воинов или же бегство апостолов, предательство Иуды, отречение Петра. И как тогда, в Гефсиманскую ночь, апостолы не могли побороть своего сна во время Его молитвы, так и теперь бодрствуем-ли мы молитвенно, или же тяжкая драма равнодушия смежает очи. Мы совершаем моление за патриарха, но пусть это будет не молитвенный обряд, но и сокровенное дыхание, духовный подвиг, усилие нудящее. И для этой молитвы нет преграды ни в расстоянии, ни в темничных стенах, ибо она, как фимиам благовонный, возносится к престолу Божию. Ведь мы вспоминаем о том, как освобожден был из темницы ап. Петр силою молитвы. Какова же была та молитва, что сделала это. Она сотворила чудо, и если мы его не совершаем, значит скудна и немощна наша молитва. Не нужно, чтобы исполнилось всякое наше даже молитвенное прошение, — Бог знает, что нам нужно, но истинная, горячая молитва в себе содержит залог своей услышанности, в себе имеет удостоверение. Наша сыновняя, человеческая молитва о патриархе может-ли быть иною, чем о том, чтобы Бог спас его от врагов, сохранил его жизнь, освободил и явил его на престоле архиерейства его. Но с трепетом приникая к мученическому ложу нового Ермогена, слышим мы сердцем, что его самого есть иная молитва. Он молится не о себе, не о жизни своей, которую давно готов отдать и в сущности уже отдал за церковь и родину, но об этой церкви и об этой родине, молится о том, чтобы Господь умудрил его в его служении и показал правый путь Свой, научил Своим оправданиям. Его молитва есть та молитва Сына Божия, которую Он молился в Гефсиманском саду и которую Он дал всякому, удостоенному высокого жребия стать жертвой за други своя: Отче, если возможно, да мимо идет Меня чаша сия, но не якоже Аз хочу, но якоже Ты.

Э. БАКУНИНА

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ПАТРИАРХА ТИХОНА

(Воспоминания врача)

Меня часто спрашивают о последних днях и смерти патриарха Тихона, скончавшегося в нашей лечебнице, в Москве, на Остоженке. Этот интерес понятен, если только не ждать от врача каких-нибудь «политических разоблачений», в связи с толками о завещании покойного патриарха. Для нас патриарх был больным старым человеком, почти обреченным, или, как он был записан в больничной книге, «гражданином Беллавиным», здоровье которого требовало отдыха от всяких дел и тяжелых вопросов. Поэтому никаких с ним бесед, кроме обычных житейских — об его самочувствии, о необходимости для него беречься — мы никогда не заводили; не склонен был к этому и сам наш больной. Неуместны были бы и какие-нибудь догадки об иной стороне его жизни, — по случайным его словам или по намекам окружавших его лиц. Поэтому и рассказать о нем я могла бы только как врач о пациенте, около трех месяцев пребывавшем под его постоянным врачебным наблюдением.

Конечно, патриарх Тихон не был рядовым больным; исход его болезни тревожил и Москву и всю Россию, и этого исхода ждали не только люди, ему преданные, но и полицейские власти. Это заставляло нас уже не для собственного, а для общественного успокоения, во всех, даже пустышных с медицинской точки зрения случаях (как, например, зубная боль), обращаться к консультации других врачей и разделять с ними ответственность за состояние больного. С другой стороны, именно это особое положение больного, его высокий духовный сан, часто не давало возможности подвергнуть его строжайшему режиму; свои обязанности главы церкви он ставил выше забот о здоровье, и с этим приходилось мириться в тех случаях, когда не удавалось убедить его беречь свои силы. К сожалению, нельзя было убедить бережнее относиться к немощам старого и тяжело больного человека его окружение, главным образом имевшее к нему постоянные дела духовенство, и еще менее — агента и следователей ГПУ. Тут, в российских условиях, мы были бессильны. Возможно, что полный покой продлил бы на год-два жизнь патриарха Тихона; но сам он говорил, что «належаться» он еще успеет, что бросить дела он не имеет права.

Таким образом, в моих воспоминаниях о патриархе не может быть ничего сенсационного. Это просто — история последнего периода его болезни и той стороны его общественного служения, которая была видна и нам, относившимся к нему, как к трудному пациенту, слишком мало о себе заботившемуся. Эти воспоминания я кратко записала, исполняя настоятельную просьбу нескольких лиц.

Поздно вечером 12 января 1925 г. в нашу лечебницу на Остоженке зашел знакомый врач и спросил меня, можем ли мы принять к себе больного с тяжелыми сердечными припадками, нуждающегося в серьезном лечении и внимательном уходе. Я ответила, что можем, но, ввиду тяжкого заболевания, не в общую, а в отдельную палату.

— Значит, можно привезти больного завтра?

— Привозите.

— Этот больной — патриарх Тихон.

— Почему же вы сразу не сказали?

— Боялся, что не примете.

И доктор рассказал мне, что сегодня же должны были перевезти пат. Тихона в одну частную лечебницу, где была занята для него комната, но вчера вечером оттуда позвонили и сказали, что боятся его принять. На патриарха это так подействовало, что он отказался переезжать куда-нибудь из Донского монастыря, и врачам пришлось настоятельно требовать, а близким долго уговаривать больного, чтобы он согласился на новую попытку найти для него лечебницу. Что помощь патриарху Тихону была сопряжена с известным риском — в том вряд ли могло быть сомнение; больницы боялись, что их закроют за это. На опыте своей лечебницы нам пришлось впоследствии убедиться, что опасение это было не напрасно.

О том, что патриарх Тихон очень болен, в Москве было известно; его положение стало серьезным после того, как в Донском монастыре, в одной из комнат отведенного ему помещения, неизвестными лицами был убит его келейник, как говорили — по ошибке, вместо самого патриарха. Патриарх еще не был очень старым, — в нашей лечебнице ему исполнилось шестьдесят лет, но жизнь в постоянной тревоге, домашний арест в монастыре, которому он был подвергнут, и, в особенности, толпа посетителей, отказывать которым в приеме он не хотел и не мог, — тяжело

отзывались на его сердечной болезни. Было важно подвергнуть его больничному режиму и создать часы обязательного отдыха, который был ему необходим, и внимательному наблюдению и лечению, которое единственно могло продлить его жизнь. Кроме давнего хронического воспаления почек и общего склероза, за последнее время у него появились припадки грудной жабы, особенно учащавшиеся после происшедшего у него на глазах убийства.

Привезли патриарха на следующий день. Высокого роста, прямой, седой, очень худой, на вид — гораздо старше своих лет. Несмотря на плохое состояние, он хорошо собой владел, ни на что не жаловался, хотя видно было, что очень нервен и возбужден. Приехал он на своем постоянном извозчике; с ним прибыли два его келейника, один — бесцветный монашек, другой — светский, сын его друзей.

Постоянными врачами патриарха были проф. К. и его ассистент доктор П. Оба продолжали навещать его и в лечебнице. После их консультации с врачами лечебницы, патриарху был предписан полный покой, ванны и укрепляющее лечение.

Мы поместили его в небольшой светлой комнате, которая ему понравилась, придав ей, по возможности, «домашний» вид. Комната белая, с окном, выходящим в сад, с видом на Зачатьевский монастырь. Белая тюлевая занавеска, покойное кожаное кресло, небольшой письменный стол. Было воспрещено пускать к больному посетителям без разрешения врачей.

Больной был особенно доволен, что его окно выходит в сад. Когда наступила весна, он любовался видом на монастырь и говорил:

— Вот хорошо! И зелени много, и птички.

Были у него свои иконы, стоявшие на маленьком столике, покрытом скатертью, и перед ними лампадка. На стене висела единственная картина: два мальчика смотрели с моста вдаль.

Когда он чувствовал себя лучше, то много читал, сидя в кресле у кровати. Читал Тургенева, Гончарова и «Письма Победоносцева».

В облачении, белом клобуке и с посохом патриарх казался очень видным и торжественным. Обычно его водили под руки, делая это не столько ввиду его слабости (он был еще достаточно бодр), сколько как бы для почета. Честь выводить его приняли на себя одна из сиделок и муж кастелянши, относившиеся к нему с величайшим вниманием и исключительной заботливостью. Но

когда патриарх лежал или сидел в кресле в своей комнате, он сразу превращался в больного и жалкого старичка. Здесь он надевал старый и потертый зеленоватый подрясник, устраивался поудобнее и, видимо, радовался возможности посидеть одному и воспользоваться столь редким для него досугом.

Из наших врачебных предписаний труднее всего было соблюсти самое главное и важное — покой для больного. Со дня переезда его в лечебницу не было отбоя от посетителей, одни из которых приходили по делам, другие — навестить патриарха. Были такие, «не пустить» которых было очень трудно. На другой же день явился в лечебницу Тучков, заведующий отделом ГПУ, за которым числился патриарх. Вызвал меня и потребовал свиданья с «гражданином Беллавиным», Тучков — среднего роста, плотный, крепко скроенный и сшитый полуинтеллигент, обходительный и достаточно развязный. Я сказала ему, что видеть больного сейчас нельзя, так как врачами предписан ему полный покой; всякое волнение для него опасно.

— А что, разве патриарх опасно болен?

— Грудная жаба всегда опасна, а кроме того, у него болезнь почек.

— Так что он может у вас **скапуться**?

Я ответила, что при такой болезни патриарх может умереть от сердечного припадка.

— Как же вы не побоялись принять его в лечебницу? Ведь если он у вас умрет, фанатики могут обвинить вас в том, что вы способствовали его смерти.

Объяснила Тучкову, что смерть пациента всегда тяжела, и что нередко близкие винят в смерти не болезнь, а лечивших врачей. И все-таки мы должны принимать в лечебницу всех, кому нужна медицинская помощь и уход. Впрочем, нам не приходится опасаться таких обвинений со стороны лиц, близких к патриарху; наша лечебница достаточно в Москве известна.

— А чем вы его кормите?

— Даем то, что предписано врачами.

— Ну, а со стороны ему ничего не приносят?

— Со стороны мы разрешаем ему принимать только фрукты.

— А, это хорошо, что вы со стороны не принимаете.

Не знаю, насколько была искренна такая заботливость Тучкова; боялся ли он возможных случайностей, или только хотел узнать, насколько бережно охраняется патриарх в лечебнице.

На этот раз на немедленном личном свидании он не настаивал, и приехал снова только через два дня, когда патриарх мог его принять.

Но нелегко было оберегать патриарха и от других посетителей, в особенности, от приходивших к нему по делам церкви — от митрополита Петра Крутицкого и других. Только две первые недели нам удавалось ограничивать их визиты, часто — вопреки просьбам самого больного. Позже, когда он немного оправился и особенно когда он стал выходить, эти визиты были ежедневными и явно для него утомительными. Но патриарх считал своей обязанностью лично вникать во все дела, подлежащие его ведению.

За эти две первые недели патриарх Тихон очень отдохнул и, насколько мог в его положении, поправился. Он видимо наслаждался своим покоем и предписанным ему режимом. Нервное возбуждение улеглось, и частые анализы показывали, что улучшилось состояние почек. Сам он не раз говорил, что чувствует себя гораздо лучше и бодрее. Врачей принимал всегда с ласковостью и охотой, любил поговорить, пошутить. К персоналу лечебницы относился с исключительной приветливостью — и к нему относились с тем большим почтением и предупредительностью. Во всех своих нуждах старался обходиться помощью Кости, своего светского келейника, к уходу которого он очень привык. Бывший при нем монашек заботился о нем меньше; так, например, он нередко пускал к патриарху посетителей без нашего ведома и даже вопреки запрещению.

В разговорах с патриархом мы старались не подымать никаких волнующих его вопросов. Сам он говорил на темы, посторонние его болезни, всегда в шуточной форме. С моим мужем, доктором, говаривал подолгу о предметах посторонних; в беседе со мной упомянул однажды о живоцерковниках, но сейчас же свел на шутку, чтобы не продолжать разговора на эту тему.

Мы, все врачи, очень просили больного продолжить строгий режим и долгие не заниматься делами, но убедить его не удалось. На третью неделю пребывания в лечебнице он уже ежедневно принимал Петра Крутицкого, своего ближайшего помощника, а также часто вдову его убитого келейника, которой он многим помогал. Эти визиты всегда его очень утомляли. Но и помимо них приходило много людей по делам, за советами, за благословением, за помощью, просто навестить. В приемной была всегда толпа, которую приходилось убеждать дать больному покой. Дважды приходили к нему делегации от рабочих фабрики, бывшей Про-

хорова, и какой-то другой. Приносили ему подарки. Рабочие поднесли ему пару хороших сафьяновых сапог на белом кроличьем меху, в которых позже он всегда выезжал на церковные службы и которыми очень гордился. В морозную зиму эти сапоги были для него, действительно, спасением. От другой рабочей делегации он получил церковное облачение.

Петра Крутицкого патриарх, повидимому, не очень долбил, хотя в приеме ему никогда не отказывал. Это был высокий, тучный, пышноволосый, грубоватый и довольно неприятный в обращении человек. Говорили, что патриарх недолбил его за то, что он слишком настойчиво добивался перед ним поста московского митрополита и почти вынудил у патриарха это назначение. Петра Крутицкого монашек пускал часто без разрешения, как и других архиереев. Борьба с этим нарушением предписанного режима было очень трудно, сам же патриарх не протестовал и не жаловался.

Заходили к патриарху и наши больные; их посещения его не волновали и, напротив, очень ему нравились; он сам расспрашивал про больных и интересовался их судьбой. Помню, что одна наша больная очень боялась предстоявшей ей тяжелой операции; перед самой операцией попросилась к патриарху поговорить, и мы ей разрешили. От патриарха она вернулась совершенно успокоенной: он поговорил с ней ласково, уверенно и утешительно. Это была помощь патриарха врачам. Каждый хирург знает, как облегчает его работу спокойствие и полное доверие больного.

Несколько раз был у патриарха чекист Тучков. Когда он заходил, патриарх отсылал всех. Однажды он рассказал, что Тучков неоднократно предлагал ему уйти на покой — уехать куда-нибудь на юг.

— Что на покой... Успею належаться, а пока нужно работать!

Так же он отвечал и нам, когда мы уговаривали его отдохнуть подольше и не выезжать по приглашению на церковные службы.

— Нет, поехать надо. Работать нужно! Если так подолгу не показываться, так и забудут меня.

Не останавливали его и холода. На уговоры отвечал, показывая на теплые сапоги, подаренные ему рабочими:

— А вон они стоят. С ними никакой холод не страшен.

Приезжал в больницу следователь ГПУ и долго допрашивал патриарха. Перед визитами Тучкова и следователя патриарх волновался, но старался шутить; говорил:

— Вот завтра приедет ко мне «некто в сером».

О допросе и о разговорах с Тучковым никогда ничего не рассказывал.

Едва немного оправившись, патриарх стал принимать много народа и выезжать на церковные службы, обычно — к обедне, но иногда и ко всенощной. Во время его службы церкви были всегда переполнены, и при выходе патриарх долго не мог пробраться к своему экипажу. Каким-то образом верующие во всей Москве узнавали о том, когда и где служит патриарх; никаких публикаций, конечно, не могло быть. Служил он в церкви Воскресенья (рядом с нашей лечебницей, на Остоженке), иногда у Бориса и Глеба; особенно много народа собиралось, когда он служил в Замоскворечье, на Якиманке, а также на Елоховской. Чаще служил в Донском монастыре, а на первой неделе великого поста провел там пять дней в ежедневной службе.

С церковных служб возвращался всегда в крайнем утомлении; вероятно, утомляла его не столько служба, сколько толпа, встречавшая и провожавшая его и подходившая под благословение. Эта толпа стояла не только у храмов, но и у дверей нашей лечебницы, когда ожидался его выезд.

Не было никаких способов воспрепятствовать этим выездам больного. На наши советы и возражения он отвечал одним словом «нужно» и, конечно, сам сознавал, что окончательно губит свое слабое здоровье. Все, что мы могли делать, это — хотя бы в самой лечебнице по возможности охранять его покой и следить за его лечением. И наблюдения и исследования показывали, что в состоянии его здоровья произошло ухудшение, и значительное: плохая деятельность почек, постоянная усталость и недомогание. Особенно плохо он себя почувствовал после открытия заседаний Синода, откуда он вернулся поздно вечером. Как нам рассказывали, на патриарха угнетающе подействовала создавшаяся там обстановка. Он почувствовал себя совершенно одиноким, так как всех близких ему людей, на которых он надеялся опереться, временно удалили из Москвы.

Незадолго до смерти у патриарха разболелись зубы. Его беспокоили два корешка, и он хотел их удалить. Был приглашен к нему врач В., который и удалил ему, под новокаином, несколько корешков. После этого у него распухла десна, и опухоль распространилась к глотке. Хотя ему было больно не только глотать, но и говорить, — он все-таки выехал служить обедню, а, вернувшись, рассказывал мне, что последние возгласы произносил с боль-

шим трудом. Тут только удалось убедить его прекратить выезды, пока не пройдут боли. Опасаясь каких-нибудь осложнений, мы пригласили на консультацию врачей-специалистов по горлу, проф. С., доктора Г. Строго говоря, это местное заболевание было настолько пустячным, что к консультации мы прибегли только потому, что это был патриарх Тихон. Врачи не нашли ничего серьезного и предписали покой и лечение ингаляциями и полосканиями. Крайняя слабость патриарха объяснялась общим тяжелым состоянием и крайним нервным утомлением. Правда, за три месяца пребывания в лечебнице у него не было припадков грудной жабы, — но организм был совершенно расстроен, и надеяться было можно лишь на некоторое продление его жизни, а не на излечение.

Так как патриарх продолжал жаловаться на горло, мы вторично созвали консультацию специалистов, причем все врачи подтвердили, что в этой области ничего опасного и серьезного нет.

Эта консультация состоялась 6-го апреля вечером, в день смерти патриарха.

Узнав о предстоящей консультации, к патриарху пришел митрополит Петр Крутицкий. Келейник пустил его, но так как митрополит долго не уходил и о чем-то горячо говорил с патриархом, то келейник вызвал меня и сказал, что патриарх взволнован, страшно утомлен беседой и чувствует себя очень плохо. Чтобы прекратить это, я пошла к больному и у его дверей встретила Петра Крутицкого, спешно выходящего с какими-то бумагами.

После консультации патриарх вышел в столовую, которая была рядом с его комнатой, потом сказал, что хочет лечь, а так как боится, что не будет спать, то просит вспрыснуть ему морфий. Когда он боялся сердечного припадка, он иногда прибегал к этому средству и очень в него верил. Вероятно, на этот раз он чувствовал приближение последнего припадка; его келейник после рассказывал мне, что крайне утомленный патриарх делал какие-то странные движения руками, как всегда у него бывало перед припадками. Заметив это, келейник посоветовал ему лечь сразу, но он ответил:

— Успею, Костя, налегаться. Ночка будет долгая, ночка будет темная.

Своего келейника он знал с его детства и всегда называл уменьшительным именем.

С моего разрешения сестра вспрыснула больному морфий. Позже я выходила к нему. Он успокоился, сказал, что теперь чувствует себя хорошо и надеется заснуть.

К полуночи я ушла к себе на квартиру, которая помещалась в том же доме, но скоро за мной прислали, так как больному опять сделалось очень плохо. Прибежав, я застала патриарха в припадке грудной жабы. Он был очень бледен, уже не мог говорить, и только показывал рукой на сердце. В глазах был смертельный ужас. Пульс еще был, но тотчас же стал исчезать. Вспрыскивания камфары и кофеина не произвели никакого действия.

Через несколько минут патриарх скончался. Кроме меня, при этом присутствовали: сестра отделения, дежурный келейник и доктор Щ., живущий рядом, которого вызвали по телефону. Было около 12 часов ночи.

**

Послали немедленно за митрополитом Петром и дали знать по телефону в Донской монастырь.

Едва явился Петр, как вслед за ним приехал Тучков и с ним два человека. Очевидно, наш телефон был соединен с ГПУ, так как Тучкову никто из лечебницы не звонил. Когда кто-то из врачей спросил Тучкова, как узнал он о смерти патриарха, Тучков только улыбнулся и ничего не ответил.

Вызвали меня, и Тучков подробно расспросил, как все произошло, какие лекарства давали патриарху, и кто к нему заходил. Затем приехавшие поднялись в палату покойного, выразили удивление, что он очень бледен, а один из компании Тучкова внимательно осмотрел шею патриарха — как смотрят, когда хотят определить, нет ли признаков задушения. Повидимому, это был врач.

Весть о смерти патриарха разнеслась по Москве в ту же ночь. Звонки были непрерывны. Запрашивали милицейские участки, редакции газет, частные лица, духовенство. Много духовных лиц сейчас же явилось в лечебницу, и некоторые предложили тут же ночью перенести тело патриарха в соседнюю церковь, чтобы на утро торжественно доставить его в Донской монастырь. Не решаясь сделать это самостоятельно, запросили ГПУ и получили категорический отказ. Мало того, по распоряжению ГПУ была вытребована карета скорой медицинской помощи для перевозки тела в Донской монастырь. При этом произошла такая сцена. В «Скорой помощи» в доставке кареты отказали:

— Мы перевозим больных, а не мертвых.

Агент ГПУ вызвал какой-то номер телефона, рассказал об отказе и попросил собеседника:

— Надави!

Тот, очевидно, «надавил», и вскоре карета была подана.

Когда тело патриарха увезли, его комната была опечатана. Несколько днями позже приехал Тучков и в присутствии администрации лечебницы и митрополита Петра произвел опись вещей. Среди вещей были найдены 4000 рублей, которые Тучков взял со словами:

— Они нам пригодятся.

Это были деньги, собранные прихожанами и отданные патриарху. Лежали они в корзиночке около кровати, и патриарх говорил мне про них:

— Вот хотят прихожане устроить мне домик, собрали деньги. А то в монастыре помещение низкое, тесное и очень неудобное. Как соберется много народа — дышать нельзя.

Любимые сапожки патриарха, подарок рабочих, взял себе митрополит Петр.

В Донском монастыре, где тело патриарха было выставлено в течение четырех дней, днем и ночью толпился народ. Живая очередь заперудила всю Донскую улицу. В день похорон к монастырю лился людской поток почитателей покойного, и были в толпе люди всех классов и возрастов. Самый монастырь был черен от людей: был занят весь двор, лестницы, приступки, ниши стен.

Вынос тела и погребение окончились в 4 часа дня.

В газетах о смерти патриарха был напечатана маленькая заметка петитом среди остальной хроники. Было сказано, что похороны патриарха привлекли мало публики, причем бросилось в глаза «полное отсутствие среди этой публики рабочих и крестьян».

Тучков был прав, когда спрашивал, — как мы не боимся принять в лечебницу тяжело больного патриарха. Смерть его наполнила Москву самыми смутными и нелепыми слухами. Говорили, что врач, вырывая ему корешки зубов, вспрыснул какой-то яд вместо новокаина, путали фамилии лечивших патриарха врачей, распространяли слухи об аресте. Трудно было в этих слухах разобраться и понять, кого именно обвиняют и в чем.

Ко мне в лечебницу пришел некий Белавин, будто дальний родственник патриарха. Он был однажды и при патриархе, но тот не захотел его принять, сказав, что это вовсе не родственник, а

только его однофамилец. Этот Белавин явился спросить, почему тело патриарха не подверглось вскрытию. Ему объяснили, что когда причина смерти вполне ясна и понятна, то вскрытия не делают, и что патриарх умер в припадке грудной жабы.

— А уверены ли вы, что у него была грудная жаба?

Ему ответили, что сомнения быть не могло. Но, кажется, это его не убедило.

Вскоре после смерти патриарха было опубликовано в газетах его известное завещание. Решительно никто в Москве не хотел поверить, что патриарх его подписал добровольно и собственноручно; текст был писан не им, но на подлинности подписи газеты настаивали. Странно было то, что в одной газете при подписи стояла пометка «Донской монастырь», а в другой «Остоженка».

В завещании патриарх Тихон назначал своим заместителем Петра Крутицкого. Как-то невольно вспомнилась бумага, которую митрополит Петр вынес из комнаты патриарха за два часа до последнего рокового припадка, окончившего жизнь патриарха.

(«Последние Новости» № 3442, 14-9-1930.)

Вопросы Церкви

Продолжение спора вокруг письма А. СОЛЖЕНИЦЫНА III-му Собору
“Зарубежной Церкви”.*

ПИСЬМО МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА**

Его Преосвященству Митрополиту ИРИНЕЮ

Ваше Высокопреосвященство!

Наша газетная переписка пришла в тупик и нет смысла ее продолжать. Но на Ваше последнее письмо я считаю нужным ответить.

Апеллируя к моей совести, Вы приводите выдержку из своего предыдущего письма и спрашиваете: где я вижу в ней “заостренную полемичность”? В этой выдержке — не вижу. Но Вы ведь не все свое письмо привели, Ваше Высокопреосвященство. В нем есть совсем другие мысли и выражения.

Упорно обходя главный разделяющий нас вопрос, Вы настойчиво призываете к молитвенному общению. Что и говорить — великою радостью было бы возобновление такого общения. Но начинать с него можно тогда, когда имеются несогласия **личного** характера. В этом случае дело ясно и просто: мир — и будем служить и молиться вместе. Но при разногласиях **принципиального** характера, согласно словам Св. Церкви — “возлюбим друг друга, да **единомыслием** исповемы” — необходимо предварительное достижение такого единомыслия. И только тогда, когда оно достигнуто, радость такого достижения увенчивается совместно молитвою. Вспомните историческое совещание иерархов — митр. Евлогия, митр. Феофила, митр. Анастасия и еписк. Димитрия, которое состоялось для обсуждения вопросов касавшихся именно церковных разделений — как и в настоящем случае. Тогда совещавшиеся иерархи не начали, а окончили свое совещание совместным служением.

И вообще, в истории Церкви совместного служения без единомыслия не бывало. Это — чисто экуменическое изобретение наших дней. “Любовь”, понимаемая по экуменическому мудрованию, широко открывает всем и вся свои “любящие объятия”, но эти объятия готовы насмерть задушить истинное Православие, похоронив его в груде неправославных

* См. Вестник РХД, № 114, стр. 89-146.

** Объективности ради мы печатаем это поистине “страшное” письмо Митр. Филарета, исполненное духом злобы и духовной гордыней.

Хочется верить, что оно выражает мысли только автора его, а не всей “Зарубежной Церкви”. Прим. Ред.

мудрований. Ведь не напрасно Апостол **любви** говорит о том, что человека, неправо говорящего об истине, не следует принимать в дом, ни даже приветствовать, ибо приветствующий его участвует в злых делах его...

Главный вопрос, разделяющий нас — вопрос о советской иерархии. Зарубежная Церковь признает ее законным и действительным возглавлением страдающей Церкви Российской только тогда, когда она со всею решительностью отвергнет позорную и страшную декларацию митрополита Сергия, сойдет со своего пагубного пути и станет на путь церковной Правды, открыто и бесстрашно ее защищая. Позорное пятно должно быть смыто. А пока этого нет — она находится под “омофором” богоборческой власти, не смея без ее “благословения” ступить ни одного шага, особенно в своих действиях за границей. Ведь это — и ребенку ясно!

Здесь я прерываю свое письмо, чтобы привести дословно то, что сказал по данному вопросу Владыка Архиепископ Андрей Рокландский, который долгое время совершал свое пастырское служение в Советской России и хорошо знает все кошмары советской действительности. — Владыка сказал следующее:

“Вспоминается мне один случай из жизни блаженной Ксении Петербургской. Она была особенно популярна в купеческом мире. Купцы замечали, что каждое посещение Блаженной приносило им удачу в торговле.

Однажды в одном торговом месте купцам удалось раздобыть из богатого имения несколько различных сортов самого лучшего меда. Был мед и липовый, и из гречихи, и еще из других цветов и растений. Каждый имел свой особый вкус и благоухание. А когда купцы все эти сорта меда смешали в одной бочке, получилось такое благоухание и такой вкус, о котором и мечтать нельзя было. Покупатели брали этот мед нарасхват, не жалея никаких денег. И вдруг появилась Блаженная Ксения. — “не берите, не берите” — закричала она — “этот мед нельзя есть: он дохлятиной пахнет”. — “Да ты, матушка, с ума сошла! Не мешай нам! Видишь, какая прибыль пошла. Да как ты докажешь, что этот мед нельзя есть?..” — “А вот и докажу!” крикнула Блаженная, из всех сил навалилась на бочку и... опрокинула ее. Пока мед тек на мостовую, люди тесно обступили бочку, но когда весь мед вытек, все закричали от ужаса и отвращения: на дне бочки лежала огромная дохлая крыса. Даже те, кто за дорогую цену купили этот мед и уносили его в банках, побросали их.”

“Почему мне вспомнился этот случай и я привожу его?” продолжает Владыка Андрей. — “Отвечу охотно. На днях один американец, интересующийся Православием, и побывавший почти во всех православных церквях и в Советском Союзе и здесь в Америке, спросил меня: отчего я и целая группа русских православных людей не участвуют в приеме Патриаршей делегации, и вообще как бы чуждаются всего, что связано с церковной жизнью в Советском Союзе, и даже здесь, в Америке, уклоняются от тех православных групп, которые так или иначе связаны с Патриархией. В чем дело? Разве догматы не те, или таинства другие, или богослужение иное? Я подумал и ответил: нет, дело не в этом. И вера та же, и богослужения те же. Православная вера благоухает как хороший мед. Но если этот мед вы сольете в бочку, на дне которой окажется дохлая крыса, захотите ли Вы отведать этого меда? — Он с ужасом посмотрел на меня: “Ну, конечно, нет!” — “Вот так и мы” — ответил я

ему — “чуждаемся всего того, что связано с коммунизмом. Коммунизм для нас то же, что дохлая крыса на дне бочки. И если бы Вы наполнили эту бочку до самых краев самым лучшим, самым ароматным медом... — нет мы не захотим этого меда. Мед сам по себе прекрасен, но в него попал трупный яд и смрад”.

“Мой собеседник молча кивнул головой. Он понял. А Вы?..”

— Образно и убедительно!..

В заключение своего письма я в свою очередь спрашиваю Ваше Высокопреосвященство: неужели Вы по архиерейской совести считаете облачившихся в рясы и клобуки служителей КГБ — истинными духовными руководителями и возглавителями многострадальной Русской Церкви! Неужели Вы не видите, что на дне той quasi-церковной советской организации, с которой вы связали себя, лежит дохлая крыса коммунизма?

Или Вы предпочитаете закрыть глаза и заткнуть уши, чтобы не видеть и не слышать, и отмахнуться от неприглядной действительности?..

Конечно, если это так, то всякие дальнейшие переговоры о соединении излишни, и о совместном служении не может быть и речи.

† Митрополит Филарет.

ОТВЕТ МИТРОПОЛИТА ИРИНЕЯ

Его Высокопреосвященству Митрополиту Филарету

Ваше Высокопреосвященство,

Получив Ваше письмо от 12 марта с. г., я решил было не показывать его моим братьям-епископам, столь странным показалось мне его содержание. Я не думал, что Вы его опубликуете — особенно в первые дни Св. Четырнадцатницы, когда призывает нас Церковь к самоуглублению и покаянию. Моим намерением было ответить Вам частным, не подлежащим опубликованию, письмом, в котором и поделился бы я с Вами моими недоумениями. Поскольку, однако, Вы свое письмо опубликовали, моя совесть не позволяет мне — несмотря на крайнее мое нежелание омрачать эти святые дни тягостной полемикой — оставить неотвеченным то, в чем я не могу не видеть глубокого искажения самой нашей веры. Это — тот образ дохлай крысы в бочке с медом, которым Вы поясняете Ваше отношение к Московской Патриархии и из которого выводите, что “всякие дальнейшие переговоры о соединении излишни, и о совместном служении не может быть и речи”.

Ваше Высокопреосвященство! Неужели Вы не сознаете, не чувствуете какие действительно страшные выводы напрашиваются сами собой из этого рассказа, который Вы находите “образным и убедительным”? А если бы не мед, а Св. Миробило бы в бочке, оскверненной дохлай крысой, то и его бы вылила на землю блаженная Ксения? Ведь именно к этому выводу приводит Ваше сравнение, да Вы и сами делаете его. Тогда как истинная вера, истинный опыт Церкви в том и состоит, что,

какими грешными руками ни совершались бы Таинства (а у кого, в очах Божиих, руки чисты и достойны совершать их?), сколь греховной, нечистой и даже падшей, ни была бы внешняя, человеческая “оболочка” Церкви, на дне-то Чаши находят верующие Пречистое Тело и Честную Кровь Христовы. И когда недостойный епископ оскверненными руками выносит Чашу — умаляется ли от этого её святость, её сила?

Именно тут суть нашего расхождения в отношении к многострадальной Русской Церкви. Вы смотрите на руки, держащие Чашу, и ужасаетесь их нечистоте. Мы, смею думать — вместе с подавляющим большинством верующих в России —зираем на Чашу и на Св. Крест, руками этими возносимые над замученной страной, и от них — от их Божественного света и непобедимой силы, а не от рук, держащих их, чаем спасения, просветления и возрождения. И если заповедано нам обличать всякую ложь, из чьих бы уст она ни исходила, свидетельствовать о гонимых, помогать страждущим — а ни от обличения этого, ни от свидетельства мы никогда не отступали, то да упасет нас Бог от безжалостного и фарисейского суда, нам не принадлежащего — ибо “Мне отмщение и Аз воздам”, говорит Господь.

С великой скорбью и болью пишу я Вам эти строки. Ибо Ваше письмо полагает конец затенившейся было в нас надежде, что настало время смягчиться сердцам. Нет, по-видимому не настало. Но совесть моя и моих братьев-епископов чиста. Ибо мы с полной искренностью и без задних мыслей предложили Вам путь изживания нашего разделения, который Вам угодно сравнивать с “экуменизмом” — как если бы не были мы братьями по одной и той же вере, чадами одной и той же Церкви! Хочу верить, что это — не последнее Ваше слово и что рано или поздно восторжествует во всех нас та любовь — не наша, а Христова — которая “все покрывает, всему верит, всего надеется, всё переносит”. (1 Кор. 13.7).

† Митрополит Ириней.

ПАСТЫРСКОЕ ПОСЛАНИЕ *

к пастве Западно-Европейской и Австрийской епархий
Зарубежной Церкви.

«Днесь благодать Святаго
Духа нас собра».

Считаю своим долгом поделиться с вами, возлюбленные братья и сестры, радостью нашего братского общения на Третьем Всезарубежном Соборе свободной русской Церкви за границей. Ведь вы были тоже участниками его через епархиальных представителей и благодаря вашей материальной помощи, которая помогла нам собраться на Собор.

Должен заверить вас в том, что Собор прошел в полном единомыслии и единомудии. Мы чувствовали живую связь с нашими добрыми пастырями и верными делегатами-мирянами, собравшимися во едино со всех концов мира. Разделенные обычно пространством и временем, мы были одной семьей, живущей одной церковной жизнью! Две недели совместных работ сроднили нас так, что грустно было расставаться.

Собор прежде всего исповедывал свою непоколебимую веру во Единую, Святую, Соборную и Апостольскую Церковь и засвидетельствовал свою готовность хранить эту веру и канонический порядок в послушании своим архипастырям.

По мнению многих его участников, настоящий Собор превзошел все зарубежные Соборы 1921 и 1938 годов. Он оказался более чем «всезарубежным», так как прошел с участием живых сил из современной России. На нем заговорила, молчавшая до сих пор, наша многострадальная родина. Голосом ее оказались, покинувшие недавно страну, лучшие сыны ее — убежденные православные христиане и большие писатели — А. Солженицын, В. Максимов и А. Сиявский. Правда, они не участвовали лично на Соборе, но голоса и мнения их участники Собора слышали. А. Солженицын послал свой письменный доклад, А. Сиявский

* Печатаем это послание вдогонку к предыдущим документам о Письме А. Солженицына Собору "Зарубежной" Церкви. Умеренный голос архиеп. Антония Женевского уравнивает резкие выступления митр. Филарета. Но постановления Собора во многих областях, как например в вопросе нового стиля, страдают излишней узостью. Ред.

и В. Максимов устно передали нам всё то, что могло интересовать нас. Это живое общение с родиной придало Собору особое значение, поставило его выше уровня жизни зарубежья. Он был, как восприняли многие, предверием ВСЕРОССИЙСКОГО СОБОРА.

Вот почему, чувствуя на себе всю ответственность перед русской Церковью и родиной, мы прежде всего думали о нашем церковном единстве за рубежом. Собор искренно обратился к братьям, находящимся в американской Церкви и принадлежащим Константинопольскому патриархату в Европе с призывом укрепить русскую Церковь нашим братским единством. Все мы виноваты, если не в самом акте разделения, то, во всяком случае, — отчуждения, которое питалось столько лет взаимным осуждением, разделением, нетерпимостью, самооправданием и т. д. Разве укору А. Солженицына мы не заслужили? Спасибо ему за то, что не усумнился он сказать и нам правду, как говорил смело ее на нашей родине — увы — стране террора и насилия.

Своим произведением «Август 14-го» А. Солженицын талантливо изобразил начало русского развала, события предшествовавшие кровавой революции. В августе 74-го (ровно через 60 лет мук и страданий русского народа) он обращается к нашему Собору с призывом покончить с развалом, объединиться духовно и физически, для восстановления духовных и национальных ценностей, погрязших революцией и попираемых доселе безбожным правительством СССР.

Только единая, духовно сильная, русская Церковь, вышедшая из горнила огненных испытаний, посланных Богом для очищения ее, может способствовать возрождению народа и пастырей его!

К этому вожделенному единству звал Собор не только чад русской Церкви. Он льстил себя надеждой объединиться и с теми братьями по вере, которые отошли от нашей Церкви еще во второй половине 17 века. Первый шаг для этого сделан Собором: сняты те прещения, которые неразумно были наложены на придерживающихся старых обрядов. Еще с первого всезарубежного Собора, обратился к братьям нашим, так называемым старообрядцам, митрополит Киевский Антоний, призывая их к единению с русской Церковью, не господствующей ныне, как писал он им, а гонимой, так же как и вы.

Снявши эти пагубные прещения, именем свободной русской Церкви, Собор признал во-первых, что старые обряды равночестны нашим, что держащиеся их являются такими же православными

христианами, как и мы, и во-вторых признал вину представителей русской Церкви в поспешной реформе церковных книг и обрядов, не подготовивши к ней, очевидно, должным образом паствы. Признал ответственность их за гонения и преследования и отлучение от Церкви тех, которые держались этих обрядов, не ими выдуманных, а содержащихся в русских церковных книгах при пяти первых патриархах, до времени патриарха Никона.

Многие считают теперь, что за добрым почином Собора, должно последовать покаянное послание единой свободной части русской Церкви, до времени пока за рубежом, с просьбой к старообрядцам простить, в нашем лице, всех тех, которые послужили и способствовали пагубному расколу в русской Церкви, просить у них прощение за все неправды и обиды. Мы надеемся, что наше раскаяние поможет братьям забыть зло и, не осуждая никого, восстановить единство с Церковью.

Собор свидетельствовал о том, что наша Церковь есть самая свободная в современном мире и что поэтому на ней лежит долг: во-первых быть смелым и неустрашимым голосом Православия и русской Церкви и во-вторых снисходить к несвободе других, стараясь понять и помочь им, проявляя к ним братскую любовь! А так же и то, что наша Церковь стоит на твердом каноническом основании постановления патриарха Тихона от 7/20 ноября 1920 года, что наше временное самостоятельное бытие оправдывается не только нашей несомненной принадлежностью к русской Церкви, но и непрестающимися гонениями на верующих в СССР.

Поэтому Собор отверг послание Синода Московской патриархии с призывом к нашим пастырям и пастве присоединиться к этой патриархии, а в ее лице, яко бы, к Матери-Церкви. Отверг ради сохранения нашей, Богом данной, свободы исполнения долга — громко говорить миру о преследованиях религии в СССР. Подчинение несвободному патриарху лишило бы и нас свободы, связало бы наш язык молчанием. Не могли бы мы тогда свободно обличать провокационные заявления в свободном мире плененного патриарха и «из сочувствия к лгушим в плену» должны были бы «поддерживать ту же ложь на свободе!» Неужели «из сочувствия к узникам, вместо того, чтобы сбивать с них цепи — надевать такие же и на себя? Из сочувствия к рабам, склонять и свою выю под ярмо?» спрашивает с недоумением А. Солженицын, говоря, в своем докладе Собору, о представителях зарубежных епархий и приходов Московской патриархии. Мы рады тому, что он думает так же, как и мы!

Благодаря единомыслию с ним, Собор не усумнился в том, что мы храним единство и взаимное понимание со всеми верующими на родине: мужественными исповедниками, добрыми пастырями, верными чадами Церкви Христовой. Таковыми явили себя некоторые пастыри и официальной Церкви, громко сказавшие правду, нарушившие, ограничивающие права пастыря, советские безбожные законы, понесшие мужественно последствия прещения патриархии, лишения должности, осуждения на тюремное заключение и пребывание в лагерях смерти. На их подвиге и особенно на беспримерной твердости пастырей Истинно Православной Церкви, не искавших никогда официального признания безбожниками, и верной им паствы обновится русская Церковь, сбросив с себя все исторические ошибки прошлого!

Собор свидетельствовал о том, что наша Церковь несомненно поддерживает единство со всеми чадами Вселенской Церкви, исповедывающими верность Православию.

Коснулся Собор и вопроса современного модернизма. Он подтвердил еще раз, что наша Церковь «считает введение нового стиля ошибочным, вносящим неправильность в церковную жизнь и в конечном счете приводящим к расколу». Она не принимает его и от сослужения с принявшими фактически уклоняется, хотя и терпит его, ради икономии, в какой-то мере временно, для новообращенных в православие и принятых в нашу Церковь из поместных Церквей из-за железного занавеса и живущих по новому стилю более пятидесяти лет, воспитавших на нем два поколения верующих!

Ревнующим чрезмерно Собор напомнил, что решать вопрос о благодатности может только правильно созданный, правомочный Вселенский Собор.

Собор одобрил дальнейшее собиранье материалов для должной подготовки к возможной канонизации, на будущем Соборе, Блаженной Ксении. Много просьб о прославлении ее со святыми последовало от пастырей и паствы. Будем готовиться со страхом и трепетом к канонизации еще одной угодницы Божией — новой звезды русского неба — Блаженной Ксении, почитаемой еще в до-революционной России, как великой праведницы.

Собор обратился с посланием к русскому народу, со словом ободрения и братской любви. «Мы, по милости Божией», говорит послание, «избегавшие коммунистического плена и всех его бедствий, зовем многострадальный русский народ и в том числе доблестное воинство и всех коммунистов отвергнуть в своей жизни

марксизм — ленинизм и возвратится к вере своих отцов, возвратиться ко Христу Спасителю Богу нашему. Нам всем надлежит принести Богу искреннее, глубокое и чистосердечное покаяние и в нем обрести как-бы второе крещение, которым тысячу лет тому назад просветил русский народ святой равноапостольный великий князь Владимир. Тогда наша великая многострадальная и славная Россия обретет свой исторический путь и дарует всему русскому народу и всем народам населяющим нашу страну, свободную и благословенную жизнь на обновление всего смятенного ныне человечества.»

Собор признал работу Православного Дела полезной и важной, считает необходимым увеличение рассылки миссионерской литературы в Россию из всех стран нашего рассеяния. Собор рекомендует создание Братства Православного Дела при всех приходах нашей Церкви и признает необходимым сбор средств по всему зарубежью для работы их.

Собор принял резолюции о церковных школах, пополнении клира, миссионерско-издательской деятельности, о положении приходов и епархий и т. д.

Сделано большое соборное дело. Да поможет нам Господь, осуществить, общими усилиями, все его добрые начинания в нашей церковной, общественной и личной жизни.

Бог в помощь!

† Архиепископ Антоний

октябрь 1974.

Христианство и иудаизм

Михаил АГУРСКИЙ

ЕВРЕИ-ХРИСТИАНЕ В РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ*)

НЕУДАЧНЫЕ ПОПЫТКИ ОРГАНИЗАЦИИ МИССИИ СРЕДИ
РУССКИХ ЕВРЕЕВ.

Вольские кантонисты.

II.

Как же проходила военно-административная миссия? Каковы были её плоды? На эти вопросы может дать ответ биография двух активных миссионеров из среды крещёных евреев: архимандрита Нафанаила (Кузнецкого) и Александра Алексева (Вульфа Нахласса).

Понять корни эпопеи кантонистов можно только в том случае, если отдать себе отчёт в том, что в России первой половины 19-го века господствовал взгляд на евреев, как на отсталое, невежественное племя, на котором лежит печать проклятия Божия. Именно на этом представлении основывалась и практическая политика русского правительства в еврейском вопросе.

При Николае I возобладали такая точка зрения, согласно которой еврейский вопрос в России может быть разрешён только путём всемерного светского образования евреев. Поскольку, однако, в тот период евреи России и Польши чуждались такого рода образования, было решено осуществлять их просвещение насильственно, с помощью армии. С этой целью было решено брать малолетних еврейских детей и отдавать их в таком возрасте на военную службу, с таким расчётом, чтобы они вдали от своих родных мест, под благодетельным влиянием военных воспитателей и православных священников постепенно лишались всех отрицательных свойств еврейской среды, и в конечном счёте крестились.

Таким образом христианская миссия среди евреев была поручена армии. Подобное решение могло появиться только в усло-

* Начало см. Вестник № 114, стр. 52-72.

ниях тогдашнего режима России с её культом военной бюрократии. Естественно, что к миссии привлекалась и церковь. Однако последняя выполняла скорее технические функции. Вся тяжесть «христианской миссии» ложилась на воснных.

Вероисповедная политика в отношении кантонистов отражена в официальных статистических сведениях о присоединении к Православию.

Ниже приведены данные о крещениях с 1836 по 1862 г. (И. Преображенский, «Отечественная церковь по статистическим данным», СПб, 1872).

1836 — 313	1843 — 1846	1850 — 1274	1857 — 1002
1837 — 360	1844 — 1170	1851 — 2150	1858 — 659
1838 — 585	1845 — 2189	1852 — 960	1859 — 576
1839 — 351	1846 — 1921	1853 — 1585	1860 — 433
1840 — 354	1847 — 1297	1854 — 4439	1861 — 427
1841 — 695	1848 — 2446	1855 — 2320	1862 — 400
1842 — 741	1849 — 1829	1856 — 1320	

Из этих данных видно, что наибольшее число крещений падает на 1843-1858 гг. То же подтверждает и церковный статистик Преображенский, говоря, что «наибольшая часть присоединений из еврейства должна быть поставлена в зависимость от действовавшего в те годы с особенной твёрдостью закона касательно вероисповедной принадлежности кантонистов» (стр. 60).

Трудно представить сейчас страдания евреев. Ни один из народов, населявших Россию, никогда не нёс таких военных тягот, какие были возложены на евреев. Но главное было в том, что евреи ясно понимали, что может ждать их детей в армии. Было очевидно, что им не только не дадут соблюдать столь строгие тогда у евреев религиозные предписания, но что их всячески будут отвращать от своей веры. Сдача детей в кантонисты означала для многих их похороны живьём. Неудивительно поэтому, что евреи как только можно старались уклониться от военной службы и укрыть от неё своих детей. Тем не менее за 30 лет вплоть до отмены положения о кантонистах в 1858 г. в армию было призвано в общей сложности несколько миллионов евреев.

Их страдания были неисчислимы. Хозяевами их жизни и смерти оказались грубые солдаты, презиравшие евреев, а жаловаться было невозможно...

Священник Лебедев со слов бывшего кантониста Зильберга рассказывает о том, как проходила военная миссия среди кантонистов. Подполковник той части, куда доставили транспорт с кантонистами, обратился к ним со следующим заявлением: «Здорово, жида-хриstopродавцы! Кто хочет жить, крестись, а то замучу, засеку розгами!» («Минские епархиальные ведомости», 1882, № 22).

Однако и принятие христианства отнюдь не избавляло кантонистов от издевательств.

Трудно было ожидать, чтобы результаты такой миссии могли стать основательными. На протяжении последующих десятилетий часто встречаются судебные дела об отпадении бывших кантонистов в иудейство, поскольку вплоть до апреля 1905 г. отпадение от православия наказывалось в судебном порядке. Таково, например, дело в 1878 г. отставного рядового Розенберга, отказавшегося принять какие-либо увещания от православного духовенства («Подольские епарх. ведом.», 1879, № 4).

Всё же большая часть крещёных кантонистов ассимилировалась с русским населением, вступив в смешанные браки. Но для многих кантонистов насильственное крещение породило огромную внутреннюю трагедию, которая имела место даже у двух православных миссионеров, вышедших из среды кантонистов, — которым и посвящён настоящий очерк. Эта трагедия наиболее резко проявлялась у искренно веровавших евреев, которые, будучи крещены, перенесли весь пыл своей религиозной веры на православие, но тем не менее постоянно ощущали раздвоенность между искренним предпочтением христианства и любовью к своему родному народу, от которого они были насильственно оторваны.

Но даже те немногие плоды миссии, которые явились результатом эпопеи кантонистов, отнюдь нельзя ставить в заслугу военным. Дело в том, что к делу крещения кантонистов привлекалось, естественно, и духовенство, которое в ряде случаев несколько смягчало жестокость отношения к кантонистам. Имелась группа духовенства, которая отнеслась ко всему делу серьёзно, и пыталась влиять на кантонистов методами убеждения, хотя, разумеется, и в этом случае не могло идти речи о каком-либо свободном выборе со стороны евреев. В любом случае это была миссия под

охраной штыков, которая была обращена к детям, насильственно вырванным из-под родительского крова. Тем не менее, именно эта часть духовенства оказала, повидимому, наибольшее влияние на судьбы людей, которым посвящен этот рассказ. К нему принадлежали архиеп. Саратовский Иаков (Вечерков), архиеп. Казанский Владимир (Петров), архиеп. Симбирский Феодотий, архим. Климент (Можаров), прот. Г. Чернышевский. Эти люди часто выезжали в казармы для бесед с кантонистами; в особенности этим занимался архиеп. Иаков.

Прот. Г. Чернышевский, отец известного русского писателя и критика Н. Чернышевского, даже усыновил одного крещёного кантониста. В своём роде мучеником на поприще миссии среди евреев оказался архим. Климент (Можаров). Одно время он занимал видную должность инспектора СПб духовной академии, которая обычно вела к епископскому сану. Однако конфликт с тогдашним обер-прокурором Синода Протасовым, которого архим. Климент едва ли не публично назвал врагом церкви, повёл к его удалению сначала в Орёл, а затем в Казань, где он был ректором семинарии (А. Родосский, «Биографический словарь студентов первых 28 курсов СПб духовной академии») и где занялся обращением кантонистов. Впоследствии и оттуда он был удалён в Чернигов, где вновь занялся миссионерской деятельностью, раздавая студентам семинарии брошюру для чтения евреям. Это вызвало недовольство местной еврейской общины и по её жалобе он был отозван и отсюда (Н. Глубоковский, «Письма архиеп. Смарагда», Христианское чтение, 1911, № 1).

Нельзя возлагать на всех этих людей ответственность за всю военную «миссию» этой эпохи. Они приняли в ней участие силою событий.

Архим. Нафанаила и Алексева роднят многие общие черты. До своего крещения они были пламенно верующими евреями, и весь свой прежний пыл веры они перенесли из мессианских проществ Ветхого Завета. На них также лежит несомненный трагический отпечаток. Крещение превратило их не только в христиан, оно превратило их в русских, среди которых всякий намёк на общность со своим народом встречался крайне подозрительно и неодобрительно. Такой крещёный еврей всегда подозревался в тайном иудействе и корыстном принятии христианства. Между ни-

ми и их народом возникла резкая пропасть, которую невозможно было перешагнуть. Архим. Нафанаил всё же сделал такую попытку, но это был редчайший случай своего рода, и ему приходилось предпринимать всевозможные предосторожности, дабы всё его предприятие не закончилось крахом для него самого.

Конфликт между любовью к своему народу и обязанностью считать себя непременно «эллином», а не «иудеем», — такова жизненная драма вольских кантонистов.

Архимандрит Нафанаил (1820-1887).

Настоящее имя архим. Нафанаила — Ицка (Исаак) Бородин. Он родился в м. Теофиполь Старокопстантиновского уезда Волынской губернии, недалеко от Почаевской Лавры. На шестом году он, как и многие еврейские мальчики, был уже грамотен, а на восьмом принят в хедер. Двенадцати лет он остался сиротой, что и предредило его участь как будущего кантониста. На шестнадцатом году он был отправлен в составе батальона кантонистов в Вольск Саратовской губернии.

«И теперь содрогается сердце моё, когда вспомню плач и рыдания родных моих и, в особенности, учителя моего при разлуке со мною!» — вспоминал спустя 22 года Нафанаил. Когда кантонисты добрались до Вольска, для него начались тяжёлые испытания.

«В стране чужой, между иноплемениками, при разных и трудных обстоятельствах военной дисциплины, — рассказывал он, — я, конечно, не мог не встречать препятствий к точному соблюдению закона еврейского». Однако взамен тех правил, которые ему пришлось нарушать, он придумывал новые, исполнение которых в его глазах заменяло нарушенные и тем самым успокаивал свою совесть. Так, вместо суббот, в которые евреям не давали отдыхать, Исаак по воскресеньям старался в присутствии товарищей высмеивать христианство.

К христианству он относился с отвращением. Узнав, например, что в его классе вывешены заповеди блаженств, которые ему вначале понравились, он сразу приобрел к ним отвращение за то, что они из Евангелия. В 1843 г. в Вольск прибыл ген. Андреев, человек весьма грубый, но не злой, и по-своему хорошо относившийся к евреям. Он открыл особые классы, в которых евреям разъяснялась христианская вера. Евреи смотрели на эти занятия, как на наказание Божие, допущенное для их испытания. Два года эти занятия не давали никаких результатов. Повидимому, Бородин, ко-

торый был старше других евреев, был среди них очень влиятельным. Он и оказался тайной пружиной сопротивления. В присутствии священников он всегда молчал, а они, поняв его значение для остальных, постоянно задевали его вопросами.

Однажды он всё же был сильно задет нападками на иудаизм, и в ответ стал нападать на христианство. По его словам, на него сильное впечатление произвели ссылки православного духовенства на пророков. Он был также удивлён, узнав, что еврейский Танах и христианский Ветхий Завет это одно и то же. Большое влияние на него оказало апокрифическое сочинение, известное под названием «Златое сочинение раввина Самуила», известное на Западе с 11-го века, а в России переведённое впервые в 1788 г. В этой книге словами марокканского раввина Самуила истинность христианства доказывается ссылкой на пророчества Ветхого Завета. В России эта книга переиздавалась неоднократно и служила одним из главных пособий миссионеров в спорах с верующими евреями.

Соединённое давление на кантонистов ген. Андреева и духовенства оказало своё воздействие. У Бородин появились сомнения в целесообразности их упорства. Собрав своих ближайших друзей, он поделился с ними своими мыслями. В результате 30 ноября 1844 г. крестились первые два кантониста, а 8 декабря — сам Бородин со всеми остальными кантонистами его части. Крестным отцом Бородин стал священник В. Кузнецкий, фамилию которого по принятому тогда обычаю он и стал носить, причём имя его стало — Николай.

Крестившись, Бородин быстро превратился в страстного миссионера. По июнь следующего года с его помощью крестилось около 200 кантонистов. Вскоре, однако, у него начались неприятности. Прежде всего, старообрядец, у которого Кузнецкий квартировал, стал склонять его в свою веру. Из-за этого произошла целая история, поскольку по тогдашним законам пропаганда старообрядчества каралась в судебном порядке. Во-вторых, из части уехал ген. Андреев, после чего отношение ко крещёным кантонистам со стороны офицеров стало грубым и притворчивым. Их ругали и били, на что они, естественно, жаловаться не могли. Особенно плохо пришлось Кузнецкому и его приятелю Софронову, которым стали завидовать за то, что Андреев их ранее выделял. Вскоре Софронова по какому-то поводу высекли розгами, а он, не выдержав, пожаловался своему крестному отцу, командиру батальона, который, заступившись, подверг обидчика аресту, но

тогда взбунтовались остальные офицеры. Командиру пришлось отступить, и теперь обоим друзьям грозила ещё горшая участь. Но в этот тяжёлый момент наступило неожиданное избавление. В часть поступило высочайшее повеление о награждении Кузнецкого и Софронова за участие в крещении кантонистов и о переводе их в духовное звание.

Вскоре после этого их перевели в Казань, где упомянутый выше ректор семинарии архим. Климент (Можаров) взялся за три года пройти с ними курс семинарии, минуя программу духовного училища. Одновременно на Кузнецкого и Софронова была возложена обязанность участвовать в крещении местных кантонистов. За время их пребывания в Казани было крещено около 1000 кантонистов. Процедура крещения включала в себя беседу каждого кантониста сразу после крещения с архиеп. Владимиром (Петровым).

Затем Кузнецкий с 1849 по 1852 г. обучался в Казанской Духовной академии, после чего был назначен в Полтаву епархиальным миссионером, куда и прибыл в 1853 г. Это был первый опыт назначения миссионера-еврея специально для евреев в пределах черты оседлости, но едва ли не последний. Кроме этого можно было бы только назвать деятельность в течение 3-х лет в Вильне, в 1891-1894 гг., П. Дрейзина.

Не имеется данных о том, утверждалось ли назначение Синодом Кузнецкого миссионером или это являлось местной инициативой. Скорее всего, имело место последнее, поскольку, если бы дело проходило через Синод, оно оставило бы какой-то след в деловых бумагах митр. Филарета, бывшего первоприсутствующим членом Синода и всегда интересовавшегося проблемой миссии среди евреев. Но в изданных бумагах митр. Филарета нет упоминания о Кузнецком. Таким образом, деятельность Кузнецкого как миссионера не следует рассматривать как попытку организации общецерковной миссии.

В августе 1853 г. Кузнецкий был рукоположен в священники полтавским епископом Нафанаилом (Савченко) и был определён в клир Полтавского кафедрального собора.

Его миссионерская деятельность среди евреев продолжалась около 15 лет. Известно, что за первые 8 лет своей службы он крестил около 100 человек. По словам Кузнецкого, самым замечательным случаем из его миссионерской деятельности было крещение Хаима Гринבלата, который бывал в Полтаве наездом, будучи

секретарём у еврейских купцов. Христианством Гринблат интересовался давно, и в Полтаве с ним был чемодан христианских книг. Узнав о Кузнецком, Гринблат стал проводить у него много времени. Выяснилось, что Гринблат — тонкий знаток христианского богословия. Кузнецкий был очень удивлён тому, что Гринблат до сих пор не принял христианство. Гринблат объяснял это тем, что его многое смущает в христианстве, в особенности дурные поступки христиан.

Наконец, купцам стало известно о том, что Гринблат усиленно интересуется христианством, после чего ему подслали записку, чтобы он немедленно убирался от них. Только тогда Гринблат и решился, наконец, принять христианство; в 1854 г. он и крестился в 35-летнем возрасте. Повидимому, он был болен туберкулёзом, так как через несколько месяцев после крещения скончался, сожалея, что не смог принять монашество.

Другим замечательным случаем из своей практики Кузнецкий считал крещение Я. Брушлинского во время эпидемии холеры в 1855 г. Начиная с 1863 г. в течение 10 лет Кузнецкий служит настоятелем тюремной церкви, а затем настоятелем Сретенской церкви в Полтаве.

В 1862 г. он публикует свои воспоминания в местном епархиальном органе. По его словам, многие читатели ставили ему в упрёк, что он не сделал до сих пор никакой попытки увидеться со своими родными, но скорее всего это был лишь предлог для осуществления своего давнего желания, ибо сама попытка к контактам с еврейской средой могла бы вызвать подозрения в тайном иудаизме. Кузнецкому же удалось избежать таких подозрений только благодаря своему хорошему имени среди духовенства, а также благодаря основательной дипломатической подготовке, немалую роль в которой сыграли его воспоминания.

Наконец, в августе 1865 г. он предпринял долгожданное путешествие в свой родной Теофиполь. Это был для своего времени исключительно смелый шаг. Все свои действия Кузнецкий делал с величайшей предосторожностью, останавливаясь, в частности, только у православного духовенства. Вначале он пытался сохранить инкогнито, прогуливаясь по улицам своего родного местечка.

«Узнавал я многих из глядевших на меня, — рассказывает Кузнецкий, — одних как родственников, других как близких моих товарищей по учению, а большей частью как соседей. Каждое знакомое лицо приводило меня в восторг: готов я бы кажется, каж-

дого расцеловать, но разумеется сан мой и моё положение удерживало меня от такого порыва чувств».

Однако ему недолго удалось сохранять инкогнито по вине его кучера. В тот же вечер к нему явились оба его брата, но он сделал вид, что не узнал их, ибо задумал объявить о себе лишь в присутствии многих людей. Слух о нём тем не менее очень быстро распространился в соседних местечках, и неожиданно в полночь в дом местного священника, где остановился Кузнецкий, явилась его сестра Ите, бывшая до этого на какой-то свадьбе по соседству от Теофиполя.

По словам Кузнецкого, как только он увидел свою сестру, его от радости охватила лихорадочная дрожь, так что он едва смог произнести: «Здравствуй, Ите!» Услышав его голос, она зашаталась и чтобы удержаться на месте, оперлась о печь. На приветствие брата она ответила только продолжительным киванием головы.

Овладев несколько собой, Кузнецкий обратился к ней, говоря:

— Брат твой прислал тебе поклон и подарки: довольна ли ты ими?

— Что ты мне говоришь, когда я вижу, что ты сам брат мне, — ответила она по-еврейски.

Притворившись непонимающим, он обратился к мужу сестры и спросил:

— Что она говорит?

Но сестра продолжала говорить по-еврейски, пронизывая его взглядом, а он не мог смотреть ей в глаза.

— Что ты скрываешься от меня? Или ты уже задумал совершенно отречься от нас, — продолжала она сквозь слёзы. — Что мы сделали тебе? Или ты уже забыл, сколько горя я претерпела через тебя, когда ты остался без отца и без матери? Разве ты забыл уже те горестные заботы, когда тебя взяли в рекруты, когда в ненастную погоду я ходила за тобой в Кременец, терпела и холод, и голод, заложила последнее платье моё, лишь бы тебя сироту поддержать и утешить! Тебе неизвестно, сколько слёз я пролила со времени разлуки с тобой! А теперь, когда я рада, что увидела тебя, ты отказываешься от меня!

Ите так разрыдалась, что все присутствующие члены семьи священника сами не могли удержаться от слёз, хотя никто из них не понимал её слов.

«Как всё это должно было действовать на меня, когда я вполне сознавал её правоту», — рассказывает Кузнецкий. Продолжая всё ещё свои дипломатические хитрости, он делал вид, что ничего не понимает, хотя прислушивался к каждому её слову. Наконец, слова сестры произвели своё действие, и он не в силах более сдерживаться, расцеловал её и сквозь слёзы, сказал:

— Я не отказываюсь от тебя! Я брат твой! Я хорошо помню и цену все твои заботы! От души благодарю тебя! Я собственно для того и приехал, чтобы отблагодарить тебя за всё и утереть слёзы твои!

Кузнецкий тут же предложил своим родным креститься и уехать с ним в Полтаву, но сестра с возмущением отвергла это предложение:

— Горе мне! То ли ожидала я слышать от тебя после разлуки с тобой? Набожный Ицко! Почему тебя мать не похоронила маленьким, чтобы не пришлось тебя глазам моим видеть таким богоотступником, а ушам моим слышать твоё богохульство? Где же та клятва, которую ты мне дал на прощание? Ты всё отверг и попрай! Мало тебе ещё, что ты сам крестился, так ты хочешь ещё и нас крестить. Погибай уж лучше сам один, а нас оставь.

На следующий день, однако, сестра смягчилась и долго говорила с Кузнецким, однако предложение переехать в Полтаву она вновь отвергла.

Дважды служил литургию и всенощную в церкви родного местечка Кузнецкий, а затем тепло распроставшись с родными, уехал в Полтаву. Однако, уезжая, он слышал недоброжелательные выкрики евреев вслед себе.

Надо отдавать себе отчёт, что описание его поездки, опубликованное в епархиальном органе, могло разумеется, и отличаться от того, что было в Теофиополе на самом деле. Но во всяком случае Кузнецкий мог только преуменьшать в своём описании симпатии к евреям. Тем не менее из его описания видно, с какой трогательной любовью он относился и к своим родным, и к своим землякам. Ни единым словом Кузнецкий не осуждает за что-либо евреев; напротив, видно, что он упрекал себя за то, что при первой встрече с сестрой некоторое время делал вид, что не узнавал её, стремясь придать своему посещению Теофиополя некий величественный характер.

Дальнейшая судьба родственников Кузнецкого неизвестна. Что же касается его родного местечка, то много лет спустя, в 1919

году, там разразился кровавый еврейский погром, стоивший жизни 300 евреям. Вторая мировая война окончательно истребила еврейское население Теофиополя, и сейчас это обычный районный центр и, конечно, никто из местного населения понятия не имеет, что было здесь 100 лет назад.

С 1878 г. Кузнецкий становится членом полтавской духовной консистории. Одновременно он преподаёт Закон Божий в нескольких учебных заведениях, а также еврейский язык в местной духовной семинарии. Всё это показывает его преуспевание по службе.

Тем временем в Полтаве появляются ещё два священника еврейского происхождения: Лев Кириллов (Рейхенберг) и Николай Кузнецкий 2-ой, один из польских кантонистов, крещённый в своё время при участии другого Кузнецкого и до того времени служивший в Херсоне.

Следует отметить, что Л. Кириллов в противоположность Кузнецкому выступал в печати с нападками на евреев, например, выразив сочувственное отношение к крайне антисемитскому плану проф. Кояковича. («Полтавские еп. вед.» 1881, № 9).

Появление в Полтаве ещё двух священников-евреев также следует приписать влиянию Кузнецкого, ибо маловероятно, чтобы где-либо в России согласились бы иметь в одном городе сразу трёх евреев в числе духовенства из-за скептического отношения к крещёным евреям.

В самом деле, ясно видно, что даже на миссионерскую деятельность Кузнецкого смотрели неодобрительно, а её результаты считали бесплодными. Свидетельством этому является анонимная статья, опубликованная в тех же «Полтавских епарх. ведомостях» (1881, № 3). Эта статья проникнута полным скептицизмом по отношению к крещёным евреям, хотя для духовенства еврейского происхождения делалось безусловно исключение. Об остальных крещёных евреях говорится крайне неодобрительно. «Главный контингент прозелитов, — утверждает автор, — поставляется до сих пор именно пролетариями, для которых переход в христианство составляет нечто вроде аферы с расчётом на покровительство властей или на карьеру». «Крещёный еврей, — по словам автора, — нередко не только остаётся евреем, но делается ещё хуже, так что слово «выкрест» не только не вселяет к себе доверие, но часто наоборот».

Кузнецкий одно время возражал против таких обвинений. Ещё в 1862 г. он писал: «Часто случается слышать нелестные отзывы

о новокрещёных евреях, что будто бы каждый из них не иначе решается принять христианство, как по каким-нибудь корыстным видам, не имея никакого убеждения в истинности христианской веры». По этому поводу он говорил, что подобные примеры, если и случаются, то во всяком случае единичны.

Но не был ли он сам автором рассматриваемой анонимной статьи? Есть одна в ней деталь, которая позволяет думать, что она написана евреем, а именно осуждение практики крещения кантонистов, которая вряд ли могла исходить от нееврея. Говоря о том, что причиной неискренности крещёных евреев является отношение гражданских учреждений к крещёному и некрещёному еврею, автор пишет, что «пропаганда Евангелия в среде евреев должна быть делом любви и мира. Она не должна носить дисциплинарного или казённого характера, который проявлялся прежде так резко при крещении кантонистов. Это должна быть пропаганда духовная в области слова и печати: она должна обитать так организована, чтобы на деле не было кощунства над христианской верой».

Означает ли эта статья глубокое разочарование Кузнецкого в плодах своей миссии? Быть может, если, конечно, он был её автором. Во всяком случае уже после 1870 г. он явно прекратил свою миссионерскую деятельность: сам ли или же по приказу свыше, неизвестно.

Может быть также в этой статье сказалось лишь влияние Кузнецкого и его аргументация.

Во всяком случае крещёных евреев в это время защищали от аналогичных нападков видные представители православного духовенства. Так, например, в 1883 г., двумя годами спустя после этой статьи, совет Киевского Свято-Владимирского братства, в компетенции которого находилось формальное крещение евреев большей части Украины, опубликовал официальное осуждение нападок на крещёных евреев. «Было бы крайней несправедливостью из отдельных примеров заключать не только о всех, но даже о значительной части крещёных евреев. По всей правде Братство может засвидетельствовать о целом ряде примеров, что крещёные евреи стали добрыми христианами, нашли для себя честный труд, которым и живут... Из-за единичных примеров Братство не оставит своей деятельности на помощь обращающимся в христианство евреям, но оно надеется на поддержку ему в его благой деятельности со стороны христианского общества» («Киевлянин», 1883, № 225).

Это заявление было подписано такими известными деятелями, как прот. П. Лебединцев, Н. Флоринский, профессорами Киевской Духовной Академии проф. В. Певницким, И. Мальшевским.

В начале 1884 г. Кузнецкий овдовел и решил принять монашество. Ещё до своего пострижения он назначается управляющим Полтавским Крестовоздвиженским монастырём, а его место преподавателя еврейского языка в семинарии занимает Л. Кириллов. («Церковно-общественный вестник», 1884, 29 янв.). В феврале того же года Кузнецкий принимает монашество с именем Нафанаил, повидимому, как в честь епископа, рукоположившего его, так и в честь новозаветного Нафанаила.

К этому времени относится очередная заметка в столичном «Церковно-общественном вестнике» (28 марта), в которой вновь дается высокая оценка трём полтавским священникам-евреям: «До пострижения прот. Н. Кузнецкого в монашество у нас было три священника из евреев. Но и по пастырской деятельности и по образовательному цензу эти люди нимало не уступают другим. Бывший прот. Кузнецкий — кандидат богословия, много лет состоял миссионером, всегда вёл успешно свое дело; другой, о. Кириллов, получил юридическое образование в одном из заграничных университетов и затем в течение двух лет слушал курс богословских наук в Киевской Духовной Академии; третий, о. Кузнецкий, с полным семинарским образованием. Дай Бог, чтоб и все священники были с таким образованием».

8 декабря 1884 г. Нафанаил был посвящён в сан архимандрита. Ровно 40 лет назад, 8 декабря 1844 г. Исаак Бородин крестился в Вольской церкви.

Архим. Нафанаил получил в управление Густынский монастырь в г. Лубны. На этом поприще он проявил также большое рвение. Столичный церковный журнал «Странник» (1885, № 2) писал, что Св.-Троицкий Густынский монастырь открыл для жителей соседнего села в своих стенах бесплатную школу. Сообщалось также, что настоятель монастыря вёл беседы с народом не на богослужебные темы. Для того времени такие беседы были явлением незаурядным.

В Густынском монастыре архим. Нафанаил возобновил свою прежнюю миссионерскую деятельность, которой совсем перестал заниматься в Полтаве уже много лет. По свидетельству его преемника по Густынскому монастырю архим. Нектария, «Нафанаил и в Густыни не оставлял своей миссионерской деятельности и при ста-

рости своей и слабости здоровья беспрестанно учил и вразумлял своих братьев по крови — евреев, которые для того и собирались иногда в значительном количестве — в Густынский монастырь, где весьма часто и принимали св. крещение».

Согласно архим. Нектарию, при участии архим. Нафанаила было крещено около 3 тысяч евреев, из них 1 тысяча в Полтаве. Стало быть, за 3 года пребывания в Густыни он крестил в 2 раза больше евреев, чем за 31 год пребывания в Полтаве. Этот факт объяснить трудно, если только архим. Нектарий сообщает точные данные.

8 января 1887 г. в возрасте 67 лет архим. Нафанаил скончался.

Заканчивая жизнеописание архим. Нафанаила следует отметить, что он достиг наиболее высокого духовного сана из всех крещёных евреев в дореволюционный период. Епископов из евреев до революции не было. После своей смерти Нафанаил был совершенно забыт.

Несомненно, что крещение Бородина-Кузнецкого-Нафанаила носило насильственный характер, как и всех кантонистов, однако он сумел перенести в новую для себя веру весь юношеский пыл своей прежней веры. Его описание поездки в Теофилополь показывает, что он продолжал любить свой народ таким, каким он был и оставался, и ни разу он ни в одном печатном слове не осуждал за что-либо евреев.

Его миссионерская деятельность была мало известна даже при его жизни, главным образом потому, что на неё не обращали внимания, а скорее всего даже смотрели косо. Достаточно сказать, что архим. Макарий (Глухарёв), крестивший на Алтае 675 инородцев, был прославлен за это на всю Россию. Вообще за крещение 100 инородцев полагался орден. В миссии же Кузнецкого-Нафанаила никто, повидимому, не был заинтересован. Поэтому она и прошла столь незаметно для Русской церкви.

Александр Алексеев (1820-1895).

Александр Алексеев (Вульф Нахлас) родился в бедной еврейской семье в м. Незаринец Подольской губернии. Родители его были набожные и благочестивые евреи, отличавшиеся высокой честностью и трудолюбием. Отец Нахласа был сыном раввина из Ямполя. Он разорился, будучи обманут евреем-торговцем. С большой теплотой вспоминал Алексеев о том, как отец его в субботу

отказался от любых денег, которые ему давал богатый односельчанин-христианин за водку, чтобы тем самым не нарушить заповедь, запрещающую торговать в этот день.

Подростком Нахлас к ужасу своего семейства был взят в кантонисты, благодаря ухищрениям богатых кагальников, стремившихся сдать в рекруты детей из бедных семей.

Когда новобранцы отправились в Казань, раввин напутствовал их следующими словами: «Дети Израильские! По воле небесного и земного царя оставляете вы родину свою и родных и идёте на Русь! Храните вы там, посреди языков, законы отцов своих, сколько возможно, а главное сохраните веру Израильскую... Повинуйтесь начальникам своим, слушайтесь их во всём, как своих родителей и учителей, ибо они заменяют вам всё и вся... Вот в чём только сопротивляйтесь: если вам прикажут креститься — это не делайте».

Первым миссионером в Казани для Нахласа оказался архим. Климент (Можаров). На христианскую Пасху он демонстративно обходил строй кантонистов, христосуясь с крещёными евреями. Однако главным миссионером вскоре стал генерал Андреев, командир бригады кантонистов, о котором уже говорилось в связи с архим. Нафанаилом.

Когда ген. Андреев впервые явился осматривать как живут кантонисты, то обратил внимание, что евреи во время обеда ели один сухой хлеб. Дежурный объяснил ему, что у евреев сегодня пост в память разрушения Иерусалима. Генерал возмутился: «Помилуйте, 1800 лет тому назад разрушен храм Иерусалимский, а этим мальчуганам нужно поститься!» Вряд ли генерал считал себя врагом христианства, но с тем же основанием можно было возражать против всех христианских постов в силу давности их происхождения.

Далее ген. Андреев потребовал: «Надо внушить им, чтобы они оставили мечту о Иерусалиме». А ведь как христианин он казалось бы должен был бы знать псалом: «Если забуду тебя, Иерусалим, пусть забудется десница моя».

На следующий день генерал вновь обратил внимание, что евреи за обедом едят один хлеб. Один из кантонистов признался ему, что они не хотят есть тrefное мясо и готовы скорее голодать, чем нарушить закон. Выяснилось, что роль раввина для кантонистов выполняет солдат-инвалид Айзберг, который и следит за соблюдением еврейского закона. После того, как Айзберга привели к генералу, тот спросил его:

— Зачем ты развращаешь (!) их, запрещаешь есть мясо?

— Не я, Ваше превосходительство, а Бог... — ответил Айзберг.

Под угрозой порки несчастный Айзберг «признался», что сам выдумал это требование. За «чистосердечное» признание генерал избавил Айзберга от наказания, он был переведён в другую часть, и тогда уже генерал безо всяких помех смог провести «солдатски ясную» миссионерскую беседу. Однако он этим не ограничился, а разбил всех кантонистов на небольшие группы и разослал в разные места. Нахлас вместе с другими 80 кантонистами попал в Вольск, где Бородин-Кузнецкий был крещён. Новая партия кантонистов считалась упорной, в связи с чем решил посетить её сам архиеп. Иаков (Вечерков). К его приезду батальон кантонистов был выстроен в каре. Архиеп. Иаков обратился к командиру: «Покажите мне юных воинов-евреев». Командир подвёл его к кантонистам, после чего к общему удивлению кантонистов архиепископ приветствовал: «Шолом Алейхем». Некоторые кантонисты решили после этого, что архиепископ — крещёный еврей. Приветствовал архиепископа от имени кантонистов — Кузнецкий. Затем архиепископ вступил в спор с самым упорным из евреев — Абалой Оснасом, весьма резко оспаривавшим его. Когда на следующий день архиепископ вновь явился к кантонистам, то не обнаружил Оснаса, которого командир поспешил упрятать подальше. «А где же Абала — ревнитель веры?» — спросил архиеп. Иаков. Когда Оснаса привели, архиепископ, обласкав его, сказал: «Вы не глядите на то, что Абала так ревнует о своей вере; это хороший признак: это значит, что если он, узнавши тщету своего верования обратится ко Христу, то будет прекрасным и ревностным христианином».

Вместе с архиеп. Иаковым в Вольск прибыл и прот. Г. Чернышевский, крестивший двух очень упорных евреев. Однако взвод, где были Оснас и Нахлас, упорствовал. Окончательно повлиял на Нахласа Кузнецкий с Софроновым. В 1847 г., через два года после крещения Кузнецкого, крестился и Нахлас с именем Александра Алексева. Крестил его священник Пётр Бибииков. После того как Кузнецкого и Софронова отправили в Казань, Алексеев остался главным среди новокрещёных, и ему поручили убеждать новую партию кантонистов в 500 человек, которые все затем крестились. В 1848 г. Алексева производят в унтер-офицеры. Вскоре, сопровождая партию кантонистов, в холодную погоду, он упал с моста в реку и сильно простудился. После этого он всю жизнь плохо владел ногами, и ему пришлось выйти в отставку.

Поселившись в Новгороде, он посвятил себя сочинению миссионерской литературы для евреев, а также статей и книг по еврейскому вопросу для христианского читателя.

Вскоре он встретился случайно со своим бывшим командиром, который сообщил ему, что в Саратове ведётся следствие по обвинению тамошних евреев, одним из которых был крещённый в прошлом кантонист, в ритуальном убийстве с целью употребления христианской крови. Алексеев был крайне возмущён подобными обвинениями и принялся уверять полковника в ложности ритуального обвинения в целом. По рекомендации полковника Алексеев был прикомандирован к чиновнику, производившему следствие. Несмотря на то, что главный следователь стремился обосновать обвинение, Алексеев упорно доказывал лживость его... Когда в 1854 г. рассмотрение Саратовского дела перешло в ведение особой судебной комиссии в Петербурге, Алексеев, уже совершенно не владевший ногами, приехал к председателю комиссии А. Гирсу, стараясь убедить его в лживости обвинения.

«Должны ли мы верить доносам против евреев, — писал позднее Алексеев, — так часто подаваемых на них в средних веках в убийстве христианских детей? Убийства эти могли, правда, быть выполняемы немногими фанатиками, которые, положим, и кощунствовали над святыми дарами; допустим даже, что есть свидетельство одного человека, исповедания впрочем весьма сомнительного, что будто бы он в детстве был свидетелем подобного убийства в тайном обществе евреев; можно ли допустить, чтобы между евреями могла существовать подобная отвратительная секта, посвятившая себя изучению древней каббалистики и почитавшая кровь христианских малюток важною и необходимою для каких-нибудь суеверных своих обрядов? Но эти сомнения ни на чём не основаны верно, потому что из всего вышесказанного в истории не было ни одного достоверного факта, и не одно ещё убийство не было доказано юридически, и большая часть убийств детей, в которых обвинялись евреи, ни разу не были исследованы. Да и решились бы евреи на такие убийства, видя жестокие наказания? Какая же причина была всему этому?.. Фанатизм, слепая ненависть к евреям и жадность к грабежу» («О религиозном движении среди евреев»).

Незадолго до смерти, в 1895 г., Алексеев выражался ещё более определённо: «Свидетельствую совестью моей, как христианин, что обвинения, будто бы евреи употребляют в мапу христианскую кровь — ложны».

Следует отметить, что против ритуального обвинения евреев в 19 веке из крещёных евреев выступили также проф. Д. Хвольсон и проф. В. Левисон.

По странному стечению обстоятельств, на долю Алексеева выпала весьма своеобразная, но невыполнимая задача — вернуть Николая Чернышевского (вождя тогдашнего радикального движения в России), в лоно церкви.

Алексеев поддерживал дружеские отношения с отцом Н. Чернышевского — прот. Г. Чернышевским. Когда в 1858 г. Алексеев собрался ехать в Петербург, Г. Чернышевский попросил его зайти к сыну и передать ему, что его самовольный отъезд из Саратова низвёл в могилу, и что, если тот будет продолжать жить в безверии, то будет лишен отцовского благословения. Алексеев явился к молодому Чернышевскому, но лишь упомянул о том, что тот не получит отцовского благословения, как Чернышевский улыбнулся и сказал: «Да к чему оно мне?»

— Как, отцовское благословение вам не нужно? — изумился простодушный Алексеев. — Ведь по закону Божию, также и по Талмуду и по правилам христиан благословение родительское — великое дело!

— Для меня, — сказал Чернышевский, — одинаковый вздор, как закон Божий, так и Талмуд. Я ничему не верю.

— А знаете ли, Николай Гаврилович, — рассердился Алексеев, — что говорит Талмуд о таких людях, которые отрицают всё святое?

— А что он говорит, скажите? — ехидно спросил Чернышевский.

— Кто тебе, израильтянин, скажет, что нет ничего святого, нет ни Бога, ни религии, такого бегай, как «ипешь» — заразы и такому «акес шино» — выбей ему зубы, чтобы он вперёд не осмелился так вольнодумствовать.

— Гуманный же ваш Талмуд! — усмехнулся Чернышевский. Это диалог весьма любопытен, ибо хорошо показывает структуру религиозного мышления Алексеева, который в «апологетической» беседе с Чернышевским ссылается, главным образом, на Талмуд. То, что Талмуд продолжал играть важную для него роль, видно и из многих других работ Алексеева.

Кроме того, из этого диалога ясно виден характер Алексеева, простодушный и прямой.

Уважение к Талмуду и к религиозным верованиям ортодоксальных евреев является интересной особенностью взглядов Алек-

сеева. Это отнюдь не тривиальный факт для его времени и его положения.

«Между составителями Талмуда, особенно первого, палестинского, были такие истинные израильтяне, которым Спаситель при рассуждении сказал: «Ты не далёк от Царствия Божиего»... Конечно, не можем сказать, чтобы Талмуд был совершенно безупречен: в нём всего найдётся: рядом с важным поучением стоит баснословное сказание; но и оно иногда не лишено серьёзного значения...»

В отличие от ряда христианских богословов Алексеев выступил резким противником реформированного иудаизма, который в то время стал широко распространяться в Германии и других европейских странах. Он считал реформистов фактическими атеистами, в первую очередь за то, что они вычеркнули из своей веры мессианизм. Он резко критиковал русскую печать за то, что она поддерживала реформистов, в противовес талмудистам.

«Если молодые образованные евреи отступают от верований отцов своих, от веры в Мессию, то избави Боже от такой здоровой и свежей мысли всякого еврея: она дурно может отозваться не только на евреях, но и на успехе христианской проповеди между ними». Алексеева особенно приводили в негодование насмешки русской светской журналистики над верою в Мессию, как над суеверием. «Если даже допустить, — говорил он, — что старые евреи суеверны в этом отношении, то всё-таки это суеверие их несравненно выше прогрессивного безверия современных образованных евреев».

«По нашему мнению, — утверждал Алексеев, — христианину гораздо лучше желать видеть такого еврея, который и хранит, и уважает закон Моисеев, пророков и обрядность своей веры; такой подходит гораздо ближе к христианству, чем тот из евреев, который пренебрегает своей верой» («Духовная беседа», 1863, № 33-34).

Алексеев приводил любопытный пример, а именно просьбу ортодоксальных кременецких евреев о разрешении зачислять их детей в православные духовные семинарии, вместо гимназий, которые они считали рассадниками неверия. Он убеждал власти поддержать это стремление. Однако, на это прошение последовал отказ («Подольские епарх. вед.», 1870, № 19).

Алексеев полемизировал и с теми, кто видел всё зло в хедерах. Во многих случаях Алексеев очень тепло описывает еврейский

быт и религиозный облик еврея. Он подчёркивает строгость евреев в соблюдении веры и закона. «В домашней жизни своей еврей отличается трезвым поведением, скромностью, добрым обхождением с семьёй и заботливым отношением к воспитанию и образованию своих детей», — отмечал Алексеев. Он исключительно тепло описывает свою семью, как пример трудолюбия, честности и веры.

Вместе с тем, то ли стараясь подделаться под общий тон тогдашней светской и церковной печати, то ли как неофит, Алексеев в первую половину своей литературной деятельности не раз нападал на отношение евреев к окружающему населению, обвиняя их в эксплуатации, контрабанде, обмане, паразитизме и прочем.

Он резко нападал на мифический уже во второй половине 19-го века кагал, братства — хеврес, призывая уничтожить их, как главное орудие иудаизма. Повидимому, здесь сыграло роль и то, каким запомнил кагал Алексеев с детства, когда его сдали в кантонисты. С тех пор, однако, роль кагала свелась на нет.

Алексеев выступал против отмены закона о черте оседлости, мотивируя это тем, что расселение евреев по России не сблизит их с христианами. Однако, он защищал евреев от обвинений в том, что они не желают заниматься земледелием. Он говорил, что ранее евреи нигде не могли рассчитывать на длительное пребывание и не могли осесть на землю, зная, что завтра же их могут изгнать отсюда.

Алексеев был страстным христианским миссионером и до конца своей жизни сохранил непреклонную уверенность в будущем обращении евреев в христианство. Он с радостью следил за всеми крещениями евреев в России и за её пределами. Он приветствует не только принятие евреями православия, но и с энтузиазмом относится к крайне левому протестантскому движению Рабиновича в Кишинёве, хотя оно, по собственному признанию Алексеева, не укладывалось ни в одно известное христианское исповедание.

Алексеев очень болезненно относился к нападкам на крещёных евреев как со стороны русских антисемитов, так и со стороны иудаистов. Он говорил, что «в таком священном деле, как обращение неверующего ко Христу случайности быть не может. Это совершается волею Того, без воли которого и волос с головы нашей не падает». («Духовная беседа», 1869, № 40).

Алексеев убеждал, что среди крещёных евреев есть много ревностных христиан, а если среди них и есть отступничество, то только из-за крайнего фанатизма окружающих их евреев.

Когда в Петербурге образовался одно время миссионерский приют для крещёных евреев по инициативе придворного священника прот. Н. Брянцева, Алексеев тут же направился туда, чтобы своими глазами повидать его.

Незадолго перед смертью, в 1892 г., Алексеев сообщал, что духовенство из черты оседлости присылало ему письма с предложением вести у них миссионерскую работу. Среди прочих он называл архиеп. Таврического Гурия, игумена Исайю из Глухова.

Вместе с тем, Алексеев весьма неубедительно уверял, что даже кантонисты крестились не по принуждению начальства, а по добровольному желанию, хотя это полностью противоречит его собственным описаниям «военной» миссии среди кантонистов.

Несмотря на свою службу в армии и инвалидность, которую он получил там, Алексеев не заработал на старости лет и куска хлеба. Это видно из призывов приобретать его книги по еврейскому вопросу, которые, по его словам, были единственным источником его существования.

Многие книги он издавал на собственные средства. Почти все они посвящены еврейскому вопросу. Написанные рукой самоучки, они страдают некоторой рыхлостью, но слог в них ясный и сильный.

Помимо еврейского вопроса, Алексеев писал о монашестве, о Новгородском Юрьевском монастыре, архим. Фотии и пр.

Нет никаких данных о том, что Алексеев был в каких-либо непосредственных отношениях с архим. Нафанаилом в послекантонистский период. От их сравнения выигрывает Нафанаил, поскольку Алексеев в своём стремлении к конформизму с окружающей средой, время от времени считал возможным несправедливо нападать на евреев и оправдывать привилегийную политику в их отношении, чего никогда не делал Нафанаил.

Описание собственного крещения у Алексеева исполнено ряда противоречий. В более поздней версии главная роль в этом деле приписывается ген. Андрееву, причём вся отталкивающая история с разгоном казанских кантонистов, «признанием» Айзберга и т. п. выставляется Алексеевым, как достойный одобрения пример.

Но в более ранних версиях, сообщается и, повидимому, более точно, что крещение Алексеева произошло уже в обстановке массовой волны крещений, начало которой положил в Вольске Кузнецкий-Бородин.

Алексеев был почти забыт после смерти.

Всё же «Еврейская энциклопедия» отметила в кратком биографическом очерке его мужественное поведение во время Саратовского дела.

В православных же источниках об Алексееве, как и об архим. Нафанаиле, практически после их смерти не упоминалось.

Однако нашёлся анонимный автор, вспомнивший их обоих в провинциальных «Волынских епархиальных ведомостях» в 1906 г. Осуждая Российское миссионерское общество за устранение от миссии среди евреев, он говорил, что «всякий, кто только знаком с деятельностью этих мужей, знает, что они имели огромный успех, и что если их дело заглохло с их смертью, то единственно потому, что не нашло себе поддержки со стороны миссионерского общества».

Таким образом, жизнеописание Вольских кантонистов убедительно показывает, что как и в случае с Левисоном, они, несмотря на свою миссионерскую активность, и несмотря на сочувствие некоторых кругов православного духовенства, не получили поддержки в ответственных кругах, повидимому, по тем же причинам, что и проф. Левисон.

Оба вольских кантониста в человеческом и религиозном отношении резко отличались от Левисона, что показывает отсутствие какого-либо определённого доминирующего типа среди крещёных евреев в России.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ.

Глубокоуважаемый господин редактор!

Пишу по поводу «Обращения французского епископата» и появившихся у Вас статей на сей предмет.

Католические иерархи предложили некоторые вопросы о взаимоотношениях христиан и иудаистов. Все «обращение» написано в проблематичной, а не в догматической форме и в тоне доброго расположения к другой стороне. Чувствуется, что французы руководились не холодным равнодушием и не законнической надменностью.

Между тем, православных авторов хочу укорить в отсутствии того самого чувства, без которого все их — и даже на вид справедливые рассуждения — звон меди, бряцание кимвалом.

Все наши авторы уклоняются от актуального вопроса к самим себе — первого, с которого следовало бы пачать: почему мы именно не имеем к иудеям любви? Уйти от ответа можно по-разному. Проще всего показать их заведомое недостоинство как объекта любви — как это делает Гр. Н.З. — собрать обличительные цитаты и истолковать их наиболее немилосердным образом, так чтобы даже телесной преемственности у потомков Авраама больше не осталось. По мнению Гр. Н.З. их нужно все же любить, поскольку Христос велел любить врагов. Выражением подобного чувства, вероятно, должна служить декларация о необходимом безразличии к тому факту, что «нехристи собираются вокруг Иерусалима», а также отказ автора иметь с иудеями дело, пока они не крикнут «Осанна в вышних!».

Другой способ — это говорить не о самих отношениях, а о каком-то их отражении в зеркале теологии или абстрактной морали. Никому не стало легче от того, что Адам, например, был еврей. Евреи тоже просят не жертвы, а милости. А вот если, при этом, Израиль — «лаборатория духовных ядов, отравляющих весь мир», то практически человек, не теолог, сразу все понимает и переходит к действиям. И пусть там «Израиль спасается и ныне» (это в 1942 году написано!) — с поставщиком вредных зелий давно известно как следует обойтись.

Или еще можно нырнуть «на последнюю глубину» и там — что, впрочем, совершенно справедливо, но совершенно немилосердно — обнаружить, что там «Христианству нечего предложить другим религиям кроме Христа». Христа же иудеи как раз и не

приемлют, значит ли это, что нам нечего им предложить? Как легко говорить от имени метафизических реальностей! А ведь нам-то Христос предлагает себя ежесекундно, и мы — разве мы его всегда принимаем? Так может быть нам ради малых сих, ради Христа, не нырять на безопасные (для нас — мы-то христиане, но опасные для иудеев) прохладные эти глубины? А может быть мы последуем Христу и все-таки предложим людям — нет, не другого, не Христа, — а себя или Христа в себе? Печатью справедливости отмечено также предложение не выделять евреев в предмет особой любви, а любить их как и всех других людей без различия крови и плоти. Это уже выше моего разума — как можно иметь любовь, безразличную к предмету любви. Спаситель спросил апостола Петра: «Любишь ли ты Меня?» Странно было бы услышать в ответ: «Люблю, как и всех прочих».

Я не хочу более полемизировать с нашими авторами ни по какой частности, я прошу только внять простому совету. Прежде чем писать о таких вещах, вспомнить, что все обличительные против евреев цитаты в обоих Заветах произнесены были евреями. А вспомнивши — обратиться к себе с вопросом: «Способен ли я стать или хотя бы почувствовать себя евреем — не романтическим древним Израильянином, а эмпирическим современным евреем? Люблю ли я этого еврея как самого себя? Способен ли я положить за него душу, как Христос? Хотел ли бы я быть отверженным за евреев от Христа, как апостол Павел? — И только потом возыметь смелость повторять не свои слова насчет крови Авеля. А что ведь лицемерить — проще простого, о чем вся «Книга Иова».

Теперь попытаюсь сам ответить, почему бывает так, что мы, православные христиане, иудеев не любим. Думаю, что это от гордыни, от зависти и от страха. От гордыни, потому что мы думаем, что наша вера самая лучшая, то есть не Иисуса Христа мы любим, а себя, свою веру и свой духовный комфорт. И нам очень приятно считать, что мы, значит, богоизбранный Новый Израиль, Народ-Богоносец. Евреи же так о нас не думают и тем оскорбляют нашу гордыню. От зависти — потому что мы видим среди иудеев упорство в вере, которого у самих у нас нет, и которое именно поэтому, а не потому что мы, печемся о спасении его души, — нас раздражает. От страха — потому что мы знаем, что можем быть обличены иудеем как лицемеры. Так из наших собственных грехов складываем мы образ иудея и он нам — естественно — до того противен, что мы боимся с ним даже раз-

говаривать. А вдруг все это выйдет наружу? Мы посылаем к нему (не к иудею, а к образу наших грехов) Искупителя и требуем, чтобы иудей (не «я», а «он» — другой) принял Христа. Мы возложили на человека крест нашей нелюбви, а теперь хотим, чтобы он ради нашего морального ублаговления еще и крестился. Мне говорили, что живет тут в Израиле человек, немолодой уже, которому во время погрома крестом перебили нос. Сейчас нравы смягчились, но он-то помнит, какую ему устроили личную встречу. Интересно бы послушать, как с ним толкуют насчет последней глубины и особых отношений.

И следует нам также подумать, — не ради ли собственного нравственного уюта мы так жестоко толкуем Писание? Вот, например, когда толпа кричала: «Кровь Его на нас и на детях наших». Тут ведь есть, вероятно, и то значение, что Спаситель был истинной Пасхой, Агнцем. Агнец же приносился с ночи Исхода, и кровью его мазали косяки, дабы отошел ангел-истребитель, то есть смерть. И кровь Христа может быть поэтому стала как раз спасением для иудеев и их детей — пророчески — вопреки высказанной в ту минуту злой воле?

А здесь, в Израиле, мы с иудаянами конечно же разговариваем. И есть тут еврей-христиане, кто — католик, кто — православный, кто — протестант. Не много, но есть. Не знаю — это иудеохристианство или нет. Кроме того, многие евреи знают, что Иисус приходил, есть среди них и такие, которые верят, что Он был Мессия. Но в Церковь они не входят, так как церковью тут великое множество. Их это искушает, равно как поведение и речи некоторых христиан, более же всего таковых нелюбовь в прошлом и в настоящем.

От нее же всех нас да избавит Бог.

А. Волохонский

2 апреля 1975 г.

г. Тивериада

Материалы по истории русской культуры

Столетие со дня рождения Н. А. Бердяева

П ***

Н. А. БЕРДЯЕВ

(По личным воспоминаниям *)

Во время великой европейской войны Бердяев не был оседлым москвичем. До этого я встречал его случайно, наружностью он мне не нравился. Тик в данном случае не играл роли. Правда, что может быть неприятнее, чем высказывание языка изо рта, одно из его произвольных движений, и судорога кажется еще больше, когда это сопровождается бессмысленным взглядом и каким-то тупым отражением глаз. Но, повторяю, дело не в этих болезненных движениях; мне казалось, что Бердяев придает особое значение своей наружности. Прекрасно одетый, он носил длинную шевелюру, можно было подумать, что он внешне подчеркивает свою экстравагантность. Стиль его выступлений был в духе времени. Сложность и мистицизм, загадочные и пышные формулы, символический язык и порою словно нарочитая туманность и неопределенность мысли — все это накладывало отпечаток чего-то деланного, искусственного.

Но постепенно выяснилось, что у Бердяева замечательно привлекательны те стороны личности, которые не составляют, так сказать, фасада в облике человека.

Уметь быть справедливым к своему ясному противнику — вот искусство духа — на это был способен Бердяев.

Лопатин подсмеивался над Бердяевым, как над новатором-богословом. Шпет говаривал: «ох уж этот Белибердяй». Ильин доктринально поучал, что разные импрессионистические осмысления творчества, методологически не оправданные — попытки с негодными средствами. Флоренский считал Бердяева за проповедника модернизированного христианства, к чему относился как к фальсификации. Мельгунов иронизировал над Бердяевым как над ми-

*) Опубликовано в «Московском Сборнике», самиздатском журнале, издающемся под редакцией Леонида Бородина. **Прим. Ред.**

стиком, который без упоминания «дьявола или черта строки написать не может».

А выходило, что Бердяев умел перевернуть все эти отношения, и Лопатин неизменно печатал в редактируемом им органе «Вопросы философии и психологии» все статьи Бердяева, Шпет читал свои доклады под председательством Бердяева, Ильин вдруг неожиданно для самого себя воскликнул: «Я первый друг Вольной Академии» — председателем Вольной Академии духовной культуры был Бердяев, Флоренского я слышал докладчиком в салоне Бердяева, Мельгунов привлек Бердяева в организованное им издательство «Задруга» и заказывал ему статьи в сборники, намечавшиеся в начале революции.

Н. Бердяев в молодости.

Свободолюбие — вот черта, быть может наиболее свойственная Бердяеву. Свободолюбие — начало, характерное не только для Бердяева, как мыслителя, но и как человека. Искание свободы духа было для Бердяева главным жизненным делом. Бердяев отличал два вида свободы, — об этом он неоднократно говорил в своих докладах, это же можно найти в его писаниях. Есть свобода разума, рациональная свобода, предпочитающая лучшее худшему, возвышающаяся непредвзятостью своего усмотрения над

всем случайным и недоброкачественным. И есть свобода исконная, коренная, не находящаяся в компетенции разума, а предваряющая все, свобода до всякого рассуждения и помимо него. Эта свобода, может быть темная, неразумная, но исконная, соответствующая природе духа, самостийной, независимой и необузданной. Прежде чем искать, надо хотеть искания разумного. Человеческому же духу ничего нельзя навязывать, он должен сам захотеть, не подчиняясь ничему и не руководствуясь ничем. Этот взгляд, что в человеке самое ценное — его «Я», ничему не подчиняющееся и неизменно ищущее, было глубоким убеждением Бердяева и определяло его отношение к людям.

К людям он был неизменно расположен с благоволением, благожелательством, лишь бы это были подлинные люди, не заглушившие своих внутренних потребностей и не превратившиеся в рабов, слепых исполнителей чужой воли.

В спорах людей интересна борьба идей. Интересна лишь борьба свободная, интересен обмен мнений, когда над ним не висит никакого дамоклова меча, будь то государственная власть или принудительный авторитет. Религиозность есть высшая форма свободы — искания коренных путей, поэтому религия не может быть принудительна, худшая форма ее та, которая опирается на необходимость и авторитетность. Поэтому всеми силами Бердяев протестовал против точки зрения, выставленной Ив. Ильиным в книге «О противлении злу силой». Насилие никогда не может быть орудием правды.

Бердяев также считал, что религиозность Розанова не есть подлинная религиозность, что Розанов прошел мимо всего, специфически христианского, что его отношение к Церкви, браку — дохристианское, несовместимое с духом подлинной религии, что это религия быта. В антропософии Бердяев тоже видел религиозные искания, не освободившиеся еще от пут природного бытия и ищущие ответов в плоскости косного натурализма. Но представителей враждебной себе идеологии Бердяев не только не чуждался, но их-то и можно было встретить за гостеприимным чайным столом квартиры Бердяева — там сживали и Розанов и Ильин, и антропософы, и католики, Чертков и Букштин или Кузьмин-Караваев. Мало того — жена Бердяева, очень почтенная и приятная дама, была убежденной католичкой. Бердяев принимал участие в делах церковного совета ближайшей церкви Власия, жена же его уходила в свою католическую общину. Для духовного лица Бердяева это совсем не казалось натяжкой, наоборот, это было

в его духе. В связи с этим окружение Бердяева было всегда очень интересным, он ценил людей по их значимости, а не по степени близости их к собственным его взглядам. Можно сказать, что при всем многообразии лиц, являвшихся постоянными посетителями Бердяева, было что-то общее у всех. Они разделяли многие симпатии и антипатии, в иных вопросах они точно вперед сговорились. Из гениев русской культуры Бердяев и его окружение больше всего ценили Достоевского и Вл. Соловьева. Они презирали, можно сказать, нашего Толстого, даже его художественное творчество. Особенно парадоксально высказывался в эту сторону Вышеславцев и встретил сочувствие у всех. Раз меня поразило определенно отрицательное отношение к Герцсну. Дело было так. Окно кабинета Николая Александровича во Власьевском переулке выходило вглубь двора. Там стоял дом. Во время европейской войны в нем помещался госпиталь. Затем туда вселился неизвестно кто. Домик подвергся разграблению, кажется был частично пожар, а затем дом стал разрушаться, стоял без окон и дверей. Это был дом, в котором одно время жил Герцен, его только не следует смешивать с домом, в котором родился Герцен, на Тверском бульваре. Все стояли у окна кабинета. Бердяев сказал, смотря на остатки здания: «Вот плод взглядов Герцена — достойный пример того, к чему вели Россию Герцен и иже с ним». Букштин и Грифцов сочувственно подхватили слова Бердяева.

С начала революции я стал бывать у Бердяева на частных собраниях, происходивших еженедельно. Обычно кто-нибудь выступал с докладами. Помню как читал сам Бердяев свой доклад о конце ренессанса. Он не руководил прениями, вообще стремился к тому, чтобы организационно наименьше все зависело от него. Предлагали во время прений председательствовать кому-нибудь из гостей. Так, помню, внезапно мне предложили руководить прениями по докладу Топоркова. Собирались у Николая Александровича часов в восемь вечера. Сиделись где кто хотел, на столе был сервирован чай с очень скромным угощением, особенно в 1918-20 годах, да и чашек не хватало на всех присутствующих. Но в буквальном смысле пища телесная заменялась пищей духовной. Все предметы, лица, разговоры одухотворялись внутренними интересами и вопросами.

Квартира Н. А. была всегда аккуратно прибранной, но не было ни следа мещанства, ни внешней прилизанности или формальной тщательности в порядке.

Николаю Александровичу порою жилось тяжело, он куда-то ходил, менял, продавал, хлопотал о деньгах, служил одно время в Центроархиве. Перед отъездом из Москвы продавал свою квартиру. Но при встречах он никогда не говорил о повседневных заботах, а всегда о чем-нибудь, связанном с литературой или философией. Быт для него был всегда лишь предлогом для иронии или шуток.

В 1919-20 годах Бердяев был ревностным сотрудником по организации и ведению книжной лавки писателей. Его сосоварищи говорили мне, что он был очень внимательным работником. Сначала лавка помещалась в Леонтьевском переулке, затем на Никитской, нансось от театра Революции (Сабурова). Это был настоящий клуб. В ту же пору зародилась «Вольная Академия духовной культуры». Председателем был Бердяев, секретарем — В. А. Грифцов, тоже участник лавки писателей. Покупка и продажа, книжные дела смешивались с вопросами об устройстве докладов и лекций. На Никитской в лавке, если предвиделся серьезный разговор, удалялись на второй этаж того же магазина, и там среди книжных полок иногда происходили философские дебаты. Однажды, в году 1923-ем, Надежда Петровна Корелина направила ко мне одного юношу, интересовавшегося философскими воросами. Он приехал из Иваново-Вознесенска. Он мне сказал с блестящими глазами и сияющим взором: «Вчера на мою долю выпал счастливый день. Зашел в лавку писателей. И вижу у прилавка кого же — самого Бердяева. Ведь он мой любимый писатель, и вдруг — вот он здесь, налицо, и даже отпускает мне нужную книгу».

Выступления Бердяева в «Вольной Академии» сопровождались неизменным успехом. На его докладе об антропософии пришлось забаррикадировать дверь, но публика так ломилась и стучала, что Бердяев прервал речь и сказал: «Не могу так читать, надо принять какие-нибудь меры».

В 1921 году были организованы диспуты для преподавателей университета, не имеющих степеней. Был диспут и у Бердяева. Разбиралась совокупность его трудов. Бердяев произнес блестящую речь о сущности исторического процесса, но в духе Шеллинга; речь переполнена метафизическими экскурсами и беспощадна по отношению к позитивной, эмпирической истории. Я помню очень внимательные и вдумчивые лица Петрушевского и Савина. Один из них сказал: «Все это не имеет ничего общего с нашей методологией, но это очень интересно».

В 1921 году Бердяев вел семинар по Достоевскому. Нужно было иметь постоянное помещение. Времена были тогда сравнительно легкие и занятия по Достоевскому были организованы в помещении Центроспирта на Поварской. Соответствующее указание было сделано в объявлении на окне лавки писателей. Вскоре в «Известиях» или «Правде» появилась заметка о том, что, конечно, религиозное умонастроение и опьянение алкоголиков составляют нечто родственное, но нечего государственному учреждению способствовать этому родству. Бердяев искренне и весело смеялся в связи с этой заметкой.

Во времена НЭПа произошел цензурный перелом, — еще продолжал выходить философский журнал «Мысль», печатали Лосского и Карсавина, но книги Бердяева стали задерживать: так была не пропущена книга «Миросозерцание Достоевского». Бердяевым были также написаны, но не изданы в Советской России: «Философия неравенства», «Смысл истории», монография, посвященная Константину Леонтьеву. После высылки Бердяева за границу в 1922 году, эти книги вскоре появились в Берлине и в других городах. Много яда выливалось на страницах советской печати по поводу писаний и выступлений Бердяева, но в личных отношениях его идеологические враги были с ним корректны: так себя держал отбывавший ссылку вместе с Николаем Александровичем — в эпоху царизма — Луначарский.

При аресте Бердяева, перед высылкой, ему было задан вопрос: ваше отношение к советской власти? Он ответил: я не занимаюсь контрреволюционной пропагандой, я не участвую ни в каких заговорах, но к принципам советской власти, к идеологии марксизма я отношусь отрицательно. Его спросили также: почему он не высказался по поводу книги «Смена вех». Он ответил: спорить по таким общим и абстрактным вопросам можно было бы лишь в атмосфере полной свободы и отсутствия ограничений. А таких условий нет.

Мы ближе познакомились с Бердяевым, когда по его инициативе я был включен в президиум Вольной Академии духовной культуры. Он из своей лавки на Никитской приходил ко мне в магазин «Задруги», где я работал. Обсуждались дни заседаний Академии. Между прочим название Академии — вольная — в духе Бердяева, он считал, что лучшая атмосфера обсуждения духовных вопросов — вольный союз, дружественная, но не официальная обстановка и условия. Раз я долго беседовал за мага-

зинными полками. Нетерпеливый и всегда страстный С. П. Мельгунов вдруг выскочил на меня и сказал, что меня ищут в магазине, что нельзя так много пропадать и т. д. Бердяев ничего не сказал, но вечером вскользь отозвался: «Я бы не смог работать при таких условиях. Агрессия, от кого бы она ни исходила, неприемлема.»

Мне было поручено пригласить Ильина на заседание Вольной Академии. Он поставил условием, чтобы не было Вячеслава Иванова. Бердяев спокойно реагировал, когда я передал ответ: мы никаких условий принимать не можем, один не хочет одного, другой другого — такая атмосфера недопустима. Бердяев больше не обращался к Ильину, одержав верх: Ильин явился оппонентом на доклад Флоренского без всяких условий. Я помню только раз, когда Бердяев рассердился. Против Бердяева на заседании выступил Столяров в защиту антропософических идей. Он стал обильно цитировать Франка. Как на грех, Франк было хороший знакомый Бердяева, единомышленник с ним по ряду философских вопросов. Бердяев не выдержал и в ответ сказал: «Меня нечего было пугать. Я сам могу цитировать и Франка и себя — сколько хотите».

Речь у Бердяева была живая и непосредственная. У него не было особенных ораторских способностей. Тик ему мешал. Он часто в устной речи (а читал он редко по тетради) повторял ту же мысль. Но в этой настойчивости была своя особая экспрессия и выпуклость. Чувствовался круг его любимых идей, от которых он не отступился.

У Бердяева был такой критерий — «это сказано остро», «надо это выразить острее». Но писания Бердяева времени революции стали ровнее, сгущеннее и я бы сказал, эмоционально напряженнее.

Помню, сидел за столом председателем Вольной Академии во время торжественного заседания памяти Достоевского в 1921 году. Рядом были Бердяев, Григорьев, Вышеславцев, Чулков. Все доклады кроме Чулкова, говорившего устаревшим языком символизма, были на редкость удачны. Грифцов оценивал стиль Достоевского. Бердяев говорил о религиозности Достоевского. Говорил очень убежденно, перед ним лежало всего несколько листиков конспекта...

Деборин мог покаяться в своих взглядах, Луначарский — перестать говорить о Богданове и эмпирио-критицизме, Челпак

мог вдруг заявить, что он всегда держался принципов марксистской психологии. Бердяев никогда не переставал быть Бердяевым. Что он выносил в своих мыслях, то он и высказывал невзирая на условия и лица: и при царском режиме, и при советском, и при парламентском, и при фашистском. Так же беспристрастно и открыто относился он и к людям: для него не было ни эллина, ни иудея, ни образованного, ни необразованного — но всяческая и во всех Господь.

Раз при Бердяеве очень сетовали на революцию, связывая с ней все ужасы века. Бердяев взорвался: «Ведь революция обнажила корни русской жизни. Мы через нее узнали правду о России. А узнать правду — всегда величайшее благо!»

О степени популярности Бердяева сужу также по следующему факту. Уже во время русско-германской войны, готовясь к докладу в апреле 1943 года, я хотел получить доступ к последним иностранным изданиям об Аристотеле. Так в мои руки попали пробные философские лекции, вышедшие в Англии в начале войны. Мне удалось подержать книгу буквально минуты две в руках. Я решил на ходу просмотреть, отразилась ли русская философия в этом весьма кратком пособии. На букву С — Вл. Соловьев не отразился. Открыл букву Б и смотрю, есть Бердяев, столбца 1/2-2. Читаю и изумляюсь. Такие подробности биографии, которые я и не знал в лице, лично мне знакомом, жившем в соседнем переулке. Между прочим меня поразило, что в 10-х годах в Англии вышла целая монография, посвященная Бердяеву. Другое, поразившее меня обстоятельство указало, что Бердяев был исключен от общения с русской церковью в 1913 году в связи с вопросом об имяславии. Я знал только, что статья об имяславии Бердяева цензором преследовалась. Книгу у меня быстро отняли, и больше доступа я к ней не получил. Но через несколько дней я встретил в Москве некоего Бердяева. Это — не то племянник, не то сын Николая Александровича. Во всяком случае он становится все более и более похожим на Бердяева.

Рассказываю о статье и поразившем меня не отлучении, а каком-то исключении Бердяева из лона Церкви в период царизма. Бердяев тоже поражен и говорит: «А ведь это повидимому так. Что-то было. Николая Александровича вызывали в синодальную контору, он негодовал и давал какие-то объяснения но

вскоре наступила революция. Должно быть, английский словарь прав».

И вот сын или племянник Бердяева не знает такого факта из жизни Москвича, имя которого гремит на Западе и точные сведения о котором надо искать в иностранных энциклопедиях.*

*) Автор воспоминаний не был знаком с книгой Бердяева "Самопознание", где он дал следующее описание этого эпизода: "...По поводу дела имяславцев на Афоне, в котором принимала участие русская иерархия и дипломатия, я написал негодующую статью "Гасители Духа", направленную против св. Синода. У меня не было особенных симпатий к имяславству, но меня возмущали насилия в духовной жизни и низость, не духовность русского Синода. Номер газеты, в которой была напечатана статья, был конфискован, а я отдан под суд по статье о богохульстве, которая карала вечным поселением в Сибири. Мой адвокат признавал мое дело безнадежным. Дело откладывали ввиду войны и невозможности вызвать всех свидетелей. Так оно оттянулось до революции и революция прекратила это дело" (стр. 219-120). Прим. Ред.

В КАКОМ ГОДУ УМЕР о. ПАВЕЛ ФЛОРЕНСКИЙ?

Ответственному Редактору
«Вестника Русского Христианского
Студенческого Движения» Н. А. Струве.

Уважаемый г-н Струве!

За последние годы мне удалось прочитать пять или шесть разрозненных номеров «Вестника». В двух из них оказались непоследовательные части огромной по литературному (и, конечно, не только по литературному) значению автобиографии о. Павла Флоренского. В кратком предуведомлении к первому отрывку редакция сообщала, что о. Павел Флоренский умер в лагере в 1943 году.

Так как все относящиеся к этому поистине великому человеку имеет большое значение, считаю своим долгом довести до Вашего сведения нижеследующее.

Летом 1940 года пишущий эту заметку провел около четырех месяцев в одиночке Лефортовской тюрьмы, но недели на две строжайшая изоляция была прервана. Или за полным отсутствием мест, или для психологического воздействия на меня в мою камеру посадили пожилого человека, прибывшего после жалобы на ежовское следствие для пересмотра дела. В результате применения к этому человеку кулачных и ременных мер воздействия он «сознался» в чем-то, скрытом при первом, поверхностном следствии, и получил новый срок, значительно превосходящий первый. Кстати сказать, на основании его показаний был осенью 1940 года арестован его шурин, пятидесяти лет, бывший шофер Троцкого, а некогда кучер герцога Лейхтенбергского (!).

Фамилию своего недолговременного сокамерника я в памяти не сохранил, помню только, что до Октябрьской революции он был главным бухгалтером Гжатского земства. Впрочем, сам этот человек по своим нравственным и интеллектуальным качествам особого внимания не заслуживает, важно было лишь, что в Лефортовскую тюрьму он был доставлен непосредственно с Соловков, а из его рассказов об этой обители удаленных от мира я запомнил все, относящееся к о. Павлу Флоренскому.

По словам бывшего земского бухгалтера, он, получив приговор за хранение оружия, был этапирован в Соловецкий лагерь, где вскоре стал работать по специальности. Неожиданно лагерь

был ликвидирован, а вместо него был создан особо секретный изолятор. Всех з/к при этом вывезли на Колыму, оставив обслугу при громадной новой тюрьме (уборщики, разносчики пищи, повара, бухгалтеры и пр.). Мой собеседник, осведомившись, не слышал ли я про священника и профессора Флоренского, и узнав, что слышал, рассказал, что в Соловецком лагере о. Павел возглавил им же созданную бригаду по кустарной добыче йода из водорослей. В колымский этап он попал в последнюю очередь, но до Колымы не доплыл — этот последний корабль потонул по дороге.

Если верить моему нерасчетливому бухгалтеру, о. Павел Флоренский умер не в 1943 году (типичная и массовая гулаговская отписка), а утонул где-то в северных морях в 1938 или 1939 году. Конечно, эта версия нуждается в проверке, если таковая когда-нибудь станет возможной, но мне она кажется весьма правдоподобной.

А. Льдов (псевдоним).

Октябрь 1974 г.

Примечание редакции

Официальная дата и место смерти о. Павла Флоренского — 15-го декабря 1943 г. — хотя и фигурирует во всех справочниках и печатных заметках (в частности за подписью сына, Кирилла Павловича Флоренского, см. Семиотика т. V, стр. 503), действительно вызывает большие сомнения. Помимо приведенных свидетельств, надо учесть следующие обстоятельства:

1) о. Павел Флоренский регулярно переписывался с семьей из Соловецкого лагеря до 1937 года включительно. Если бы о. Павел жил до 1943 года, представляется маловероятным (хотя, конечно, и возможным), чтобы ему не удалось переслать о себе каких бы то ни было сведений.

2) Известно, как указано в письме, что Соловецкий лагерь был упразднен целиком к началу войны.

3) Официальная дата — 1943 год — легко объясняется тем, что во время войны, при восстановлении связи с Россией, было сделано много запросов с Запада о судьбе о. Павла Флоренского. Открыть столь давнюю дату смерти, к тому же утаенную от семьи, было неудобным. Напомним, что на запросы с Запада о судьбе Мандельштама советские власти через писателей (Эренбурга и др.) распространяли ложную версию о его смерти во время войны не то от болезни, не то от рук немцев.

4) В «Архипелаге ГУЛаг» (часть II, стр. 656) А. Солженицын, намечая пунктиром тюремный путь Флоренского, пишет так:

«Сибирская ссылка..., Соловки, после их ликвидации — Крайний Север, по некоторым сведениям Колыма... Неизвестно ни место, ни время его гибели в лагере. По одним слухам — расстрелян во время войны».

Не так давно в Москве прошел несколько фантастический слух о том, что на Соловках была найдена могила о. Павла Флоренского, но подтверждения этот слух не получил.

Н. С.

ЕЩЕ ОДНО СВИДЕТЕЛЬСТВО

Насколько нам известно, это единственное свидетельство о пребывании о. Павла Флоренского в лагере. К сожалению, оно из вторых рук и без указания даты и места встречи с о. Павлом Флоренским. Оно дает иную версию смерти, чем выше приведенное письмо. Возможно, что о. Павел достиг благополучно Колымы и там работал санитаром (этой должности на Соловках он не исполнял).

Сведения от Валентины Павловны Павловской. Получены в 1957 г. (Умерла Павловская в 1958 г.)

«Ее брат, инженер-электрик, был вместе в концлагере с о. Павлом Флоренским. В письмах, присылаемых ей, он ей писал, что у него два отца: Павел — родной отец и Павел — духовный. Сам Влад. Павл. Павловский до лагеря был равнодушен к вопросам религии и скорее был атеист, чем верующий. Духовный переворот произошел в лагере под влиянием о. П. Флоренского, который многих людей обратил на путь истинный там. Первое знакомство произошло в камере, куда В. П. Павловский прибыл после долгой дороги, усталый, истощенный. Ему о. П. Флоренский предложил поесть. У него всегда были про запас сухарики и кусочки хлеба, которые ему отдавались на помощь ближним. П. Флоренский работал санитаром в больнице. Многих поддерживал морально, воспитывал духовно. Его все очень уважали, даже уголовные. Нередко, когда последние не хотели подчиняться распоряжениям начальства, Флоренскому удавалось их уговорить, и все обходилось благополучно. Умер П. Флоренский в лагере от истощения. Когда его вынесли из больницы, чтобы похоронить, то все уголовные на дворе пали на колени и сняли шапки.

В лагере была очень несчастная женщина. Раньше она занималась музыкой. Попала в лагерь за мужа, который умер

где-то в другом лагере. В Москве у нее осталась дочь, которой было около года, и которая позже умерла. Эту женщину посылали на тяжелую работу и она теряла возможность играть на рояле. Руки ее «одеревятели». Она была в очень тяжелом психическом состоянии. П. Флоренский привел ее в норму.

В. П. Павловский потом женился на ней. Сохранились ли письма с этими сведениями, пока не удалось выяснить.»

Литература и жизнь

Из новых стихов

Иосиф БРОДСКИЙ

ПАМЯТИ Т. Б.

1

Пока не увяли цветы и лента
еще не прошла через извьсть лета,
покуда черна и вольна цыганить,
ибо настолько длинна, что память
моя, как бы внемя ее призыву,
потянет ее, вероятно, в зиму, —

2

прими от меня эту рифмо-лепту,
которая если пройдет сквозь Лету,
то потому, что пошла с тобою,
опередившей меня стопою;
и это будет тогда, подруга,
твоя последняя мне услуга.

3

Вот уж не думал увидеть столько
роз; это — долг, процент, неустойка
лета тому, кто бесспорно должен
сам бы собрать их в полях, но дожил
лишь до цветенья, а им оставил
полную волю в тракторке правил.

То-то они тут и спят навалом.
Ибо природа честна и в малом,
если дело идет о боли
нашей; однако, не в нашей воле
эти мотивы назвать благими;
смерть это то, что бывает с другими.

Смерть это то, что бывает с другими.
Даже у каждой, пускай богини
есть фавориты в разряде смертных,
точно известно, что вовсе нет их
у Персефоны; а рябь извилин
тем доверяет, чей брак стабилен.

Все это помнить, пока есть сила,
пока все это свежо и сыро,
пока оболочка твоя, — вернее,
прощанье с ней для меня большее,
чем расставанье с твоей душою,
о каковой на себя с большою

радостью Бог — о котором после,
будет ли то Магомет, Христос ли,
словом сама избрала кого ты
раньше, при жизни — возьмет заботы
о несомненном грядущем благе, —
пока сосуд беззащитной влаги.

С того разреши мне на этом свете
сказать о ее, оболочки, смерти,
о том, что случилось в тот вечер в Финском
заливе и стало на зависть сфинксам
загадкой — ибо челнок твой вовсе
не затонул, но остался возле.

Вряд ли ты знала тогда об этом,
лодка не может и быть предметом
бденье души, у которой сразу
масса забот, недоступных глазу,
стоит ей только покинуть тело;
вряд ли ты знала, едва ль хотела

мучить нас тайной, чья сложность либо
усугубляет страданье (ибо
повод к разлуке важней разлуки),
либо она облегчает муки
при детективном душевном складе;
даже пускай ты старалась ради

этих последних, затем что все же
их большинство, все равно похоже,
что и для них, чьи глаза от плача.
ты пожелала сберечь, задача
неразрешима; и блеск на перлах
их многоточия — слезы первых.

Чаек не спросишь, и тучи скрылись.
Что бы смогли мы увидеть, силясь
глянуть на все это птичьим взглядом?
Как ты качалась на волнах рядом
с лодкой, не внемля их резким крикам,
лежа в столь малом и в столь великом

от челнока расстоянья. Точно
так и бывает во сне; но то, что
ты не цеплялась — победа яви:
ибо страдая во сне, мы вправе
разом проснуться и с дрожью в теле
впитаться пальцами в край постели.

14

Чаек не спросишь, и нету толка
в гомоне воли. Остаются только
гучи — но их разгоняет ветер.
Ибо у смерти всегда свидетель
он же и жертва. И к этой новой
роли двойной ты была готовой.

15

Впрочем и так, при любом разбросе
складов душевных, в самом вопросе
«Чем это было?» разгадки средство.
Самоубийством? Разрывом сердца
в слишком холодной воде залива?
Жизнь позволяет поставить «либо».

16

Эта частица отнюдь не фора
воображенью, но просто форма
тождества двух вариантов, выбор
между которыми — если выпал —
преображает недвижность чистых
двух параллельных в поток волнистых.

17

Эта частица — кошмар пророков —
способ защиты от всех упреков
в том, что я в саване хищно роюсь,
в том, что я «плохо о мертвой» — то есть,
самоубийство есть грех и вето;
а я за тобой полагаю это.

18

Ибо, включая и этот случай,
все ж ты была христианкой лучшей
нежели я. И быть может с точки
зрения тюркских певцов, чьи строчки
пела ты мне, и вообще Ислама,
в этом нет ни греха, ни срама.

19

Толком не знаю. Но в каждой вере
есть та черта, что по крайней мере
объединяет ее с другими:
то не запреты, а то, какими
люди были внизу, при жизни,
в полной серпов и крестов отчизне.

20

Так что ты можешь идти без страха:
ризы Христа иль чалма Аллаха,
соединенье газели с пловом
или цветущие кущи — словом,
в два варианта Эдема двери
настежь раскрыты, смотря по вере.

21

То есть, одетый в любое платье
Бог тебя примет в свое объятье,
и не о любви тут дело Отчей:
в том, что, нарушив довольно общий
смутный завет, ты другой, подробный
твердо хранила: была ты доброй.

22

Это на счетах любых дороже:
здесь, на земле, да и в горних тоже.
Время повсюду важней, чем воды,
рельсы, петля или вскрытие вены;
все эти вещи почти мгновенны.

23

Так что твой грех, говоря по сути,
равен — относится к той минуте,
когда ты глотнула последний воздух,
в легких, с которым лежать на водах
так и осталась, качаясь мерно.
А добродетель твоя, наверно,

24

эту минуту и ветра посвист
перерастет, как уж твой возраст
переросла, ибо день, когда я
данные строки, почти рыдая,
соединяю, уже превысил
разность выбитых в камне чисел.

25

Черная лента цыганит с ветром.
Странно тебя оставлять нам в этом
месте, под грудой цветов, в могиле,
здесь, где люди лежат, как жили:
в вечной своей темноте, в границах;
разница вся в тишине и в птицах.

26

Странно теперь, когда ты в юдоли
лучшей, чем наша, нам плакать. То ли
вера слаба, то ли нервы слабы:
жалость уместней Господней Славы
в мире, где души живут лишь в теле.
Плачу, как будто на самом деле

27

что-то остаться могло живое.
Ибо когда расстаются двое,
то перед тем, как открыть ворота,
каждый берет у другого что-то
в память о том, как их век был прожит:
тело — незримость; душа, быть может,

28

зренье и слух. Оттого и плачу,
что неглубоко надежду прячу,
будто ты слышишь меня и видишь,
но со словами ко мне не выйдешь:
ибо душа, что набрала много,
речь не взяла, чтоб не гневить Бога.

29

Плачу. Вернее, пишу, что слезы
льются, что губы дрожат, что розы,
вянут, что запах лекарств и дерна
резок. Писать о вещах, бесспорно,
тебе до смерти известных, значит
плакать за ту, кто сама не плачет.

30

Разве ты знала о смерти больше,
нежели мы? Лишь о боли. Боль же
учит не смерти, но жизни. Только
то ты и знала, что сам я. Столько
было о смерти тебе известно,
сколько о браке узнать невеста

31

может — не о любви: о браке.
Не о накале страстей, о шлаке
этих страстей, о холодном, колком
шлаке — короче, об этом долгом
времени жизни, о зимах, летах.
Так что сейчас, в этих черных лентах

32

ты как невеста. Тебе, не знавшей
брака при жизни, из жизни нашей
прочь уходящей, покрытой дерном,
смерть — это брак, это свадьба в черном,
это те узы, что год от года
только прочнее, раз нет развода.

33

Слышишь, опять Персефоны голос?
Тонкий в руках ее вьется волос
жизни твоей, рассеченной Паркой.
То Персефона поет над прялкой
песню о верности вечной мужу;
только напев и плывет наружу.

Будем помнить тебя. Не будем
 помнить тебя. Потому что людям
 свойственна тяга к объектам зримым
 или к предметам настолько мнимым,
 что не под силу сердечным детям.
 И, не являясь ни тем, ни этим,

ты остаешься мазком, наброском,
 именем, чуждым твоим же тескам
 и не бросающим смертной тени
 даже на них. Что поделать с теми,
 тел у кого, чем имен, намного
 больше? Но эти пока два слога —

ТАНЯ — еще означают тело
 только твое, не пуская в дело
 анестезию рассудка, ими
 губы свои раздвигая, имя
 я подвергаю твое огласке
 в виде последней для тела ласки.

Имя твое растает с горлом
 сдавленным. Пользуясь впредь глаголом,
 созданным смертью, чтоб вы пропажи
 не замечали, кто знает, даже
 сам я считать не начну едва ли
 будто тебя «умерла» и звали.

Если сумею живым, здоровым
 столько же с этим прожить я словом
 лет, сколько ты прожила на свете,
 помни: в Две Тысячи Первом лете,
 с риском быть вписанным в святотатцы,
 буду просить, чтоб расширить святцы.

Так, не сумевши ступать по водам,
 с каждым начнешь становиться годом,
 туфельки следом на волнах тая,
 все беспредметней; и — сам когда я
 не дотянувши до этой даты,
 по суху двину туда, куда ты

первой ушла, в ту страну, где все мы
 души всего лишь, бесплотны, немые,
 то есть где все, — мудрецы, придурки, —
 все на одно мы лицо, как тюрки —
 вряд ли сыщу тебя в тех покоях,
 встреча с тобой оправданье коих.

Может и к лучшему. Что сказать бы
 смог бы тебе я? Про наши свадьбы,
 роды, разводы, поход сквозь трубы
 медные, пламень, чужие губы;
 то есть, с каким беспримерным рвением
 трудимся мы над твоим забвеньем.

Стоит ли? Вряд ли. Не стоит строчки.
 Как две прямых расстанутся в точке,
 пересекаясь, простимся. Вряд ли
 свидимся вновь, будь то Рай ли, Ад ли.
 Два этих жизни посмертной вида
 лишь продолжение идей Эвклида.

Спи здесь. Ты лучше была, а это
 в случае смерти всегда примета,
 знак невозможности, как при жизни,
 с худшим свиданья. Затем что вниз не
 спустишься. Впрочем, долой ходули —
 до несвиданья в Раю, в Аду ли.

ДОПОЛНЕНИЕ К «АРХИПЕЛАГУ ГУЛАГУ»

Здесь мы печатаем отрывок из главы 6 первой части «Архипелага ГУЛага» А. Солженицына. Это место дополнено и уточнено автором в 1974 г. по материалам, с которыми он смог познакомиться только за границей. В новое издание тома I это дополнение будет внесено. Ред.

[Добавляется сноска к странице 229]

...Судьба же Юрия Евтуховича и среди них была не рядовая.*

* Я употребляю здесь и дальше слово «власовец» в том неясном, но прочном, смысле, как оно возникло и утвердилось в советском языке и никогда не поддавалось точному определению, искать которое было для лиц неофициальных — опасно, для официальных — нежелательно: «власовец» — вообще всякий советский, вооруженно принявший сторону противника в этой войне. Еще понадобятся годы и книги, чтобы понятие это проанализировать, выделить разные категории, и тогда в остатке получены будут «власовцы» в собственном смысле — то есть прямые сторонники или подчиненные генерала Власова с тех пор, как он в немецком плену дал свое имя для антибольшевистского движения. Таких сторонников в иные месяцы войны насчитывались всего лишь сотни, а собственно власовская армия с центральным подчинением, и вообще по сути, создаться не успела. Но в декабре 1942 года немцы провели пропагандистский трюк: сообщили о состоявшемся (никогда не состоявшемся) «учредительном заседании» «Русского комитета» в Смоленске, то ли претендующем быть подобием русского правительства, то ли нет, сообщение хранило неуверенность — и дали к тому имена: генерал-лейтенанта Власова и генерал-майора Мальшикина. Немцы могли себе позволить такую затею: объявить, потом отменить, потом действовать и противно тому, — но листовки попорхали с самолётов, легли на наши фронтовые поля, легли в наши памяти — за комитетом «власовским» естественно пристроилось представление о движении, о вооруженных силах, и когда в немецкой армии против нас стали появляться вооруженные наши соотечественники — русские или национальные части то к ним и прилегло единственно известное слово «власовцы», и наши политики не прелятывали тому. Так условно, но прочно, связалось всё движение с именем Власова.

И таких вооруженных наших соотечественников, поднявших оружие против своей родины — сколько же было? «Не менее 800 тысяч советских граждан входили в боевые организации, целью которых была борьба против советского государства» — свидетельствует один исследователь (Thornwald — «Wen sie verderben wollen...», Stuttgart, 1952). Около того оценивают и другие (например, Sven Steenberg — «Wlassow — Verräter oder Patriot?» — Köln, 1968, стр. 111). Трудность определения точных цифр отчасти и в том, что происходила борьба разных течений в германской администрации и военном командовании, и нижним инстанциям, реалистичным в ходе войны, требовалось эту цифру уменьшать, чтобы не пугать верхи ростом антибольшевистской, однако не про-немецкой силы. Это всё — много раньше создания отдельной Русской Освободительной Армии в конце 1944 года.

[Новый текст стр. 257-268]

Сперва это были много раз вымокшие и много раз высохшие листовки, затерявшиеся в высоких, третий год не кошенных травах прифронтовой орловской полосы. На листовках был снимок генерала Власова и изложена его биография. На неясном снимке лицо казалось сыто-удачливым, как у всех наших генералов новой формации. (На самом деле это не так, Власов был высок и худ, а на подробных фотографиях можно разглядеть: скорее — мужик, который поучился и роговые очки надел.) Из биографии эта удачливость как будто подтверждалась: в годы всеобщих посадок уезжал военным советником к Чан-Кай-Ши. Но каким фразам той биографии на листовке вообще можно было верить?

Андрей Андреевич Власов родился в 1900 г. в семье крестьянина Нижегородской губернии. Попечением своего брата, сельского учителя, он окончил нижегородское духовное училище, а семинарию уже не кончал — захватывала революция. Весной 1919 г. призван в Красную армию, к концу года был уже командиром взвода на деникинском фронте, гражданскую войну закончил командиром роты и остался в кадрах. В 1928 г. — курсы «Выстрел», затем на штабной работе. С 1930 г. вступил в ВКП(б), что открыло ему дальнейшее продвижение по службе. В 1938-м, в звании комполка, послан военным советником в Китай. Не связанный с высшими военными и партийными кругами, Власов оказался в том сталинском «втором эшелоне», который был выдвинут на замену вырезанных командармов-комдивов-комбригов. С 1939 г. он стал командиром дивизии, в 1940 г. при первом присвоении «новых» (старых) воинских званий — генерал-майором. Из дальнейшего можно заключить, что среди генеральской смены, где много было совсем тупых и неопытных, Власов оказался из самых способных. Его 99-я стрелковая дивизия, до того самая отсталая в Красной армии, теперь предлагалась в пример «Красною Звездой», а в войну не была захвачена врасплох гитлеровским нападением, напротив: при общем нашем откате на восток пошла на Запад, отбила Перемышль и 6 дней удерживала его. Быстро миновав должностное командующего корпусом, Власов под Киевом в 1941 г. командовал уже 37-й армией. Из огромного Киевского мешка он прорвался с большим отрядом. В ноябре получил от Сталина 20-ю армию, начал бои сразу за Химками, пошел в контр-наступление до Ржева и стал одним из спасителей Москвы. (В сводке Информбюро за 12 декабря перечень генералов такой: Жуков, Лелюшенко, Кузнецов, Власов, Рокоссовский...) Со стремительностью тех месяцев он успел стать зам. командующего Волховским фронтом (Мерецкова), а в марте, когда была отрезана опростетчиво наступающая на прорыв ленинградской блокады

2-я Ударная армия, принял командование ею, в «мешке». Еще держались последние зимние пути, но Сталин запретил отход, напротив гнал опасно углублённую армию наступать и дальше — по развезённой болотистой местности, без продовольствия, без вооружения, без помощи с воздуха. После двухмесячного голодания и вымаривания армии (солдаты оттуда рассказывали мне потом в бутырских камерах, что с околевших гниющих лошадей они строгали копыта, варили стружку и ели) началось 14 мая 1942 г. немецкое концентрическое наступление против окруженной армии (и в воздухе, разумеется, только немецкие самолёты). И лишь тогда, в насмешку, было получено сталинское разрешение возвратиться за Волхов. И еще были эти безнадежные попытки прорваться! — до начала июля.

Так (словно повторяя судьбу русской 2-й самсоновской армии, столь же безумно брошенной в котёл) погибла 2-я Ударная Власова.

Тут конечно была измена родине! Тут конечно было жестокое эгоистическое предательство! Но — сталинское. Измена — не обязательно проданность за деньги. Невежество и небрежность в подготовке войны, растерянность и трусость при ее начале, бессмысленные жертвы армиями и корпусами, чтобы только выручить свой маршальский мундир — какая есть горше измена для верховного главнокомандующего?

В отличие от Самсонова Власов не кончил с собой, еще скитался по лесам и болотам, 12 июля в районе Сиверской сдался в плен. Вскоре он оказался в Виннице в Особом лагере для высших пленных офицеров, который был сформирован графом Штауфенбергом — будущим заговорщиком против Гитлера. Это покровительство оппозиционных армейских кругов (многие из них лотом всплыли и погибли в антигитлеровском заговоре) сопровождало жизнь Власова последующие 2 года. В первые же недели вместе с полковником Боярским, командиром 41-й гвардейской дивизии, они составили доклад — что большинство советского населения и армии приветствовали бы свержение советского правительства, если бы Германия признала новую Россию равноправной. (Быть может на это быстрое решение наложился и личный опыт Власова: родители жены его были «раскулачены», та внешне отрелась от них, тайком помогала. Теперь и она с сыном принесли в жертву новому поведению генерала в плену — с какого-то дня они исчезают в пасти НКВД.)

Держа в руках эту листовку, трудно было вдруг поверить, что вот — выдающийся человек или вот он, верно отслуживши всю жизнь на советской службе, давно и глубоко болеет за Россию. А следующие листовки, сообщавшие о создании РОА — «русской освободительной армии», не только были написаны дурным русским языком, но и с чужим духом, явно немецким, и даже незаинтере-

сованно в предмете, зато с грубой хвастливостью по поводу сытой каши у них и веселого настроения у солдат. Не верилось в эту армию, а если она действительно была — уж какое там весёлое настроение?.. Вот так-то соврать только немец и мог.

Никакой РОА в действительности и не было почти до самого конца войны. Все годы несколько сот тысяч Hilfswillige рассеяны были по всем германским частям, на полных или частичных солдатских правах. Да существовали добровольческие противосоветские формирования — из недавних советских граждан, но с немецкими офицерами. Первыми поддерживали немцев — литовцы (круто ж насолили мы им за один год!). Затем из украинцев собралась добровольческая дивизия SS-Галиция, из эстонцев — отряды SS. В Белоруссии — народная милиция против партизан (и дошла до 100 тыс. человек!). Туркестанский батальон. В Крыму — татарский. (И всё это посеяно было самими же Советами, например в Крыму — тупым гонением на мечети, тогда как дальновидная завоевательница Екатерина отпускала государственные средства на постройку и расширение их. И гитлеровцы, придя, догадались тоже стать на защиту мечетей.) Когда немцы завоевали наш Юг, число добровольческих батальонов еще увеличилось: грузинский, армянский, северо-кавказский и 16 калмыцких. (А партизан на юге почти не возникло.) При отступлении с Дона ушел с немцами казачий обоз тысяч на 15, из них половина способных носить оружие. Под Локтем (Брянская область) в 1941 г. еще до прихода немцев местное население распустило колхозы, вооружилось против партизан и создало до 1943 года автономную область (во главе — инженер К. П. Воскобойников), с вооруженной бригадой в 20 тыс. человек (флаг с Георгием Победоносцем), которая называла себя РОНА — Русская освободительная народная армия. Однако, подлинной всероссийской освободительной армии не создалось, хотя были фантазии и попытки к ней — от самих русских, равнявшихся к оружию освобождать свою страну, и от группы немецких военных с ограниченным влиянием, средним положением по службе, но реальным видением, что с оголтелой гитлеровской колонизационной политикой выиграть войну против СССР нельзя. Среди тех военных было немало прибалтийских немцев, в том числе и старой русской службы, особенно живо чувствовавших русскую обстановку, как капитан Штрик-Штрикфельд. Эта группа тщетно пыталась убедить гитлерские верхи в необходимости германо-русского союза. В их фантазиях выдумывалось и название армии, и будущий ее ожидаемый стаут, и нарукавная нашивка (с андреевским полем), носимая на немецком мундире. В посёлке Осинторф под Оршей в 1942 г. с помощью нескольких русских эмигрантов (Иванов, Кромиади, Игорь Сахаров, Ламсдорф) была создана из советских военнопленных «пробная часть» — в советском обмундировании, с советским оружием, но со старыми погона-

ми и национальной кокардой. Это формирование к концу 1942 г. состояло из 7 тысяч человек, четырёх батальонов, предполагаемых к развёртыванию в полки, и понимало само себя как начало РННА — русской национальной народной армии. Добровольцев было больше, чем часть могла принять. Но — не было уверенности: из-за того, что не было доверия к немцам, и справедливо. В декабре 1942 г. часть была постигнута приказом о расформировании: по отдельным батальонам, в немецкое обмундирование и в состав немецких частей. В ту же ночь 300 человек ушли в партизаны.

Осенью 1942 г. Власов дал своё имя для объединения всех противобольшевистских формирований, и осенью же 1942 г. гитлеровская Ставка отклонила попытки средних армейских кругов добиться отказа Германии от планов восточной колонизации и заменить их созданием русских национальных сил. Едва решась на роковой выбор, едва сделав первый шаг на этом пути, — Власов уже оказался не нужен более, чем для пропаганды, и так — до самого конца. Покровительствующие ему армейские круги, думая усилить свою затею ходом вещей, решились на ту прокламацию «Смоленского комитета» (разбросали ее над советским фронтом 13 янв. 1943) — с обещанием всех демократических свобод, отменой колхозов и принудительного труда. (И в январе же 1943 г. запрещены были русские части старшие батальона...) Вопреки запрету, прокламация распространилась и в областях, занятых немцами, вызвала большие волнения и ожидания. Партизаны разоблачали, что никакого Смоленского комитета и никакой Русской Освободительной армии вообще нет, немецкая ложь. Одна затея вынуждала теперь следующую — агитационные поездки Власова по занятым областям (снова — самочинные, без ведома и воли Ставки и Гитлера; нашему подтоталитарному сознанию трудно вообразить такое самовольство, у нас ни шаг не может быть ступлен важный без самого верховного разрешения, но у нас и система несравненно тверже, мы и устаивались уже тогда четверть века, а нацисты — только 10 лет). В самодельно-слиптой, никакой армии не принадлежащей шинели — коричневой, с генеральскими красными отворотами и без знаков различия, Власов совершил первую такую поездку в марте 1943 г. (Смоленск — Могилёв — Бобруйск) и вторую в апреле (Рига — Печёры — Псков — Гдов — Луга). Поездки эти воодушевили русское население, они создавали прямую видимость, что независимое русское движение — рождается, что независимая Россия может воскреснуть. Выступал Власов в переполненных смоленском и псковском театрах, говорил о целях освободительного движения, притом открыто — что для России национал-социализм неприемлем, но и большевизм свергнуть без немцев невозможно. Так же открыто спрашивали и его: правда ли, что немцы намереваются обратиться Россию в колонию, а русский народ в рабочий скот? почему до сих пор никто не объявил, что будет с Россией после войны? почему немцы не разрешают русского самоуправления в занятых областях? почему добро-

вольцы против Сталина состоят только под немецкой командой? Власов отвечал стеснённо, оптимистичнее, чем самому осталось надеяться к этому времени. Германская же Ставка отозвалась приказом фельдмаршала Кейтеля: «В виду неквалифицированных бесстыдных высказываний военнопленного русского генерала Власова во время поездки в Северную группу войск, происходившую без ведома фюрера и моего, перевести его немедленно в лагерь для военнопленных». Имя генерала разрешалось использовать только для пропагандистских целей, если же он выступит еще раз лично — должен быть передан Гестапо и обезврежен.

Шли последние месяцы, когда всё еще миллионы советских людей оставались вне власти Сталина, еще могли взять оружие против своей большевистской неволи и способны были устроить свою независимую жизнь — но германское руководство не испытывало колебаний: именно 8 июня 1943 г., перед Курско-Орловской битвой, Гитлер подтвердил, что русская независимая армия никогда не будет создана и русские нужны Германии только как рабочие. Гитлеру недоступно было, что единственная историческая возможность свергнуть коммунистический режим — движение самого населения, подъём измученного народа. Такой России и такой победы Гитлер боялся больше всякого поражения. И даже после Сталинграда и потерь на Кавказе, Гитлер не заметил ничего нового. В то время как Сталин присваивал себе роль высшего защитника Отечества, восстанавливал старые русские погоны, православную Церковь и распускал Коминтерн, Гитлер, усиленно помогая ему, в сентябре 1943 г. распорядился **разоружить все добровольческие части** и отправлять их в угольные шахты, затем переменить: перевести добровольческие части — на Атлантический Вал, против союзников.

Таков был уже, по сути, конец всего замысла о независимой российской армии. Что же делал Власов? Отчасти он и не знал как худо обстоят дела (не знал, что после своих поездок снова считается военнопленным и в угрожаемом положении), отчасти непоправимо стал на гибельный путь надежд и соглашений со Зверем, тогда как с апокалиптическими зверями спасительна одна неуступчивость от первой до последней минуты. Впрочем, была ли вообще такая минута у Освободительного Движения российских граждан? С самого начала оно обречено было гибели как еще одна дополнительная жертва на неостывший жертвенник 1917 года. Первая же военная зима 1941/42 года, уничтожившая несколько миллионов советских военнопленных, протянула костяную цепь этих жертв, начатую еще летними ополчениями безоружных людей для спасения большевизма.

Здесь уместно сопоставить Власова с командующим 19-й армией генерал-майором Михаилом Лукинским, который еще в 1941 г. соглашался на борьбу против сталинского режима, но требовал **г а р а н т и й** национальной независимости для безкоммунистической России, а не получив таких гарантий — не сделал шагу из лагеря военнопленных. Власов же поддался

на надежды без гарантий, а на этом пути не раз склонялся к успокоительным аргументам своих советников. Он порывался — остановиться, отступить, отказаться, но всегда находил аргументы: «разоружат все добровольческие части», «ухудшится положение **бстовцев**», то есть русских рабочих в Германии. И в крючках этих аргументов Власов в октябре 1943 написал открытое письмо к добровольцам, переводимым на Западный Фронт: о временности этой меры и необходимости подчиниться...

Так потерял был последний ускользающий смысл этого горького добровольчества: отправляли их пушечным мясом против союзников да против французского Сопротивления — против тех самых, к кому только и была искренняя симпатия у русских в Германии, испытавших на себе и немецкую жестокость и немецкое самопревозношение. Подрывалась тайная надежда на англо-американцев, делеемая во власовском окружении: что уж если союзники поддерживают коммунистов, то неужели же не поддержат против Гитлера демократическую некоммунистическую Россию?.. Особенно при падении Третьего Рейха, когда отчётливо проступит советский напор расширить свой строй на Европу и на весь мир — неужели Запад будет продолжать поддерживать большевистскую диктатуру? Тут был разрыв русского и западного сознания, не преодоленный и по сей день. Запад вёл войну **только** против Гитлера, для того считал хорошими **в с е** средства и **в с е х** союзников, особенно Советы. Более, чем не мог — Запад и **н е х о т е л**, ему это смутительно и поменно было бы — допустить, что у народов СССР могут быть **свои** задачи, не совпадающие с целями коммунистического правительства. Трагикомично, но среди добровольческих антибольшевистских батальонов, прибывших на Западный фронт, союзники распространяли воззвания: **п е р е б е ж ч и к а м о б е щ а с т с я** немедленная отправка в Советский Союз!..

Власовское окружение в мечтах и надеждах рисовало себя «третьей силой», то есть помимо Сталина и Гитлера, но и Сталин, и Гитлер, и Запад вышибали из-под них такие подпорки: для Запада они были какой-то странной категорией нацистских пособников, ни в чём не замечательней.

Что русские против нас вправду есть и что они бьются круче всяких эсэсовцев, мы отвели вконец. В июле 1943 года под Орлом взвод русских в немецкой форме защищал, например, Собакинские Выселки. Они бились с таким отчаянием, будто эти Выселки построили сами. Одного загнали в погреб, к нему туда бросали ручные гранаты, он замолкал; но едва совались спуститься — он снова сёк автоматом. Лишь когда ухнуло туда противотанковую гранату, узнали: еще в погребе у него была яма, и в ней он перепрыгивался от разрыва противопехотных

гранат. Надо представить себе степень оглушенности, контузии и безнадежности, в которой он продолжал сражаться.

Защищали они, например, и несбиваемый днепровский плацдарм южнее Турска, там две недели шли безуспешные бои за сотни метров, и бои свирепые и морозы такие же (декабрь 43-го года). В этом осточертении многодневного зимнего боя в маскхалатах, скрывавших шинель и шапку, были и мы и они, и под Малыми Козловичами, рассказывали мне, был такой случай. В перебежках между сосен запутались и легли рядом двое, и уже не понимая точно, стреляли в кого-то и куда-то. Автоматы у обоих — советские. Патронами делились, друг друга похваливали, матерились на замерзающую смазку автомата. Наконец совсем перестало подавать, решили они закурить, сбросили с голов капюшоны — и тут разглядели орла и звёздочку на шапках друг у друга. Вскочили! Автоматы не стреляют! Схватили и, мордуя как дубинками, стали друг за другом гоняться: уж тут не политика и не родина-мать, а простое пещерное недоверие: я его пожалею, а он меня убьёт.

В Восточной Пруссии в нескольких шагах от меня провели по обочине тройку пленных власовцев, а по шоссе как раз грохотала Т-тридцать четвёрка. Вдруг один из пленных вывернулся, прыгнул и ласточкой шлёпнулся под танк. Танк увильнул, но всё же раздавил его краем гусеницы. Раздавленный еще извивался, красная пена шла на губы. И можно было его понять! Солдатскую смерть он предпочитал повешению в застенке.

Им не оставлено было выбора. Им нельзя было драться иначе. Им не оставлено было выхода биться как-нибудь побережливее к себе. Если один „чистый“ плен уже принавался у нас непрощаемой изменой родине, то что ж о тех, кто взял оружие врага? Поведение этих людей с нашей пропагандной топорностью объяснялось: 1) предательством (биологическим? текущим в крови?) и 2) трусостью. Вот уж только не трусостью! Трус ищет, где есть побрякка, снисхождение. А во „власовские“ отряды вермахта их могла привести только крайность, запердельное отчаяние, невозможно дальше тянуть под большевистским режимом да презрение к собственной сохранности. Ибо знали они: здесь не мелькнёт им ни полоски пощады! В нашем плену

их расстреливали, едва только слышали первое разборчивое русское слово изо рта. В русском плену, так же как и в немецком, хуже всего приходилось русским.

Эта война вообще нам открыла, что хуже всего на земле быть русским.

Я со стыдом вспоминаю, как при освоении (то есть, разграбе) бобруйского котла я шел по шоссе среди разбитых и поваленных немецких автомашин, рассыпанной трофейной роскоши, — и из пизинки, где погрязли утопленные повозки и машины, потерянно бродили немецкие битюги и дымилась костры из трофеев же, услышал вопль о помощи: „Господин капитан! Господин капитан!“ Это чисто по-русски кричал мне о защите пеший в немецких брюках, выше пояса нагой, уже весь искровавленный — на лице, груди, плечах, спине, а сержант-особист, сидя на лошади, погонял его перед собою кнутом и псаждением лошади. Он полосовал его по голому телу кнутом, не давая оборачиваться, не давая звать на помощь, гнал его и бил, вызывая из кожи новые красные ссадины.

Это была не пуническая, не греко-персидская война! Всякий, имеющий власть, офицер любой армии на земле должен был остановить бессудное истязание. Любой — да, а — нашей?.. При лютоги и абсолютности нашего разделения человечества (Если не с нами, не наши и т. д. — то достоин только презрения и уничтожения.) Так вот, я *струсил* защищать власовца перед особистом, я *ничего не сказал и не сделал, я прошел мимо, как бы не слыша* — чтоб эта признанная всеми чума не перекинулась на меня (а вдруг этот власовец какой-нибудь сверх-злодей?.. а вдруг особист обо мне подумает... ? а вдруг... ?) Да проще того, кто знает обстановку тогда в армии — стал ли бы еще этот особист слушать армейского капитана?

И со зверским лицом особист продолжал стегать и гнать беззащитного человека как скотину.

Эта картина навсегда передо мною осталась. Это ведь — почти символ Ахиллелага, его на обложку книги можно помещать.

И всё это они предчувствовали, предзнали — а наши-таки на левый рукав немецкого мундира щит с андреевским полем и буквами РОА.

Бригада Каминского из Локтя Брянского содержала 5 пехотных полков, ардивизион, танковый батальон. Она выставила часть на фронт под Дмитровск-Орловский в июле 1943. Осенью один полк ее стойко защищал Севск — и в этой защите уничтожен целиком: советские войска добивали и раненых, а командира полка привязали к танку и протащили на смерть. Из своего Локотского района бригада отступала с семьями, с обозами, больше 50 тысяч человек. (Можно представить, как, дорвавшись, прочёсывало НКВД этот автономный антисоветский район!) За брянскими пределами горькое ждало их странствие, унижительное стояние под Лепелем, использование против партизан, потом отступление в Верхнюю Силезию, где Каминский получил приказ подавлять Варшавское восстание и не сумел не пойти, повёл 1700 чел. несемейных, в советской форме с желтыми повязками. Так понимали немцы все эти трехцветные кокарды, андреевское поле и Георгия Победоносца. Русский и немецкий языки были взаимно непереводимы, невыразимы, несоответственны.

Батальоны из расформированной осинторфовской части тоже судьбу имели идти против партизан или быть переброшенными на Западный фронт. Под Псковом (в Стрелюжке) стояла в 1943 г. «гвардейская бригада РОА» из нескольких сот человек, была в контакте с окрестным русским населением, но рост ее был прегражден немецким командованием.

Жалкие газетки добровольческих частей были обработаны немецким цензурным тесаком. И оставалось власовцам биться на смерть, а на досуге водка и водка. Обречённость — вот что было их существование все годы войны и чужбины, и никакого выхода никуда.

Гитлер и его окружение, уже отовсюду отступая, уже накануне гибели — всё так же не могли преодолеть своего стойкого недоверия к отдельным русским формированиям, решиться на тень независимой, не подчинённой им России. Лишь в треске последнего крушения, в сентябре 1944 г., Гиммлер дал согласие на создание РОА из целостных русских дивизий, даже со своей малой авиацией, а в ноябре 1944-го был разрешен поздний спектакль: созыв Комитета Освобождения Народов России. Только с осени 1944 года генерал Власов и получил первую как будто реальную возможность действовать — заведомо поздною. Федералистский принцип тоже не привлёк многих: освобождённый немцами из тюрьмы (тоже в 1944-м) Бандера уклонился от союза с Власовым; сепаратистские национальные части видели во Власове русского империалиста и не хотели подпасть под его контроль; и за казаков отказывался генерал Краснов — и только за 10 дней до конца всей Германии — 28 апреля 1945 г.! — Гиммлер дал согласие на подчинение Власову казачьего корпуса. В нацистском руководстве уже наступал хаос: одни начальники разрешали стягивать русские добровольческие части в РОА, другие препятствовали. Да и реально каждый такой сражавшийся отряд было трудно вырвать с передовой, как впрочем и ост'овцев, желавших в РОА, не легко было выр-

вать с их тыловых работ. Да не спешили немцы освобождать и военнопленных для власовской армии, на освобождение — машина не прокручивала. Всё же к февралю 1945 года 1-я дивизия РОА (наполовину из локотян) была сформирована и начала формироваться 2-я. Поздно уже было и предполагать, что этим дивизиям достанется действовать в союзе с Германией; и давно таимая, теперь разгоралась во власовском руководстве надежда на конфликт Советов с союзниками. Это отмечалось и в докладе германского министерства пропаганды (февраль 1945): «движение Власова не считает себя связанным на жизнь и смерть с Германией, в нем — сильные англофильские симпатии и мысли о перемене курса. Движение — не национал-социалистическое, и еврейский вопрос вообще им не признаётся».

Двусмысленность положения отразилась и в Манифесте КОНР, объявленном в Праге (чтобы на славянской земле) 14 ноября 1944 г. Не избежать было о «силах империализма во главе с плутократами Англии и США, величие которых строится на эксплуатации других стран и народов» и которые «прикрывают свои преступные цели лозунгами защиты демократии, культуры и цивилизации» — но не было ни одного прямого поклона национал-социализму, антисемитизму или Великогермании, лишь названы были «свободолюбивыми народами» все враги союзников, приветствовалась «помощь Германии на условиях, не затрагивающих чести и независимости нашей родины» и ждался «почётный мир с Германией», который, по ситуации, был бы выше Брестского, а впрочем так же подлежал бы изменению от мира всеевропейского. В Манифесте было много старания заявить себя демократами, федералистами (со свободой отделения наций), и осторожными ножками блукала еще тогда совсем не созревшая, в себе не уверенная подсоветская общественная мысль: и «отживший царский строй», и экономическая и культурная отсталость старой России, и «народная революция 1917 года»... Только антибольшевизм был последовательный.

Всё это праздновалось в Праге по малой программе — с представителями «Богемского протектората», то есть германскими чиновниками третьей руки. Весь манифест и сопровождающие передачи слышал я тогда на фронте по радио — и впечатление ото всего было, что: спектакль — нековременный, неумелый и обречённый. В Западном мире манифест этот несколько не был замечен, никогда не добавил понимания ни на волосок — но имел большой успех среди ост'овцев: говорят, был поток заявлений в РОА (Sven Steenberg пишет — 300 тысяч) — это в безнадежные месяцы, когда Германия уже видимо рухнула и эти несчастные заброшенные советские люди могли рассчитывать против лавины закалённой Красной армии только на силу своего отворачивания от большевизма.

Какие ж планы могли быть у формируемой армии? Казалось: пробиваться в Югославию, соединяться там с казаками, эмигрантским корпусом и Михайловичем, и отстоять Югославию от коммунизма. Но прежде того: разве могло немецкое ко-

мандование в свои тяжелейшие месяцы дать у себя в тылу беспрепятственно формироваться отдельной русской армии? Нетерпеливо дёргали они на Восточный фронт — то противотанковый отряд (И. Сахарова-Ламсдорфа) в Померанию, то всю 1-ю дивизию на Одер, — и что же Власов? Покорно отдавал, всеобщий закон однажды принятой линии уступок, хотя отдачею единственной пока дивизии обесмысливался весь план создания армии. (Аргументы услужливо всегда найдутся: «Немцы нам не доверяют. Вот 1-я дивизия боевыми действиями убедит их — и тогда формирование РОА пойдет быстрее». А шло оно — плохо. 2-я дивизия и запасная бригада, вместе 20 тыс. человек, остались до самого мая 1945 г. безоружной толпой — не только без артиллерии, но почти без пехотного оружия и даже худо обмундированы.) 1-ю дивизию (16 тыс.) назначили для операции безнадежной и смертной, — и только обций уже развал Германии позволил командиру дивизии Буняченко увести ее самовольно с передовой и через сопротивление генералов пробиваться в Чехию. (По пути освобождали советских военнопленных и те присоединялись — «чтобы русским быть вместе».) Пришли под Прагу в начале мая. Тут их позвали на помощь чехи, поднявшие в столице восстание 5 мая, дивизия Буняченко 6 мая вступила в Прагу и в жарком бою 7 мая спасла восстание и город. Будто в насмешку, чтобы подтвердить дальновидность самых неведомых немцев, первая же власовская дивизия своим первым и последним независимым действием нанесла удар — именно по немцам, выпустила всё ожесточение и горечь, какую накопили на немцев подневольные русские груди за эти жестокие и бестолковые три года. (Чехи встречали русских цветами, в те дни — понимали, но у всех ли потом осталось в памяти, как и е русские спасли им город? У нас теперь считается, что Прагу освободили советские войска, — и верно, по желанию Сталина Черчилль в эти дни не спешил дать оружие пражанам, американцы задержались в движении, чтобы допустить взятие Прагу советским, а Йозеф Смрковский, ведущий пражский коммунист в те дни, не прозревая дальнего будущего, поносил предателей-власовцев и жаждал освобождения только из советских рук.)

Все эти недели Власов не проявляет себя как полководец, но обретается в потерянности, безвыходной зажатости. Он не направляет 1-ю дивизию в Пражской операции, оставляет в неопределённости 2-ю и мелкие части, — и в убегающем времени никто не находит сил для задуманного соединения с казаками. Власов последовательно отказывается только от одиночного бегства (ждал самолёт в Испании) и, видимо в параличе воли, отдаётся концу. Единственная активность его все последние недели — посылка тайных делегаций и поиск контактов с англоамериканцами, и другие члены штаба (генералы Трухин, Меандров, Боярский) делают то же.

Только тем смыслом, чтобы теперь, при конце, придти союзникам, и освещалось для власовцев их долгое висение в немецкой петле. Всё теплилась — нет, горела такая надежда: вот конец войны, вот и приходит время могучим англо-американцам потребовать от Сталина изменения внутренней политики — вот сближаются армии с Запада и Востока и над раздавленным Гитлером столкнутся! — так тут-то и выгодно Западу сохранить и использовать нас? Ведь понимают же они, что большевизм — враг всего человечества?

Нет, и близко не понимали! О, западная демократическая тупость: как? вы говорите, что вы — политическая оппозиция? да разве у вас есть оппозиция? а почему ж она никогда не заявляла о себе публично? Если вы недовольны Сталиным — возвращайтесь на родину и в первой же избирательной кампании переизберите его, вот это будет честный путь. А зачем же было брать в руки оружие, да еще немецкое? Нет, теперь мы обязаны вас выдать, иначе неприлично, да испортим отношения с доблестным союзником.

Во 2-й мировой войне Запад отстаивал с в о ю свободу и отстоял ее для себя, а н а с (и Восточную Европу) вгонял в рабство еще на две глубины.

Последней попыткой Власова было заявление, что руководство РОА готово предстать перед международным судом, но выдача армии советским властям на верную смерть противоречит международному праву как выдача оппозиционного движения, — никто того писка и не услышал, да большинство американских военачальников даже с изумлением узнавало о существовании еще каких-то русских, а не советских, естественно было передавать их по советской принадлежности.

РОА не просто капитулировала перед американцами, но молила принять капитуляцию и только дать гарантию невыдачи Советам. И средние американские офицеры, кто не охватывал большой политики, иногда по простоте и обещали. (Все обещанья эти были нарушены потом, пленных обманули.) Но всю 1-ю дивизию (11 мая, под Пильзеном) да почти и всю 2-ю американцы встретили вооруженной стеной: о т к а з а л и с ь брать в плен, отказались впустить в свою зону: в Ялте Черчилль и Рузвельт подпи-

сали обязательную репатриацию всех советских граждан, особенно военнослужащих, а добровольность или насильственность репатриации не была при том помянута, ибо где ж еще на земле в какую еще родину ее сыны не желают возвращаться добровольно? Вся близорукость Запада ступилась в ялтинских перьях.

Американцы не приняли капитулирующих, а советские танки проходили последние километры. Оставалось — или дать последний бой, или... Буняченко и Зверев (2-я дивизия) распорядились сходно: боя не было. (Это — тоже русский характер: а в д р у г ?.. всё ж — с в о и... По тюремным рассказам много знаю таких случаев безоглядной или пьяной сдачи — с в о и м.) 12 мая вооруженная полносоставная 1-я дивизия получила приказ в лесу: «Разойдись!» Одевались в штатское, спарывали отличия, сжигали документы, стрелялись. Ночью началась облава советских войск. Около 10 тысяч было убито и взято в плен, остальные прорвались в американскую зону, но и из них большая часть была выдана советским войскам, как и из 2-й дивизии, авиации, отдельных отрядов. Для их сидение в американских лагерях затянулось на многие месяцы (группа Меандрова). То ли это было американское пренебрежение, то ли намёк «разбегайтесь сами», но содержали и в голоде, как прежде немцы, и пинали и били прикладами — а охраняли слабо. И кое-кто бежал, но большая часть — осталась! Доверие к Америке? невозможность ожидать от американцев предательства? — остались ждать своей страшной судьбы, уже разлагаемые и советскими агитаторами, и самообвинениями и падением духа, и группа за группой, генералы, офицеры, солдаты, в 45-м году и в 46-м, выданы на расправу в Советский Союз. (2 августа 1946 г. советские газеты опубликовали сообщение о приговоре Военной Коллегии Верховного Суда над Власовым и одиннадцатью его ближайшими: казнь через повешение.)

В том же мае 1945 в Австрии такой же лояльный союзнический шаг (из обычной скромности у нас не оглашённый) совершила и Англия: она передала советскому командованию казачий корпус (40-45 тыс. человек), пробившийся из Югославии. Передача эта носила коварный хадактер в духе традиционной английской дипломатии. Дело в том, что казаки были настроены биться на смерть или уезжать за океан, хоть в Парагвай, хоть в Индокитай, только не сдаваться живыми. Англичане же поставили казаков на усиленный армейский паёк, выдавали превосходное английское обмундирование, обещали службу в английской армии, уже устраивали смотр. Поэтому не вызвало подозрения, когда они предложили казакам сдать оружие под предлогом его унификации. 28 мая всех офицеров от эскадронных и выше (более 2000 человек) вызвали отдельно от солдат в г. Юденбург якобы на совещание с фельдмаршалом Алексан-

дером о судьбах армии. В пути офицеры были обмануты, поставлены под сильную охрану (англичане избивали их в кровь), затем автомобильная колонна постепенно была передана в охват советских танков, затем в Юденбурге въехала в полуокружение **воронков**, около которых уже стоял конвой со списками. И даже нечем было застрелиться, заколоться — всё оружие отобрано. Бросались с высокого виадука на камни и в реку. Среди выданных генералов большинство были — эмигранты, союзники этих самых англичан по 1-й мировой войне. В Гражданскую англичане не успели их отблагодарить, возвращали долг теперь. В последующие дни так же обманно англичане передавали и рядовых — поездами, оплетенными колючей проволокой. (17 января 1947 г. советские газеты опубликовали сообщение о повешении казачьих генералов Петра Краснова, Шкуро и еще нескольких.)

Тем временем пришел из Италии 35-тысячный обоз «Казачий Стан» и остановился в долине Лиенца на Драве. Там были и боевые казаки, но много старых, малых и баб — и все не желали возвращаться на родные казачьи реки. Однако, не дрогнули сердца англичан и не затмился их демократический разум. Английский комендант майор Девис, чье имя уж верно войдет теперь по крайней мере в русскую историю, когда нужно рассыпчато привстливый, когда нужно безжалостный, — после обманного изъятия офицеров открыто объявил о насильственной выдаче 1 июня. Ему ответили тысячеголосными криками: «не пойдём!» Над лагерем беженцев появились черные флаги, в походной церкви шли непрерывные богослужения: живые служили панихиду сами по себе!.. Пришли английские танки и солдаты. Через громкоговорители распорядились садиться в грузовики. Толпа пела панихиду, священники подняли кресты, молодые составили цепь вокруг стариков, женщин и детей. Англичане избивали прикладами и дубинками, выхватывали людей, бросали их и раненых тюками в грузовики. Под напором отступавших сломался помост для священников, затем и лагерный забор, масса кинулась по мосту через Драву, танки отрезали путь, иные семьями бросались в реку на погибель, по окрестностям английская часть ловила и стреляла беглецов. (Кладбище убитых и растоптанных — сохраняется в Лиенце.)

В тех же днях так же коварно и беспощадно англичане выдали и югославским коммунистам тысячи врагов их режима (своих же союзников 1941 года!) — на бессудные расстрелы и уничтожение.

И в свободной Великобритании с ее независимой прессой до сих пор никто за 25 лет не пожелал рассказать об этом предательстве, не поднял тревогу в обществе.

(В своих странах Рузвельт и Черчилль почитаются как эталоны государственной мудрости, и памятниками великому мужу со временем может покрыться Англия. Нам же, в русских тюремных обсуждениях, выступала разительно-очевидно систематическая близорукость и даже глупость обоих. Как могли они, сползая от 41-го года к 45-му, не обеспечить никаких гаран-

тий независимости Восточной Европы? Как могли они за смехотворную игрушку четырёхзонного Берлина, свою же будущую ахиллесову пяту, отдать обширные области Саксонии и Тюрингии? И какой военный и политический резон для них имела сдача на смерть в руки Сталина нескольких сот тысяч вооружённых советских граждан, решительно не хотевших сдаваться? Говорят, что тем они платили за непременное участие Сталина в японской войне. Уже имея в руках атомную бомбу, платили Сталину за то, чтоб он не отказался оккупировать Манчжурию (укрепить в Китае Мао-Цзе-Дуна, а в половине Кореи — Ким-Ир-Сена!.. Разве не убожество политического расчёта? Когда потом вытесняли Миколойчика, кончались Бенеш и Масарик, был обложен блокадой Берлин, пылал и глож Будапешт, дымилась Корея, а консерваторы мазали пятки от Суэца — неужели и тогда самые памятливые из них не припомнили ну хотя бы эпизода с выдачей казаков?)

И даже это еще было только начало. Весь 1946 и 1947 годы верные Сталину западные союзники продолжали и продолжали выдавать ему на расправу советских граждан против их воли — и бывших военных и чисто гражданских, лишь бы с рук скачать эту человеческую неразбериху. Выдавали из Австрии, Германии, Италии, Франции, Дании, Норвегии, Швеции, из американо-германских зон. В английских зонах эти годы содержались и концлагеря, пожалуй не уступающие гитлеровским. (Например, Вольфсберг в Австрии: женщинам велют, согнувшись но не присев, срезать маленькими ножницами по одной травинке, каждые одиннадцать обвязывать двенадцатой в «сноп», и так многими часами. Что это мыслимо при британской парламентской традиции, заставляет сильно задуматься над толщиною корки нашей цивилизации.) Многие русские много послевоенных лет жили на Западе с подложными документами под гнетущим страхом выдачи в СССР, опасаясь англо-американской администрации, как когда-то НКВД. А где не выдавали — там беспрепятственно сновали советские агенты во множестве и без помех, средь бела дня, выкрадывали живых людей даже с улиц западных столиц.

Помимо создававшейся РОА немало русских подразделений к 1945 году продолжало закисать в глубинах немецкой армии, под неотличимыми немецкими мундирами. Они кончали войну на разных участках и по-разному.

За несколько дней до моего ареста попал под власовские пули и я. Русские были и в окружённом нами восточно-прусском котле. В одну из ночей в конце января их часть пошла на прорыв на запад через наше расположение без артподготовки, молча. Сплошного фронта не было, они быстро углубились, взяли в клещи мою высунутую вперед звукобатарею, так что я едва успел вытянуть ее

по последней оставшейся дороге. Но потом я вернулся за подбитой машиной и перед рассветом видел, как, накопаясь в маскхалатах на снегу, они внезапно поднялись, бросились с „ура“ на огневые позиции 152-х миллиметрового дивизиона у Адлиг Швенкиттен и забросали двенадцать тяжелых пушек гранатами, не дав сделать ни выстрела. Под их транссириующими пулями наша последняя кучка бежала три километра снежною целиной до моста через речушку Парсарге. Там их остановили.

Вскоре я был арестован, и вот перед парадом Победы мы теперь все вместе сидели на бутырских нарах, я докуривал после них и они после меня, и вдвоём с кем-нибудь мы выносили жестяную шестиведёрную парашу.

Многие „власовцы“, как и „шпионы на час“, были молодые люди, этак между 1915 и 1922 годами рождения, то самое „племя младое незнакомое“, которое от имени Пуцикина поспешил приветствовать суетливый Луначарский. Большинство их попало в военные формирования той же волной случайности, какою в соседнем лагере их товарищи попадали в шпионы — зависело от присхавшего вербовщика.

Вербовщики глумливо разъясняли им — глумливо, если б то не было истиной! — „Сталин от вас отказался!“ „Сталину на вас наплевать!“

Советский закон поставил их вне себя еще прежде, чем они поставили себя вне советского закона.

И они — записывались... Одни — чтоб только вырваться из смертного лагеря. Другие — в расчёте перейти к партизанам (и переходили! и воевали потом за партизан! — но по сталинской мерке это несколько не смягчало их приговора). Однако в ком-то же и занял позорный сорок первый год, оплошляющее поражение после многолетнего хвастовства; и кто-то же счёл первым виновником вот этих нечеловеческих лагерей — Сталина. И вот они тоже потянулись заявить о себе, о своём грозном опыте: что они — тоже частицы России и хотят влиять на ее будущее, а не быть игрушкой чужих ошибок.

Слово „власовец“ у нас звучит подобно слову „нечистоты“, кажется мы оскверняем рот одним только этим звучанием и поэтому никто не дерзнёт вымолвить двухтрёх фраз с подлежащим „власовец“.

Но так не пишется история. Сейчас, четверть века спустя, когда большинство их погибло в лагерях, а уцелевшие доживают на крайнем севере, я хотел страницами этими напомнить, что для мировой истории это явление довольно небывалое: чтобы несколько сот тысяч молодых людей в возрасте от двадцати до тридцати подняли оружие на своё Отечество в союзе со злейшим его врагом. Что, может, задуматься надо: кто ж больше виноват — эта молодёжь или седое Отечество? Что биологическим предательством этого не объяснить, а должны быть причины общественные.

Потому что, как старая пословица говорит: *от корма кони не рыщут.*

Вот так представить: поле — и рыщут в нём неухоженные оголодалые обезумевшие кони.

*
**

А еще в ту весну много сидело в камерах русских эмигрантов.

Это выглядело почти как во сне: возвращение капущей истории. Давно были дописаны и запахнуты тома гражданской войны, решены ее дела, внесены в хронологию учебников ее события. Деятели белого движения уже были не современники наши на земле, а призраки растаявшего прошлого. Русская эмиграция, рассеянная жесточее колен израилевых, в нашем советском представлении если и тянула еще где свой век, — то тапёрами в поганеньких ресторанах, лакеями, прачками, нищими, морфинистами, кокаинистами, домирающими трупами. До войны 1941 года ни по каким признакам из наших газет, из высокой беллетристики, из художественной критики нельзя было представить (и наши сытые мастера не помогли нам узнать), что русское зарубежье — это большой духовный мир, что там развивается русская философия, там Булгаков, Бердяев, Франк, Лосский, что русское искусство полонит мир, там Рахманинов, Шаляпин, Бенуа, Дягилев, Павлова, казачий хор Жарова, там ведутся глубокие исследования Достоевского (в ту пору у нас и вовсе проклятого), что существует небывалый писатель Набоков-Сирин, что еще жив Бунин и что-то же пишет эти двадцать лет, издаются худо-

жественные журналы, ставятся спектакли, собираются съезды землячеств, где звучит русская речь, и что эмигранты-мужчины не утратили способности брать в жены эмигранток-женщин, а те рожать им детей, значит наших ровесников.

Представление об эмигрантах было выработано в нашей стране настолько ложное, что советские люди никогда поверить бы не могли: были эмигранты, воевавшие в Испании не за Франко, а за республиканцев; а во Франции среди русской эмиграции в отчуждённом одиночестве оказались Мережковский и Гиппиус после того, что не отшатнулись от Гитлера. В виде анекдота и даже не в виде его: порывался Деникин идти воевать за Советский Союз против Гитлера, и Сталин одно время едва не намеревался вернуть его на родину (не как боевую силу, очевидно, а как символ национального объединения). Как и Западу целиком, так и русской эмиграции за 25 лет отрыва уже не хватало живого подсоветского опыта, чтобы трезво понимать события. Оттого и возникло в эмиграции смущение умов, вроде: „можно ли подавать власовцам руку?“ (одни — потому что „всегда за Россию“, другие — потому что „всегда за демократию“). Между прежними эмигрантами и новыми подсоветскими возникло немало раздоров, непонимания — и во время войны, у немцев, и потом после войны в союзнических лагерях. Правда, составил эмигрантский добровольный стрелковый корпус для отправки на Восточный фронт (15 тыс. человек) — да немцы послали его против Тито, и войны не было, нейтральное невмешательство. Во время оккупации Франции множество

[переход на страницу 269 книги]

Из литературного архива

Осип МАНДЕЛЬШТАМ

НЕАПОЛИТАНСКИЕ ПЕСЕНКИ *

I

Правлю я честью
Трудное дело;
Вольно и смело
Дышит рыбак.

Радуги арка
Ярко зажглась,
Милой в подарок
Рыба нашлась.

Невода петли
Крепко связала,
Заколдовала
Жажда любви.

Ах, как увертлива
Нелла-рыбачка,
Неуловима
Нелла-волна.

II

На поворотах
Лодка послушна,
Твердо направлен
Легкий разбег.

В омуте синем
Розовый бал,
Лишь бы почина
Я не проспал.

Хочешь на вёслах,
Хочешь под парус,
Неукротимый
Плавает челн.

Ах, как увертлива
Нелла-рыбачка,
Неуловима
Нелла-волна.

* В первый год ссылки в Воронеже, О. Мандельштам имел возможность работать для местного радиовещания. „На радио мы вдвоем сделали несколько передач: Молодость Гёте, „Гулливера“ для детей... О. М. часто писал вступительное слово к концертам, в частности, к „Орфею и Эвридике“ Глюка. Его обрадовало, что когда он шел по улице, из всех рупоров неся его рассказ про голубку-Эвридику... Там же он вольно перевел Неаполитанские песенки для ссыльной певицы с низким голосом“ (Н. Мандельштам, Воспоминания, стр. 148). Песенки публикуются впервые по надежной рукописи.

III

Плавится в небе
 Медленный полдень,
 В солнечных стрелах
 Искрится зыбь.

Вечером весла
 Тяжесть теряют,
 Дремлет Кияйя
 Спит Позилипп.

Падают звезды
 Море шумит,
 Весь чешую
 Невод кипит.

Ах, как увертлива
 Нелла-рыбачка,
 Неуловима
 Нелла-волна.

IV

Я снаряжаю
 Длинну полесу
 Хитрой приманкой
 Цепким крючком.

Рыбы глотают
 Воздух подводный,
 Жабрами дышат,
 Быют плавники.

И просияет
 Бедный рыбак,
 Чудо — Удача!
 Рыба — судьба!

Ах, как увертлива
 Нелла-рыбачка,
 Неуловима
 Нелла-волна.

V

Я пробегаю
 Взморья лазорье,
 Якорь кидаю
 В темной воде.

Море синее
 Неба в апреле,
 Нежной макрели
 Нету нигде.

Трудно рыбачить —
 Сердце не плачь,
 Близится время
 Новых удач.

Ах, как увертлива
 Нелла-рыбачка,
 Неуловима
 Нелла-волна.

НИНА ИЗ СОРРЕНТО

1.

На гулянье в Пьедихотта
 Посмотреть она решилась.
 Ты явилась в лучшем платье
 Мое счастье и проклятье.
 Как послушна маме дочка —
 Вся в оборочках, в кружочках.
 Из Сорренто эта лента,
 Эти черные глаза.
 Здравствуй, Нина из Сорренто, —
 Повторяют голоса.

2.

Закатился свет удачи,
 Крови нет в моем загаре.
 Спотыкаюсь, как незрячий,
 Не играю на гитаре.
 Нет, не ветер, сердца ярость
 Раздувает скромный парус.
 Не берет меня пучина —
 Солоней слеза моя.
 А в Сорренто злая Нина
 Ускользает от меня.

3.

А когда залив спокоен
 Я боюсь его прогневать:
 Под затишье роковое
 Я с кормы гляжу на невод
 И в прозрачности зеленой
 И в пучине разъяренной —

Черных кружев паутина,
Лента красная плывет.
И в Сорренто злая Нина
Не узнает, не поймет.

4.

В пестрой ракушке улитка
Равнодушна поневоле.
Глухи розовые уши.
Не дождусь счастливой доли.
Закружился мрак воздушный,
Гонит тучи ветер южный.
Содрогается пучина,
А в Сорренто злая Нина —
Уверяет: я ничья.

КАНАТЕЛЛА

1.

Умоляю, Канателла,
Чернобровая, будь скромней! 2 раза
Мне смертельно надоела
Толчея молодых людей.
Чернобровая, будь скромней!
Канателла, будь смирей!

2.

Веер карт различной масти —
Вереница разных лиц. 2 раза
Нет спасенья от напасти:
Слишком много в клетке птиц.
Чернобровая, будь скромней!
Канателла, будь смирей!

3.

Ты притопнешь, вскинешь бровью:
Что случилось? Пустяки! 2 раза
Я терпенье длил воловье,
Ревность сжала мне виски.
Чернобровая, будь скромней!
Канателла, будь смирей!

4.

Сговоримся, друг мятежный,
Жемчуг мой — мой острый нож: 2 раза
Отточь свой выбор нежный
Иль на кровь меня толкнешь.
Чернобровая, будь скромней!
Канателла, будь смирей!

Воронеж, лето 1935

Нина МУРАВИНА

**В. ВОЙНОВИЧ — «ЖИЗНЬ И НЕОБЫЧАЙНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ
СОЛДАТА ИВАНА ЧОНКИНА», изд. «ИМКА-ПРЕСС»,
ПАРИЖ, 1975.**

Первые две части романа-анекдота Владимира Войновича «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина», вышедшие недавно в издательстве «Имка-Пресс», отличаются от большинства самиздатских рукописей, опубликованных за рубежом, уже тем, что рассчитаны не на критически мыслящего советского интеллигента, а на того простого читателя, до которого самиздат почти никогда не доходит. Можно с уверенностью предсказать, что если бы эту книгу решились опубликовать в Советском Союзе, разошлась бы она там в десятках миллионов экземпляров и её запоем читали бы те рядовые рабочие и колхозники, которые обычно редко покупают и читают книги. Причина этого в том, что Войнович хорошо знает, как живётся сегодня на Руси простым людям. Несмотря на фантастический сюжет, всё в его «романе-анекдоте» знакомо и понятно простому читателю, потому что взято из самой жизни. Нет в книге ни надуманных ситуаций, ни сочиненных из головы персонажей. Русский читатель, алчущий правды, несомненно высоко оценил бы эту её особенность и вместе с автором рад был бы посмеяться над собой и над своей нелепой и странной жизнью.

Начало работы над романом Войнович относит к 1963 году. Видимо, образ Чонкина возник перед ним через десять лет после того, как прозвучали с кремлёвской трибуны призывы Маленкова возродить почти исчезнувшую из советской литературы сатиру. Поверив этим призывам, Твардовский написал своего «Тёркина на том свете», поставленного в шестой номер «Нового мира» за 1954 год и «по приказу сверху» тут же разобранного, чтоб ещё девять лет пролежать «в столе».

Хотя в романе Войновича описываются события предвоенной и военной эпохи, а не послевоенной, как в поэме Твардовского, оба произведения одинаково направлены против стены бюрократической нелепицы, со всех сторон обступившей простого советского человека. Примечательно, что уже Твардовский, вначале

изображавший Тёркина, как удачливого, всеми любимого солдата-весельчака, вынужден был во второй своей поэме нарисовать такие мытарства своего окружённого бюрократическими порядками героя, перед которыми не может устоять и самый добродушный и жизнерадостный характер. Войнович пошёл ещё дальше. Он избрал своим героем солдата-неудачника, над которым глумятся за его простоту все, кому не лень: и товарищи, и начальство, и который из-за этого «вообще любил разговаривать с лошадью больше даже, чем с людьми». Не раз случалось мне выслушивать солдатские исповеди, почти буквально совпадавшие с нарисованной Войновичем картиной.

Так именно и бывает у нас в армии: отправят нелюбимого (слишком тихого или слишком интеллигентного) солдата на кухню, заставят изо дня в день чистить картошку. И хам-старшина начнёт помыкать им, гонять его: встань-сядь, встань-сядь, пока у него в глазах не потемнеет от бессмысленности этого вставанья, от придирок и от обиды. Думаю, что страницы о том, как старшина Песков муштрует безответного колхозного конюха Ивана Чонкина, нашли бы отзвук в сердцах многих советских людей, переживших эту муштру на собственном опыте.

Правдивыми штрихами обрисованы и детские невзгоды Ивана, послужившие суровой подготовкой к его взрослой жизни: первый в его биографии горький анекдот — расправа над приютившими его сердобольными родственниками:

«В известное время стали искать в деревне кулаков, да ни одного не могли найти. А приказано было найти обязательно, хотя бы для примера. Тогда нашли Чонкиных, которые эксплуатировали чужой, да к тому же ещё и детский труд. Чонкиных сослали, а Иван попал в детский дом».

Автор не ставит перед собой цель: нарисовать картину. Он довольствуется штрихами, но штрихами обобщающими и исполненными для простого русского читателя особого, и пожалуй только ему понятного значения. — Так именно и бывало. Где не было кулаков, там «приказано было их найти обязательно», — согласится читатель, прочитав приведённые выше строки. — Всё чистая правда! Так вот и попадали ни в чём не повинные люди в «классовые враги»: одни за свою сердечную доброту, другие — за нелады с местным начальством, третьи — по навету.

О том, что В. Войнович знает деревню, свидетельствует и его рассказ о почтальонше Нюре. Читая о несчастьях, обрушив-

шихся на её семью, не знаешь, плакать ли или смеяться (горя столько, что переходит оно эстетические границы трагического и, как всякий гротеск, вызывает смех, на первый взгляд, как будто и неуместный). Один брат сгорел, второй — скончался от сыпного тифа; мать умерла, потому что председатель колхоза отказался дать машину, чтобы отвезти её к врачу, и велел дожидаться попутной... А та подросла, когда уже ничего другого не оставалось, как везти покойницу на кладбище... Бросив семью, ушёл в город отец. Из-за отсутствия житейской цепкости и из-за бесхитростной простоты не повезло Нюре с первыми двумя посватавшимися к ней женихами. А тем временем подросли в деревне невесты помоложе. И вот оказалась Нюра в двадцать четыре года в положении безнадежной «старой девы», которой ничего другого не остаётся, как вековать век одной или без раздумья принять первого встречного. Мало того, что, потеряв надежду на замужество и даже просто на мужскую ласку, пришлось Нюре всю свою нерастраченную женскую нежность отдать курам, корове и кабану Борьке, в деревне ещё и слух распустили, будто живёт она со своим любимым кабаном, как с мужем.

Анекдот? Но русский деревенский человек опять же скажет, что и это — чистая правда, что таких Нюр пруд пруди и что так именно это у нас и бывает... К числу удачных, запоминающихся образов, нарисованных Войновичем, относится и несчастный, кающийся, вечно во всём сомневающийся, доведённый угрозами начальства почти до мании преследования председатель колхоза Голубев, которого заставляют «сверху» сеять по мёрзлой земле и составлять фальшивые отчёты. Голубев чувствует себя кругом виноватым, не знает, как выпутаться, и даже об аресте думает, как о выходе из положения. Сколько у нас было таких несчастных председателей в дохрущёвские и даже хрущёвские времена! Если бы кто-нибудь подсчитал, сколько оказалось среди них самоубийц, повесившихся, либо застрелившихся из охотничьего ружья, запуганных своей беспомощностью, угрозами и грубостью начальства и нависшим над ними позором утраты партбилета, получилась бы, по меньшей мере, солидная четырехзначная цифра. Однако, и здесь, как в биографии Нюры, трагическое то и дело переходит в смешное. Невозможно, например, без смеха читать объяснение Голубева с Чонкиным, которого председатель подозревает в том, что тот прислан, чтоб за ним следить и доносить на него. Острастки ради, Голубев произносит единственное знакомое ему иностранное слово: «Кес ке се». И это непонятное сло-

во пугает и выводит из равновесия Чонкина, который безропотно смиряется с муштрой, горем, насмешками и издевательствами. Их он понимает. Зато непонятное «кес ке се» раздражает его и нарушает его душевный покой.

«Ты чего это, чего? Чего говоришь-то? — забеспокоился Чонкин и в волнении заходил по комнате. Ты, слышь, это брось такие слова говорить. Ты говори, чего надо, а так нечего. Я тебе тут тоже не с бухты-барухты».

Штрих этот, как будто и незаметный, опять же свидетельствует о тонком знании психологии простого русского человека, который порой (особенно спяну) реагирует на пустяки гораздо сильнее, чем на привычные для него серьёзные обиды и оскорбления... В армейских эпизодах, в истории скоропалительного сближения Чонкина с Нюрой и его знакомства с председателем колхоза Голубевым анекдотические черты неотделимы от реалистических. Однако, было бы ошибкой объяснить анекдотические положения, в которые ежеминутно попадает герой романа, желанием автора позабавить читателя «приятной развлекательностью», как это сделал рецензент из газеты «Русская Мысль».

Войновичу незачем заботиться о нарочитой внешней «развлекательности», потому что современная советская жизнь анекдотична уже по своей внутренней природе. Недаром первые годы после смерти Сталина ознаменовались появлением неслыханного количества анекдотов, свидетельствовавших о проблесках внутренней свободы, ибо, по верной мысли Аполлона Григорьева, смех — признак нравственного освобождения от зла.

Это коренное зло, увечающее и отравляющее советскую жизнь, заключается в остром и постоянном несоответствии между повседневным русским народным бытом и навязанными народу внешними организационными формами и идеологическими штампами. Именно несуразное и уродливое преломление этих все еще чужеродных элементов в современной русской жизни и заставляет читателя смеяться до упаду, читая «Необычайные приключения Чонкина». Думаю, что в театральной инсценировке шли бы они под такой же неумолкающий смех, как в прошлом веке актуальный тогда гоголевский «Ревизор».

Справедливости ради следует заметить, что реалистическим эпизодам первой части значительно уступают и по содержательности, и по художественности сны Чонкина, надуманные, растянутые, нарочито усложнённые и напоминающие лубочные страницы из «Мальчиша-Кибальчиша» и из других детских повестей

Гайдара. Произвольной кажется и политическая тематика этих снов и обязательное присутствие в каждом из них Сталина.

Вторая часть «Романа-анекдота» начинается с описания того, как при первом же известии, что Германия напала на Советский Союз, жители Красного «сами по себе» сбежали к конторе, и как парторг, по требованию районного начальства, сперва разогнал их, а потом с помощью бригадиров снова собрал, чтобы «проявить правильное руководство массами». В главе, посвящённой этому событию, много и смешного, и горького. Однако, за описанием нелепого собрания и рассказом о том, как бабы наперегонки помчались после него в сельпо и устроили свалку, пытаясь поделить имевшиеся там в наличии скудные запасы мыла, соли и спичек, автор совсем упускает из виду явления куда более важные. Ведь помимо обычных у нас нелепостей и несуразностей было в эти дни и огромное народное горе, прощанье матерей и жён с уходившими на войну сыновьями и мужьями; были тысячи добровольцев, готовых встать на защиту родной земли и потом погибших из-за очередной глупости или нерасторопности тех, кто руководил обороной страны. Но в романе Войновича, претендующем на значение своеобразной сатирической эпопеи, ни единым штрихом не упомянуты ни эти добровольцы, ни звучавший по ночам в деревне вой матерей, причитавших и оплакивавших своих забранных в солдаты ребятюшек. Из-за этого в начале второй части колхозники выглядят нарочито окарикатуренными, лишёнными даже тех привлекательных человеческих качеств, которые несмотря на все наши несчастья, всё ещё свойственны простому русскому человеку.

Войнович грешит против правды и тогда, когда пишет, что «Нюра, хотя и не умела этого делать, перекрестила» Чонкина. Если б фраза эта относилась к городской женщине, деталь могла бы при известных обстоятельствах казаться правдоподобной. Но в деревне, даже если церковь расположена за сто километров, и даже в Сибири, где действующие церкви есть только в городах, нет женщины, которая «не умела бы» перекреститься или перекрестить того, кого любит. Здесь же речь идёт о деревне, расположенной не так уже далеко от фронта. Значит, где-то в центральной России или на Западе, где до церкви всегда можно дойти пешком, даже не садясь в поезд. Нюра, родившаяся в канун революции, конечно, крещёная. (Некрещёных тогда в деревнях не было). Она и молитву, хоть одну, да помнит с детства, и праздники знает, а не только умеет перекрестить.

Войнович пытается намекнуть здесь на духовное одичание современного колхозника, которое произошло от того, что советская власть, разрушая христианские традиции, ничего не сумела дать взамен. Но коснулся он этой важнейшей для русской культуры темы крайне поверхностно. Куда правдивее и убедительнее выглядели бы в романе детали, показывающие, что ни систематической антирелигиозной пропаганде, ни насилию и репрессиям против верующих, ни школе, ни радио, телевидению, кино и газетам, внедряющим коммунистическую идеологию, не удалось до конца вытравить из деревни христианских обычаев и обрядов, а порой и проблесков христианского сострадания к людям и правдолюбия, свойственных тому «просвещённому крестьянству», которое, по мнению Солженицына, было едва ли не высшим из всего, созданного веками дореволюционной русской истории.

Повидимому, Войнович над этим вопросом глубоко не задумывался. Да позволительно будет напомнить ему, что немногочисленные в период войны действующие церкви по праздникам всегда были переполнены такой многолюдной (пусть даже и одичавшей) толпой, что там и раздавить могли насмерть, и упавших в обморок от духоты выносили оттуда едва живыми, потому что никак не могли они вместить всех желавших присутствовать на богослужении, а народ, несмотря на это, валом валил. Невозможно и сосчитать, сколько деревенских баб с ребятами съезжалось в канун Пасхи в церкви и в старинные монастыри, чтоб промучившись сутки под открытым небом или на холодном полу, лежа вповалку как на вокзале, всё-таки освятить куличи и яички и простоять Заутреню. Видевши всё это собственными глазами, я уже не могу поверить, чтоб в какой-нибудь, даже самой ледащей и заброшенной деревне жила родившаяся в 1916 году женщина, которая «не умела» бы перекреститься. Куда убедительнее, на мой взгляд, выглядит конец второй части, где Войнович рассказывает о том, как ведёт себя начитавшийся научно-популярных брошюр «селекционер-самородок» Гладышев, обнаруживший загадочную записку под копытом убитого мерина Осоавиахима:

«Господи! — воскликнул Гладышев и впервые за много лет перекрестился», — пишет Войнович. Что правда, то правда. Даже безбожник Гладышев, да и любой деревенский коммунист в минуту волнения способен перекреститься, забыв о своём партбилете и даже не отдавая себе отчёта.

Конечно, сатирик имеет право на преувеличение и абстрагирование отрицательных явлений. Будь перед нами произведение

одностороннее и чисто сатирическое, в манере Салтыкова-Щедрина мы бы, пожалуй, воздержались от упреков автору в том, что, выставляя на первый план нелепые стороны современной русской жизни, он минутами забывает о тех проявлениях русского народного характера, которые, несмотря ни на что, не дают до конца угаснуть надежде на духовное исцеление.

Но о жанре «Необычайных приключений солдата Ивана Чонкина» можно спорить и спорить. Роман-анекдот не укладывается в прокрустово ложе односторонних сатирических абстракций уже потому, что в центре его стоят образы Чонкина и Нюры, воплощающие в себе дорогие автору народные черты. Поэтому, несмотря на своеобразие избранного Войновичем жанра, мы вправе требовать от него большой точности и в выборе второстепенных деталей и той верности объективной жизненной правде, без которой не может существовать никакая проза, ни сатирическая, ни лирическая.

«Огрехи» автора тем досаднее, что во второй части, как и в первой, то там, то сям разбросаны щедрой рукой живые, талантливые, исполненные искромётного юмора эпизоды. Это разговор колхозницы Нинки с притворяющейся глухой бабой Дуней, у которой первая собирается отобрать соль и мыло; описание появления в Красном выдвиженки-орденоноски Люшки Мякишевой, давно «обитающей» в Москве, примчавшейся в родной колхоз, чтобы чмокнуть в щёку давно уже ставшего чужим мужа, произнести речь, заплакать от жалости к «товарищу Сталину, который один за всех нас думает» и «подняв пыль столбом, укатить в свои высокие сферы».

Фантастические эпизоды и сны уживаются во второй части книги с реальными гораздо непринуждённее и художественнее, чем в первой. Ходульные фразы похвального своей «учёности» Гладышева о превращении обезьяны в человека вызывают у Чонкина вопрос: «Почему лошадь не становится человеком?» (Уж лошадь-то куда больше обезьяны трудится).

Это даёт толчок дальнейшему развитию сюжета и произвольному сплетению реального с вымыслом. Гладышеву является во сне работающий колхозный мерин Осоавиахим, обретший дар речи. «Самородок-мичуринец» придирчиво допрашивает мерина, с кем он будет на войне, со своими или с немцами? А затем, найдя в избе потерянную Осоавиахимом подкову, вдруг убеждается, вопреки своему научному мировоззрению, что говорящий мерин навещал его не во сне, а наяву. Фантастический переход Осоавиахи-

ма с лошадиной колесницы на человеческую увенчивается тем, что он «погибает, как коммунист». И каким жалким оказывается это доведённое до апофеоза «очеловечивание»: сначала мерин разделяет с людьми тупую и тяжкую работу, а потом погибает в случайной перестрелке. Гладышев находит у него под копытом записку, которой он, как и окружающие его люди, пытается придать смысл своей нелепой и бессмысленной смерти: «Если погибну, прошу считать коммунистом». Здесь сатира Войновича поднимается до уровня талантливой и многоплановой обобщающей художественной прозы. Читатель убеждается, что автор обладает богатым и живым воображением и что он не только остро подмечает бытовые подробности, но и способен на большее — на художественный синтез явлений.

Войнович мастерски владеет развитием сюжета. Тема романа — доведённые до абсурда административно-бюрократические нелепости, со всех сторон обступившие простого человека в Советском Союзе, где «бумажка о сделанной работе» для начальства «важнее самой работы», — находит под пером писателя образное и многогранное воплощение. Сюжет первой части заключается в том, что начальник воинской части, узнав, что подле села Красного упал потерпевший аварию самолёт, ради проформы посылает оказавшегося у него под рукой рядового Чонкина охранять его, а потом забывает и о самолёте, и о Чонкине. Солдат же, прибыв в Красное, в ожидании дальнейшего приказа поселяется у одинокой почтальонши Нюры, возле огорода которой упал самолёт, знакомится с её соседом мичуринцем Гладышевым и с другими обитателями села.

Во второй части действие происходит уже во время войны. Нюрина корова съедает выращенный Гладышевым гибрид картофеля с томатом, который не даёт ни плодов, ни клубней, а только траву. Рассвирепевший Гладышев пытается из-за этого убить обязанного сторожить корову солдата, а когда это не удаётся, пишет на него донос в «воинственное учреждение, которое вело истребительную войну против собственных граждан» «по принципу: бей своих, чтоб чужие боялись». Начальник учреждения — капитан Миляга, прочитав о «дезертире, предателе Чонкине», решает, что «пора приниматься за претворение в жизнь указаний Верховного главнокомандующего» и посылает своих сотрудников, чтоб арестовать солдата. Вместо этого Чонкин сам берёт их в плен, а затем захватывает и самого Милягу, приехавшего узнать, что стряслось с его подчинёнными. Исчезновение «учреждений» оста-

ётся незамеченным так же, как и исчезновение рядового солдата, пока не спохватывается секретарь райкома Рёвкин, решивший отдать самого себя под арест. Рёвкин из разговора с председателем колхоза узнаёт, что сотрудников «районной организации» держит у себя «Чонкин с бабой», додумавшийся использовать их на трудовом фронте. Секретарю райкома слышится «Чонкин с бандой». Он поднимает тревогу. В центре решают, что в тыл проникли немцы, и посылают против «банды Чонкина» воинскую часть во главе с генералом. «Чонкин с бабой» оказывают героические сопротивление атакующим их войскам. Изумленный генерал, руководивший операцией, вначале решает наградить Чонкина орденом, но тут вмешивается Миляга, и дело кончается арестом солдата...

На канву остроумного сюжета Войнович нанизывает живые, сатирические эпизоды. Как бы мимоходом, он метко и убийственно разоблачает нравы «учреждения» и характеры работающих там «серых людей», продажных, в любую минуту готовых переменить сторону немцев, жестоких и наглых с простым народом и одержимых страхом перед начальством. Это всегда улыбающийся, способный ни за что убить неповинного человека капитан Миляга — бывший тюремный надзиратель; тупой деревенский парень-сержант Свинцов, не раздумывая, становящийся палачом; продажная вертихвостка Капа.

К лучшим страницам романа-анекдота принадлежит история сапожника — Моисея Сталина, однофамильца «отца народов», которого подчинённые Миляги арестовывают и избивают за его фамилию, и который заранее, на опыте прежних своих арестов, знает, что, заглянув в его документы, палачи до смерти перепугаются, отпустят его и даже вставят ему выбитые зубы. Зная этот обычный ход событий, сапожник ведёт себя со своими мучителями с непривычной для них независимостью.

— Что, испугался, бандит? — злорадствует он, заметив растерянность Миляги, прочитавшего в паспорте его фамилию. — Если кто-нибудь узнает, что вы арестовали и били Сталина, пусть даже не того Сталина и даже не его папу, а просто какого-нибудь Сталина, Боже мой, вы даже не представляете, что с вами будет!

Не без меткого юмора рассказывает автор о великодушном сострадании сапожника к «антисемитке Капе», на которую он смотрит «как на несчастную калеку», и о его многострадальной жене Циле, которая утешает себя в своих несчастях тем, что пересчитывает на пальцах, каких великих людей создала еврейская нация и интересуется людьми только если они — евреи, а

в противном случае тут же теряет к ним интерес. Невозможно без смеха читать и о появлении «серых людей» в селе, о том, как колхозный счетовод Волков отрекается от лежащего под столом председателя Голубева, пытавшегося съесть свой липовый отчёт и упавшего в обморок при виде пистолета; как он на вопрос лейтенанта бормочет: «Не знаком!»; как Свинцов, «приставив к его носу огромный красный кулак» поучает его: «Тебя лейтенант вежливо спрашивает, так ты, падло, вежливо отвечай!» Или о том, как проезжая на приبلудном мерине Осоавиахиме мимо полей по дороге в Красное капитан Миляга рассуждает: «Эх до чего наша природа красивая! В какой ещё стране найдёшь такие сосны, берёзки и прочее?», хотя «ни в одной другой стране Миляга в жизни своей не бывал, но по врождённому патриотизму был убеждён, что достойная внимания растительность там вовсе не водится». (Эта выразительная тирада бесспорно вызовет в памяти читателя небезызвестное письмо Паустовского, рассказывавшего о том, с какой подозрительностью один из таких Миляг отнёсся к его восхищению Средиземным морем во время плавания на туристическом пароходе).

Столь же характерны и жалобы подвыпившего председателя Чонкину: «И Борисов матом, и Рёвкин матом. И из обкома позволяют, тоже слова без мата сказать не могут»; и рассказ о том, каких успехов добился Чонкин, додумавшийся заставить взятых им в плен здоровяков работать в колхозе, и как «известие о звене Чонкина» дошло до самого Сталина.

Однако, Войнович не удовлетворяется одними лишь поисками юмористических и смехотворных положений. Он мастерски разоблачает и невежество «самородка» Гладышева, и цену квасного патриотизма Миляги, и беспринципность генерала Дронова, и слабохарактерность председателя Голубева.

Перед читателем встает целая галерея портретов, настолько типичных и насыщенных, что в каждом из них воплощены черты целой социальной группы. Образ всегда улыбающегося начальника районного отдела КГБ Миляги достигает апогея, когда этот наглый палач и садист, бежав от пьяного Чонкина и попав руки принявших его за немца разведчиков, решив, в свою очередь, что попал к немцам, начинает кричать: «Ес лебе геноссе Гитлер! Хайль Гитлер!» с такой же холуйской угодливостью, как прежде кричал: «Да здравствует товарищ Сталин!»

Читатель убеждается, что именно так вёл бы себя Миляга на фронте при встрече с настоящими немцами. С помощью анекдо-

тической ситуации Войнович до конца разоблачает здесь сущность этого капитана КГБ, который всю жизнь был предателем по отношению к родному народу. Это разоблачение столь же закономерно, как и превращение скромного и безответного солдата Чонкина в бесстрашного героя, которым завершается вторая часть «Романа-анекдота».

Невозможно удержаться от горького смеха, читая последний эпизод — рассказывающий о том, как Чонкин один выдерживает атаку стрелковой части, руководимой генералом Дрыновым, выдвинувшимся по службе благодаря доносу на своего комбата и предложению «обстреливать собственных солдат осколочными снарядами в целях подготовки к войне».

Верный себе, этот генерал-предатель и теперь с готовностью приносит своих солдат в жертву. Трудно вообразить себе более бестолковую и нелепую атаку: солдаты в зимних маскхалатах ползут по зелёному лугу, подставляя себя под обстрел, и швыряют неподожжённые бутылки с горючим «просто так», потому что командир сам не знал, что их полагается поджигать. И хорошо ещё, что, на счастье этих солдат, выслали их против «Чонкина с бабой». А что бы было, если б повёл их генерал Дрынов против всамделишного врага... Да из них ни одного бы в живых не осталось...

Можно было бы закончить рецензию, остановившись лишь на перечисленных мною многозначительных эпизодах, раскрывающих, пусть в форме анекдота нашу современную русскую трагедию. Однако, книга, к сожалению, не лишена и недостатков. Относятся они в основном к языку. Ненужными кажутся, на мой взгляд, вклинивающиеся в художественную ткань серые газетные абзацы, общими фразами рассказывающие о подготовке Гитлера к войне и о международной политике, неуместные в романе и ничем новым читателя не обогащающие. Натянутым, неестественным и чуждым по духу книги кажется и диалог между «двумя районными мыслителями», обменивающимися серыми словами. То вдруг довоенный председатель колхоза Голубев начинает рассуждать о Жан-Жаке Руссо. (Да много ли у нас в стране председателей, перед войной почти сплошь доморощенных и необразованных, знали это имя?).

Недоучка Гладышев строчит в романе донос о том, что Чонкин «высказывал незрелые мысли и недоверие к марксистско-ленинскому учению, а также к трудам Ч. Дарвина о происхождении человека, в результате которых обезьяна в человека превратилась посредством труда и осмысленных действий». Несмотря на отсут-

ствие согласования между фразами, это язык учёных совсов областных, а то и столичных институтов, а не малограмотного колхозника.

Встречаются и неверные детали. Например, автор пишет, что Гладышев занимал «неприметную» должность колхозного кладовщика. Тогда как, в действительности, должность эта всегда (и тем более во время войны) считалась, да и считается в колхозе спокойной и завидной, так как и от ответственности и от физической работы освобождает, и позволяет красть исподтишка. Можно упрекнуть Войновича в том, что даже монологи его главных героев иногда недостаточно продуманы и лишены индивидуальной окраски. Например, Нюра — полуграмотная деревенская почтальонша, которая сама не в состоянии написать даже письмо, рассуждает о Чонкине: «Ведь не скажешь про него, что паровоз изобрёл или атомное ядро расщепил, а хоть бы что-нибудь сделал, проявил себя, и за то спасибо». Никогда никакая колхозница не станет думать о своём Ванюше так мудровато. Да к тому же автор, видимо, забыл второпях что описывает последний довоенный год, когда атомное ядро ещё не было расщеплено и даже учёные-физики ничего о нём не знали.

Особенно много таких «перехлёстов» связано с фигурой Гладышева — самого учёного человека в деревне. Гладышев, например, объясняет уважительно слушающему его Чонкину: «Мы привыкли относиться к дерьму с такой брезгливостью... Встаёт вопрос, не лучше ли, отбросив предубеждение и ложную брезгливость потреблять его в чистом виде».

В народе у нас говорят «гребать» вместо брезговать. И ни один деревенский мужик, даже начитавшийся, как Гладышев, научно-популярных брошюр, не произнесёт таких слов, как: «ложная брезгливость», «предубеждение», «встаёт вопрос». Это слова из лексикона городского лектора, но не колхозника.

В первой части Войнович рассказывает и о том, как деревенская девочка снимает с головы «шёлковый бантик» и повязывает поросёнку. Да много ли видел автор в наших деревнях в канун войны шёлковых бантиков? Может и были шёлковые ленточки у председательской дочки — одни на всю деревню. Но уж и она берегла их для праздников, а не повязывала поросёнкам. Кое-где бытописание переходит у Войновича уже в «голый анекдот». Например, когда на вопрос, кого она больше любит, папу или маму, та же девочка отвечает: — Сталина.

Без мотивировки штрих этот звучит неубедительно. Ведь речь здесь идёт не о городской жизни, а о деревенской, более просто-душной и непосредственной. Да и не употребляют в деревне дети городских слов «папа» и «мама», а скажут «папка», «мамка», или «мамания», а то и «батьа», по старинке. Досадно и то, что встречаются подчас в тексте такие фразы, как «хотелось откусить этот симпатичный куст неразвитого гибрида» и пр.

Думаю, что не так уж трудно устранить все эти сравнительно немногочисленные «огрехи» и что от этого «Роман-анекдот» В. Войновича выиграл бы в своих художественных качествах.

Е. К. ГЕРЦЫК

ВСТУПЛЕНИЕ К «ВОСПОМИНАНИЯМ» *)

Я начала писать эти воспоминания с мыслью рассказать о некоторых поэтах и писателях эпохи символизма, которых я и сестра моя, поэт Аделаида Герцык, знали близко и в течение долгого времени. Одни из них теперь забыты, умышленно или нет, другие давно опорочены (?), или же на страницах литературных воспоминаний их профили нарисованы карикатурно искажёнными (например, в книгах Белого). Ни оправдывать, ни подкрашивать их в защитные цвета я не хочу — пытаюсь только дать их облик со всеми их особенностями, и с той талантливостью, в которой им теперь готовы отказать, но и с теми нелепостями, которые я видела в них и тогда, как вижу теперь. Но перебирая тех, о ком я действительно могу что-то рассказать, я убедилась, что их очень немного, потому что минутные встречи с десятками других писателей среди шумихи литературных кружков не дают мне материала, чтобы сказать о каждом из них что-то своё, лично наблюдённое. Главная причина этого в том, что как я, так и сестра моя были глубоко интимными людьми, камерного стиля. Все модернистские салоны всех толков, будь ли то кружок Мережковского, группа «Аполлон» и т. д. были нам одинаково чужды, и мы избегали бывать в них. Быть может, причина здесь не только в нас, но и в характере тех кружков. Всюду мне виделась только гримасничающие маски — хотя, конечно, за масками были и лица, одни страдающие, другие творчески-вдохновенные. Так случилось, что я прошла, не остановившись, мимо того, кого теперь я вижу в центре эпохи и «демоном» её, мимо Блока. Две всего встречи (слова утрачены)... безразличный вопрос (нрзбр)... Блоковского голоса, неподвижность прекрасной маски, вот всё, что запомнилось (нрзрб)... отталкивали от него. А ведь это был Блок с той мятежной, мятущейся душой, которую мы теперь узнали и которая из того прошлого мира — сейчас всех ближе. И вот — у меня нет Блока, услышанного моим ухом, почувствованного своєю рукой!

*) В издательстве YMCA-PRESS вышли распространенные в Самиздате **Воспоминания** Евгении Казимировны Герцык (1875-1944), обрисовывающие с большой глубиной и талантливостью крупнейших участников русского религиозного ренессанса: Н. Бердяева, Л. Шестова, С. Булгакова, М. Волошина и др. (Париж 1973, 180 стр.). Вступление к ним было получено на Западе уже после выхода книги из печати.

Итак, я могу говорить только о тех, кого знала в интимной и душевной раскритости, за рабочим столом, в творческих исканиях. (слова утеряны)... Все эти встречи были вместе с тем историей моего жизненного (?) пути.

Вспоминая о них, я вместе с тем поневоле вспоминаю и о том, на какие духовные запросы они отвечали — или не отвечали. Какие же были мы — сестра моя и я, и почему мы были такие? И вот я обратилась к истории нашего детства, нашей юности — до всех литературных встреч — чтобы среди многих текущих ручейков той эпохи найти **свой**, неприметный, но на других не похожий.

Поскольку это касается поэта — Ад. Герцык, занимавшей хотя скромное, но неоспоримое место среди поэтов-символистов, это, конечно, оправдано. Но я? Зачем мне (слова утеряны)...

И однако я не ищу этому оправдания. Вернее, оправдание в том, что как сестра моя, так и я отражали своё время, перевал веков. Не будучи типичными в том смысле, что было много таких, как мы, — наоборот, везде — на курсах сперва, в литературных кружках позднее, — я тоскливо переживала одиночество, непохожесть с ними. Но эта-то одиночество и была приметой эпохи, её движущей силой и её немощью. И она сводила с другими, столь же одинокими, и возникавшие отношения потому и были так интенсивны, глубоки и длительны. Только одинокие по-настоящему знают дружбу.

Значение их всех (и нас) в том, что мы **уже тогда** (в первые года века) пришли к переоценке идеалов гуманизма, либерализма, всего «высокого и прекрасного», «добра и справедливости» (Шестов, потом «Вехи», «Проблемы идеализма», Бердяев), к которым герои Фейхтвангера и др. антифашистов, и не только герои, а и они сами, приходят только сейчас, когда перед ними оскалилась страшная пасть.

Текст письма плохо сохранился, на сгибах слова стерлись, в некоторых местах текст разорван. **Прим. Ред.**

Славянский Институт в Париже издал в январе этого года библиографию сочинений Льва Шестова*). Эта книга является второй из новой серии **Русские писатели во Франции**, которую Славянский Институт начал издавать в 1973 г. под руководством проф. Бонамура и под редакцией Т. Осоргиной. Первый труд этой серии посвящен Библиографии сочинений М. Осоргина**)

Славянский Институт также подготавливает библиографии сочинений других русских писателей, живших во Франции, и мы надеемся, что это начинание будет пользоваться заслуженным успехом. Библиографии главным образом предназначены для исследователей и библиотек, но также могут заинтересовать литературоведов и философов. Эти библиографии особенно ценны в наше переходное время, когда старая эмиграция уступает место новой и должна передать ей и России духовные и культурные ценности, которые она создала на чужбине.

В библиографии Шестова отмечены 80 русских книг и статей и 127 изданий на разных языках. Библиография состоит из следующих частей:

Краткая хронология жизни Шестова.

1. Сочинения (12 томов на русском языке и переводы).
2. Антологии (10 томов на французском, английском, немецком и голландском языках).
3. Статьи и частичные издания (67 статей и частичных изданий на русском языке и переводы).
4. Таблицы.

*) *Bibliographie des œuvres de Léon Chestov établie par Nathalie Baranoff. Institut d'Etudes Slaves, Paris 1975. XVIII - 36 p., 32,10 F.*

**) *Bibliographie des œuvres de Michel Ossorguine établie par N. Barmache, D. M. Fiene et T. Ossorguine. Institut d'Etudes Slaves, Paris 1973. XVI - 211 p., 42,80 F. Cette bibliographie comprend environ 2.000 titres complétés par plusieurs tables et index.*

В порядке дискуссии

ДУХОВНЫЕ ПЕРЕПУТЬЯ «КОНТИНЕНТА»

Одновременно с этим выпуском «Вестника» выйдет четвертый номер нового журнала «Континент», основанного осенью 1974 года на Западе неутомимым старанием известного писателя В. Максимова.

Редакция «Вестника» желает «Континенту» всяческого успеха на его высоком поприще: дать слитный голос опыту всей Восточной Европы. Помещая критический разбор ряда статей, появившихся в первом номере «Континента», редакция «Вестника» не нарушает дружеских отношений между журналами. Poleмика и критика должны сопутствовать журнальному плюрализму. Необходимо только, чтобы полемика шла на высоком уровне, на уровне мысли, а не частных фактов, не вдаваясь в развязный тон. Этому уровню вполне отвечает печатаемая ниже статья, полученная нами из Советской России. Ред.

Отношение к новопоявившемуся журналу в большой степени зависит от того, чего читатель заранее от него ожидает, и от того, на что журнал сам по себе претендует, т. е. чего от него ожидают его авторы. Поскольку мы от таких впечатлений отвлекаемся и рассматриваем журнал как таковой, первый номер «Континента» представляется весьма удачным начинанием. Журнал во всяком случае интереснее, чем, например, «Новый мир», издававшийся Твардовским, и, пожалуй что, не менее интересен, чем ряд русских эмигрантских изданий. Таким общим положительным впечатлением можно было бы и ограничиться и, откладывая книжку, сказать: «Вот и еще один, как хорошо», — если бы не претензии и ожидания.

Начнем с того не совсем обычного факта, что журнал выходит не только на русском, но и на немецком языке, т. е. предназначен не только для русского читателя, у которого, конечно, есть свои специфические интересы и пристрастия, но и для читателя мирового. Это одно уже побуждает думать, что в журнале будут обсуждаться темы самые важные (если из специально русских тем, то в самом их глубинном и общечеловеческом аспекте), а из литературы будет публиковаться самое талантливое. Такое

впечатление поддерживается и редакционной декларацией, которая определяет задачу журнала как противопоставление тоталитаризму «объединенной творческой силы художественной литературы и духовной мысли Восточной Европы, обогащенных горчайшим личным опытом и вытекающим из него видением новой исторической перспективы» (стр. 4). При этом заканчивается декларация весьма многозначительным «имеющий уши да слышит!», что заставляет подозревать, что прочтение журнала необходимо для спасения души. Такие наши ожидания еще укрепляются, когда мы читаем приветствия журналу, особенно приветствия А. Солженицына и Э. Ионеско, которые тоже, по видимости, ждут от журнала «нового слова» для всего мира. В свете такого отношения материалы журнала могут быть подвергнуты содержательной критике, хотя, конечно, и в таком плане они никак не представляются однородными.

Итак, журнал намеревается противопоставить тоталитаризму определенный духовный опыт творческих сил Восточной Европы. Этот опыт — в самом грубом обобщении — сводится, видимо, к пониманию ценностей человеческой свободы и необходимости постоянной борьбы за нее: добром нельзя только пользоваться, его нужно постоянно отстаивать у зла. Основные принципы журнала, как они сформулированы в редакционной декларации, могут быть выведены из этого изначального положения: осознание ценности человеческой свободы обуславливает «безусловный антитоталитаризм», поскольку последний основывается на несвободе, и «безусловный демократизм», поскольку сейчас не известны иные социальные институты, стремящиеся обеспечить свободу человека. Всякая партия предъявляет определенные идеологические требования к своим членам, таким образом, стремление к свободе определяет и «безусловную беспартийность». Наконец, история последних двух столетий ясно показала, что утрата религиозного понимания мира приводит к уничтожению нравственных основ в общественной жизни, и, в результате этого, к попранию свободы человека, — отсюда «безусловный религиозный идеализм».

Из этих положений становятся понятными основания для диалога с Западом, ценность для Запада того опыта, который должен найти свое выражение на страницах «Континента». Это значение «восточного» опыта обусловлено тем, теперь уже многими, в том числе и на Западе, признаваемым фактом, что обитатели «свободного мира» слишком привыкли к своей свободе, считают ее приевшейся данностью, никак не требующей борьбы за нее, притом

что такая пассивность расчищает дорогу насилию. Не следует преувеличивать новизну этих положений. Подобные мысли весьма четко формулировались представителями первой русской эмиграции (напр., Франком или Бердяевым), и представителями второй (напр., Д. Кончаловским), и мыслителями самого Запада (напр., Черчиллем, причем не только в знаменитой фултонской речи, но и в многочисленных выступлениях конца 30-х годов). В отдельных случаях эти мысли были следствием опыта, в ряде аспектов аналогичного опыту авторов журнала. Это опыт внутреннего освобождения от соблазна тоталитаризма (напр., от марксизма в случае Булгакова, Франка, П. Струве), за которым последовала жизнь в эмиграции, вдали от родины, где царствует тоталитаризм. Естественно, что в этих условиях возникало желание предупредить других об угрожающей им опасности (прежде всего духовной, об опасности духовного подчинения тоталитаризму), и желание сохранить свою связь с родиной, думая о ее судьбе и — хотя бы мысленно — сострадавая ей. Но, как мы видели на примере деятелей Запада, эти мысли совсем не обязательно должны быть итогом именно такого жизненного пути, и поэтому не следует думать (а такой взгляд кажется, не совсем чужд редакции), что в силу уникальности «восточноевропейского» опыта автоматически становятся уникальными и все мысли, на нем основанные. Апостольская миссия не дается так просто, и вряд ли для нее может быть достаточен опыт жизни в Восточной Европе, и даже опыт сидения в коммунистической тюрьме. Тем более, что, хотя бы и в самых тяжелых обстоятельствах полученный, опыт может быть весьма разного качества, как может быть различной и полнота внутреннего освобождения от духа тоталитаризма.

Совершенно очевидно, что передача духовного опыта это очень сложный процесс. Он сильно зависит от духовного состояния тех, кому опыт передается. Но не менее сильно этот процесс зависит и от качества самого опыта и от способа его выражения. При том, что передача духовного опыта занятие вообще весьма каверзное, оно становится особенно сложным и ответственным, когда речь идет об опыте свободы. Всякий учитель (а человек, сообщаящий свой опыт другому, не знающему этого опыта, всегда оказывается в положении учителя) принимает на себя огромную ответственность за истинность своего учения. И эта ответственность особенно велика, когда учат свободе, т. е. одному из существеннейших моментов в духовном развитии каждого человека. Тут все страшно: вдруг ты не то скажешь, или вдруг тебя не

услышат, или вдруг тебя неправильно поймут. Пусть услышат — ведь пишет же Э. Ионеско, что «именно вам следует нас просветить» (стр. 11), — при уверенности в этом еще больше ответственность. Если уж приходится учить, то как это осторожно и сдержанно надо делать. Сначала, например, только самое ясное, и самое проверенное, и самое важное, и выбирать здесь нужно очень тщательно. Изложение должно быть как можно более логичным, непретенциозным, простым, обращаясь к началкам знания, имеющимся у каждого.

К сожалению, три статьи из раздела «Россия и современность» весьма мало подобным требованиям удовлетворяют. Предметы их рассуждений по большей части второстепенны, а изложение претенциозно и запутанно. Создается впечатление, что авторы их за такую ответственную и сложную задачу как передача своего опыта взялись, а об этих требованиях даже не подумали. В самом деле, три статьи этого раздела должны, видимо, дать читателю представление о состоянии соответственно литературы, искусства и философии в современной России. Но составить себе такое представление по этим статьям — дело нелегкое, положения их во многом нелогичны, вычурны, не имеют отношения к делу. Весьма спорные утверждения делаются как само собой разумеющиеся, а наиболее важные моменты обходятся молчанием. Все это до такой степени, что не видно никакого почти смысла в полемике с ними. Поэтому мы и не будем полемизировать, а постараемся найти то общее, что побудило всех трех авторов именно так отнестись к передаче своего опыта. Начнем с наиболее простой и ясной статьи И. Голомштока.

С точки зрения ученого западного наблюдателя современная русская живопись отстала и провинциальна (в формальном отношении). С точки зрения И. Голомштока эта живопись традиционна и содержательна. Традиционность русских художников, выставленных в Гренобле, И. Голомшток объясняет прежде всего тем, что эти живописцы начинали свою деятельность в обстановке культурного вакуума, и для них восстановление традиции было более существенно, чем формальные инновации. Несомненно, в этом объяснении есть доля истины, однако это лишь весьма неполное объяснение. В самом деле, обстановка давно изменилась, культурного вакуума больше нет, художники могли бы и перейти к более современным формам (ведь переходил же Пикассо). Но они почему-то не переходят. Мы вполне согласны с И. Голомштоком, что Биргер, Вейсберг и Свешников отнюдь не провинциальные

дилетанты, их живопись, на наш взгляд, глубока и содержательна. Думается, что в этом-то все и дело. В период своего формирования эти художники не только заполняли культурный вакуум, но и переживали сложнейший духовный процесс освобождения, борьбу за свободу, от лжи в искусстве и вместе с этим от зла в жизни. Вот это освобождение и принесло им новый опыт и, грубо говоря (и здесь не остановимся, пожалуй, сказать грубо и прямо) дало им, что сказать, принесло содержательность их произведениям.

Мы подходим здесь к первому тезису свободы: **только борьба за свободу сообщает содержание жизненному опыту человека, только она дает основание для творчества.** В этом смысле прав А. Синявский, когда он пишет, что писателю для творчества нужна не свобода, а освобождение, и что «сам акт писательства есть освобождение» (стр. 151). Когда художник ощущает себя полностью свободным, когда он не видит для себя необходимости бороться за свободу, он теряет важнейший элемент необходимого для творчества духовного опыта, его работы становятся бездуховными, т. е., иными словами, бессодержательными. Творчество для человека это всегда выражение опыта просветления темного, перехода от тьмы к свету, и одновременно сам этот опыт. Все попытки описать тьму души изнутри этой тьмы (а не такова ли, в сущности, позиция приверженцев, например, поп арта) суть псевдотворчество. Опыт освобождения и просветления и есть та правда, на которую опирается творчество. На наш взгляд, реализм в широком смысле слова (а не в значении одного из формальных течений) именно и состоит в соотношении творчества с таким опытом. Поэтому, когда тот же Синявский призывает писателей отказаться от «соблазна правды» (стр. 174), он сам впадает в глубочайший (и весьма для него характерный, о чем ниже) соблазн «темного творчества», творчества из ничего.

При нормальном положении вещей формальные поиски в искусстве и определяемые ими смены стилей суть следствия изменений в соотношенном с ними духовном опыте (см. об этом очень ясно у о. Павла Флоренского в его работах об иконостае и обратной перспективе). Таким представляется переход к классицизму, и таким же — переход к барокко, причем важен здесь сам факт изменения опыта, а не его оценка. При нормальном положении вещей новый опыт на целый большой период сообщает жизнность соответствующему ему стилю. Новейшее развитие западного искусства побуждает думать, что нескончаемые изменения в нем формального метода обусловлены не изменениями в опыте, но

тем, что формальные поиски уже не являются поисками форм, адекватных новому опыту, но просто поисками форм. В этом случае такое развитие основывается на псевдотворчестве. Это можно сравнить с таким положением вещей, как если бы новые инструменты изобретались не для нового производства, а просто так, ради самой их новизны. Естественно, что в таком случае одно изобретение может сменять другое сколь угодно быстро и безостановочно.

Теперь понятно, почему русские художники, о которых пишет Голомшток, традиционны: у них есть тот новый опыт, который дает стабильность формальным исканиям. Понятным становится и сам их выбор традиции: поздний Фальк, художники Маковца, и т. д., т. е. именно традиция «духовного» творчества. Ведь надо помнить, что и при установке на традиционность выбрать можно было разное, даже исходя из одного только русского искусства. Ведь это могла быть, например, традиция Малевича и Татлина, и то, что она оказалась отвергнутой, тоже не случайно, и И. Голомштоку следовало бы это объяснить, потому что без такого объяснения пути нынешнего русского искусства остаются непонятными, а статья превращается в заметку по поводу, не имеющую отношения к высоким целям журнала.

«Сам акт писательства, — пишет А. Синявский, — есть освобождение (дайте — цепи)! Важно открыть клапан, а для этого клапан предварительно должен быть достаточно заперт. И, значит, чем туже стягивают петлю на шее писателя (до известных пределов, конечно), тем ему легче и веселее в итоге поется...» (стр. 151). Творчество — освобождение, а чтобы освободиться — нужны цепи. И это верно, и мы могли бы добавить — писатель! твои цепи всегда с тобою. Ведь действительно, кто давил и кто надевал петлю на шею Гёте, Тютчеву, Толстому, Рильке, Джойсу? Решительно, если под свободой понимать только социальную свободу, а под цепями — только цепи тоталитаризма (вообще, социального порабощения), то небольшой исторический экскурс тотчас же опровергает замысловатые размышления А. Д. Синявского — совершенно ясно: писать можно на свободе, без цепей.

Вроде бы мы пришли к противоречию, но это не так, потому что **социальная несвобода — лишь малая часть той несвободы, которую поработен человек.** И творчество не есть только освобождение от рабства социального, но от всякого рабства, от рабства смерти. Это рабство есть у человека до конца его дней; таким образом, основание для творчества всегда имеется. И удручающая

безысходность некоторых направлений западного художественного развития может быть объяснена не столько отсутствием опыта борьбы за социальную свободу, сколько отсутствием опыта борьбы за всякую свободу, т. е., в конечном счете, отсутствием сознания своей греховности, отсутствием видения греха и смерти как порчи человеческой природы. И социальная безучастность есть скорее следствие такого неучастия, нежели его причина. Но это большая и сложная тема, которая уведет нас в сторону от нашего предмета.

Вернемся к журналу. Нам кажется, что тот особый упор, который Синявский делает на необходимости для творчества хотя бы относительной социальной несвободы, весьма симптоматичен. Из этого тезиса, на наш взгляд, могут быть объяснены и все другие положения его весьма красноречивой, но несобранной по мысли статьи. В самом деле, для творчества необходимо ощущение собственной несвободы, если же эта необходимая несвобода сводится к несвободе социальной (причем в явном противоречии с фактами), то автор, видимо, вообще не считает всякую другую несвободу существенной для сферы творчества. Здесь даже не вопрос писательства, но общий вопрос духовного развития: что происходит, когда процесс освобождения человека от зла останавливается на его освобождении от социального рабства?

Ответ на этот вопрос представляет собой второй — в определенном смысле антиномичный первому — тезис свободы: **всякое ограничение борьбы за свободу какой-либо внешней сферой ведет к искажению духовного опыта.** Такое ограничение влечет за собой совершенно определенные духовные последствия, которые и позволяют диагностировать источник порчи. Этот духовный феномен в той или иной степени свойственен всем трем статьям из раздела «Россия и современность», и все они демонстрируют характерные результаты ограниченного видения пути свободы. В наиболее полном и ярком виде эти свойства представлены в самой пространной из трех статьи А. Синявского, к которой мы и будем, в основном, обращаться.

Первое из этих следствий — **фантастическое мышление.** Если человек никогда ничего не хотел, никогда не добивался исполнения своих желаний, у него не могли возникнуть и навыки борьбы. Добиваясь социальной свободы, человек развивает в себе определенный механизм сопротивления. Сам по себе этот механизм представляет некую духовную ценность, но ценность относительно порядка. Добившись для себя социальной свободы, человек

не отбрасывает служивший ему для этой цели духовный инструмент. Этот инструмент может быть употреблен для дальнейшей борьбы со злом и тогда он свою ценность сохраняет. Но — при разбираемом ограниченном видении — он продолжает работать вхолостую, и здесь приобретает для себя как бы самостоятельную жизнь. Инструмент оживает. И как всякий оживающий механизм, этот инструмент получает прошлое, и человек начинает рассматривать как вехи своей жизни уже не ступени своего освобождения, но моменты развития этого инструмента. Инструмент получает фантастическую жизнь, и одновременно с этим человек создает себе фантастическое прошлое. Отсюда и трезвое восприятие мира замещается восприятием фантастическим.

Что касается Синявского, то подтверждение этого развития можно найти в его собственной прозе — его беллетристические сочинения ясно квалифицируются как духовная фантастика. В разбираемой статье об этом же свидетельствуют размышления о «соблазне правды». Они не являются одной лишь декларацией. От «соблазна правды» автор отказывается и во всех своих мыслях о литературном процессе в России. У него фантастический литературный процесс и фантастическая Россия с фантастической историей. Россия предстает в виде страшного животного — «Россия-Мать, Россия-Сука» (и «сука» с большой буквы, что должно, видимо, создать впечатление какого-то ужасного мифического существа), — обезумевшей самки, которая извергает из себя своих детищ (стр. 182-183). В этой стране существует фантастический строй, который «как на трех китах» (стр. 171) держится на магическом значении трех слов — «большевик», «чека» и «советская власть». Его сущность автор передает образами Лиха Одноглазого и Чуди-Юди (стр. 148). В этой стране когда-то правил Сталин (очень хитрый и жестокий, но никак не фантастический политик), который у Синявского приобретает несколько фантастический облик — «с его расстрелами и показательными процессами, с его коварством и колдовством, с его умением стоять над всеми и в своем сумрачном одиночестве злого, всезнающего и всемогущего духа» (стр. 160), — причем такое восприятие — вряд ли справедливо — приписывается и М. Булгакову. Фантастические обитатели фантастической России не в состоянии понять, что кто-то из них может сделать что-то плохое, и по причине этой своей фантастической веры ненавидят евреев, к которым причисляют, кого не лень, в том числе всех иностранцев (в действительности ничего похожего на ненависть к иностранцам нет), а заодно и писателей,

художников, и под. (стр. 188). Писатель у Синявского тоже фантастичен, «он сидит себе спокойно в тюрьме, в сумасшедшем доме, и радуется: сюжет!» (стр. 147), он постоянно ощущает себя «уголовником», «преступником» и «выродком» (стр. 150) — так не только в России, но повсюду. И этому фантастическому самоощущению писателя соответствует его язык. «Язык литературы, — сообщает Синявский, — если к нему присмотреться внимательно, — это язык непристойностей. В широком смысле язык литературы это — матерный язык» (стр. 151). Собственно, это лишь несколько иллюстраций — фантастизм автора проявляется чуть ли не в каждом рассуждении.

Примеры подобной фантастики можно найти не у одного Синявского: стихи Бродского, особенно самые длинные, могли бы служить не менее яркой иллюстрацией. Важнее рассмотреть другой случай, который мы могли бы назвать результатом магизма в сфере рефлексии. Когда инструмент освобождения понимается как обладающий независимой жизнью, это логически приводит к мировоззрению, в котором свобода наделяется абсолютным бытием: интенции освобождения намечается цель не «свободы от чего-то», но абсолютной свободы. Таков, например, тезис Бердяева, сочувственно цитируемый А. Пятигорским (стр. 224). Противопоставление свободы и несвободы есть безусловно одна из основных антиномий человеческой жизни, но разрешается она — с точки зрения христианской антропологии — не в абсолютной свободе, а в святости, которая отрицательно определяется как свобода от греха. Поскольку антиномия свободы и несвободы есть лишь одно из следствий греха (в частности, первородного), в святости эта антиномия уничтожается, т. е. для святости несущественна сама категория свободы. Поскольку в непосредственной жизни ограничивается путь свободы, в рефлексии он завершается уже не святостью, а ее менталистическим эрзацем — абсолютной свободой.

Все отношение А. М. Пятигорского к тому, что он называет «проблемой номинации», может быть выведено из этого основного умозрения. Абсолютизация свободы требует освобождения от всякого монизма, в том числе и от монизма в языке. Отсюда вытекает «посылка об абсолютном релятивизме языка» (стр. 224). Однако почти в каждом вероисповедании есть такая область, где символизируемое и символизирующее отождествляется, их связь оказывается произвольной, что указывает на принципиальную нерелевантность языка в рамках религиозного мировоззрения. Ин-

тенция абсолютной свободы приводит и к другому освобождению, к освобождению от языка нравственных ценностей — результат достаточно известный и вряд ли нуждающийся в проповеди на Западе. «Чистое умствование и свободное философствование», становящиеся, согласно Пятигорскому, «самой судьбой» «метафизиков» (стр. 213), как бы поселяет их в ином мире, к которому жизнь в этом, каждодневном, не имеет прямого отношения. Поведение тут и поведение там могут быть сколь угодно разными, и любое сочетается с любым. Естественно, что отсюда возникает нравственный релятивизм и появляются преподаватели марксистской философии, на досуге читающие доклады на тему «иллюзорность материального мира и реальность сознательного бытия» (стр. 212), что и вспоминает с удовлетворением А. Пятигорский.

В этом, однако, сказывается и другая характерная черта ограничения борьбы за свободу одной лишь внешней сферой — **замкнутость духовного опыта**. Опыт социальной свободы оказывается не окном в мир, но зеркалом, отражающим самоё себя. Это проявляется, в частности, в том, что «освобожденная словесность» сводится по словам А. Синявского, «к отчету о том, как мы мучились и что предлагаем взамен» (стр. 174). Лагерная тема становится предметом чего-то в роде «физиологических очерков». Но — при тех же основаниях — принципиальное отвержение «лагерной темы» приносит не лучшие плоды (например, у того же Синявского). Человек оказывается перед выбором: либо жить своим прошлым пленом и освобождением из него («лагерная тема»), либо жить наедине со своим инструментом освобождения, обретающим фантастическое существование. И вот примеры. Метафизики, по мнению Пятигорского, освобождаются при помощи своей метафизики, и после этого живут в метафизическом мире (стр. 215). Художники, по мнению Голомштока, освобождаются при помощи своего художества, они «создают свой мир, чтобы жить в нем» (стр. 202) — не потому ли фантазмагорический Харитонов оказывается у Голомштока в одном ряду с Биргером и Свешниковым? У Синявского писатели определенно живут в мире своего писательства — сама их жизнь становится для них сюжетом, причем в этом восприятии они обретают свободу. Каково писательство, такова и жизнь. «До сих пор мы не вышли из полуфольклорного состояния» (стр. 166), — декларирует Синявский, не объясняя, почему из него не вышли, например, В. Шаламов, Л. Чуковская или А. Солженицын, которые в нем никогда и не были.

И тут нужно отметить еще и такое следствие занимающего нас феномена, как **эзотеризм**. Поскольку освобождение от зла понимается как всеобъемлющий процесс, человек не отделяет «освободившихся» от «неосвободившихся»: все несвободны, но разные находятся на разных ступенях лестницы освобождения. Если же освобождение ограничивается, то сразу же возникает и соответствующее расчленение, и человек братается с одним, говоря ему «мы — познавшие», и отталкивает другого, говоря ему — «вы — непознавшие». Хорошо известно, что святой аскет лучше понимает грешника (и ближе ему), чем добродетельный бюргер, знающий свою добродетель. Примеры такого частичного и внешнего по характеру освобождения, приводящего к той или иной форме эзотеризма, можно, видимо, обнаружить в самые разные эпохи и в самых разных обществах. То, что мы находим у А. Сиявского, прекрасно вписывается в подобную картину. Писатели (а в принципе, видимо, и всякие художники) объявляются стоящими вне общества отщепенцами (конечно, те только, которые пределали путь социального освобождения). Это отщепенство приписывается писательству вообще и переносится на положение писателя в совершенно иных ситуациях (такие экстраполяции тоже характерны для эзотерической идеологии). Эзотеризм этого типа создает обычно для себя и особую шкалу ценностей, соответствующую ее ограниченному и ограничивающему опыту. При этой шкале ценностей определенные фигуры, произведения и события наделяются несвойственным им значением, причем это значение осознается как «на самом деле» универсальное (а не частное, эзотерическое). Яркая иллюстрация такого порядка представлений — рассуждение А. Сиявского об анекдотах, блатных песнях и поэтах-песенниках. По его мнению, песенки Галича, Окуджавы и Высоцкого, скрестившие в себе «традиции старинного городского романса и блатной лирики» (стр. 167) и есть голос «живой, а не выдуманной России» (стр. 168). Какими же глазами надо смотреть на народ (каким бы он ни был), чтобы сказать, что дух его вместился в песенки, распеваемые под гитару!

Конечно, разобранные выше тенденции характеризуют не все работы, представленные в журнале, ибо один из важнейших его разделов «Россия и современность» проникнут именно подобным миропониманием. А ведь именно эти работы предназначены воплотить специфику «русского опыта» и показать миру что-то общезначимое, чем он никак не должен пренебрегать. Думается, что

опыт такого качества несколько для подобной задачи непригоден. И первая причина этого в том, что он замкнут, завершен.

Из наших слов отнюдь не следует, что вместо описания своих особенных страданий и бедствий Восточная Европа должна произвести на свет некий трактат о спасении души, пригодный для назидания любому человеку. Отнюдь нет. Каждый индивидуальный путь борьбы за свободу, неповторимая судьба каждой личности обладают собственной духовной ценностью, но ценность их обусловлена их направленностью к единому, общечеловеческому Источнику добра, потому что «дары различны, но Дух один и тот же» (I Коринф. XII, 4). Ограничение этой направленности обесценивает и сам индивидуальный путь. В то же время именно устремленность такого рода есть необходимая предпосылка передачи своего личного опыта другому человеку. В этом смысле хочется отметить статью Л. Пахмана и мемуары кардинала Миндсенти. Они полны живой жизнью и лишены претензий, и потому вызывают сочувствие и доверие.

И в заключение мы вынуждены сказать о последнем следствии ограничения опыта свободы, которого тоже не смогли избежать авторы раздела «Россия и современность», и которое особенно губительно сказалось на содержании этого раздела. При замыкании пути свободы в сфере социального свобода становится эрзацем святости, и поэтому, почувствовав себя «освободившимися», люди чувствуют себя и как бы святыми, и с этим ощущением начинают вещать (чего святые, правда, никогда не делали). И наши авторы именно вещают, а не говорят, словно их «горчайший личный опыт» всем их словам — о чем угодно и как угодно — придает непреходящую ценность. Из этого самосознания — полная безответственность в словах. «Я понимаю, — пишет Сиявский о своей статье, — что все, что здесь говорится, пройдет впустую — как чистая лирика» (стр. 175). И вот такую «чистую лирику» заставляют читателя распутывать и находить в ней тайный смысл. «У меня неповторимый опыт», — говорит писатель, и читателю предоставляется разыскивать вехи истинного духовного пути среди нелепых каламбуров и бессмысленных недомолвок. И все это, по утверждению редакционной декларации, «от имени целого континента культуры стран Восточной Европы» (стр. 5).

И вот характерная черта — во всех трех статьях ни тени покаяния, их авторы — словно небожители, словно их опыт достался им сразу целым и законченным, и не было ни ошибок, ни обольщений, ни разочарований. Мы не говорим, что каждой

статье должна предшествовать авторская исповедь, но хоть одно упоминание о том, как автор от неправоты пришел к правоте, хотя бы мимоходом брошенное одно горькое слово о себе (а ведь авторам приходилось, вероятно, и кривить душой, и обманываться в своих ожиданиях), хотя бы одно такое слово могло бы дать их мыслям частицу духовной достоверности. Потому что именно покаяние раздвигает замкнутость частного опыта, дает прикоснуться к душе человека и поверить с ним. Здесь же этот опыт сообщен не в непрерывности духовного движения, зачатки которого каждый может отыскать в самом себе, но в виде итогов неповторимых судеб, итогов, которые читатель должен принять, не переживая и не размышляя.

Но я, русский их читатель, никак не хочу таких итогов принять. Я не хочу, чтобы от имени Восточной Европы, а, значит, и от моего, «лаяли, как собака, и вставали на четвереньки» (стр. 188), чтобы от моего безымянного имени матерились, высказывали сомнительные мысли о сущности писательства, художественного творчества, языка, рассказывали анекдоты и распевали блатные песни. Опыт Восточной Европы — это действительно тяжелый опыт, он, видимо, и в самом деле может быть поучителен, но то, с чем мы встречаемся в статьях Синявского, Голомштока и Пятигорского, это не передача такого опыта, а скорее его дискредитация.

Отклик из России

О ЗАПРЕЩЕНИИ ХРИСТИАНСКОЙ ЦЕРКВИ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ.

В Житии Св. Киприана Карфагенского описано поведение христиан во время гонения. Верные либо принимали мученический венец, либо скрывались. Некоторые за деньги покупали расписку в том, что они принесли жертвы идолам, хотя на самом деле не приносили их. Св. Киприан, будучи Епископом Карфагена считал последних также отпавшими наравне с первыми.

В Советском Союзе существует детская организация «пионеров», построенная на марксистско-ленинских коммунистических принципах, которые, как известно, неотделимы от атеизма. Неверие в Бога само собой разумеется для «пионера». Поэтому верующий не может официально быть принят в пионерскую организацию и, следовательно, всякий вступающий в эту организацию тем самым подтверждает своё неверие. С другой стороны, вступление в «пионеры» фактически обязательно (хотя и считается, что это добровольная организация). Невступление по религиозным мотивам может быть рассмотрено как следствие религиозной пропаганды и повлечь за собой преследование родителей по закону. Надо сказать, что к подобным мерам в отношении родителей, не допускающих вступление детей в «пионеры», власти прибегают не всегда, и в некоторых случаях при благоразумии местных властей таких людей оставляют в покое или ограничивают дело «общественным давлением». Чаше же, однако, мы сталкиваемся с другим фактом: и та и другая стороны идут на компромисс: власти смотрят сквозь пальцы на то, что в пионеры вступают верующие дети, которые одновременно регулярно посещают храм, а родители этих детей не видят ничего невозможного (ввиду могущих постигнуть в противном случае последствий) в пребывании своих детей в пионерской организации. Более того, «гуманные» учителя, зная настроения ребенка и его родителей, могут не слишком вовлекать его в самую пионерскую деятельность.

Таким образом, происходит сговор наподобие купли расписки в принесении идольских жертв, что, однако, считалось, как мы видели, отпадением от Церкви.

Следует сказать, что не только многие миряне, но и некоторые священники и преподаватели Духовной Академии не видят

ничего особенного в этом сговоре и считают Христианством не христианское место в жизни и исполнение долга, а только молитвы, посты, обряды, добродетели — «внутреннюю жизнь», которая, однако, вне исполнения христианского долга (истинной внутренней жизни) совершается вне Православной Церкви, т. е. обращается в жизнь внешнюю.

Именно эта Церковь официально разрешена в Советском Союзе, а Христианская Церковь фактически запрещена. Так и следует понимать её положение. Не в явных притеснениях дело, которые не столь повидимому велики, как думают. И не в язычниках дело, которые не могут так или иначе не притеснять христиан. Как в древности чернь, с удовольствием смотрящая на бои гладиаторов и на людей, терзаемых зверьми на арене, упивающаяся развратом театра, считала, что христианство лишает людей «радости жизни», предлагая взамен «культ мертвецов», сочиняла небылицы о том, что христиане молятся ослиной голове и пьют кровь младенцев, так и теперь чернь, воспитываемая на жестокости и разврате экрана, искренне полагает, что христиане лишают своих детей «радости детства». Смешно поэтому апеллировать к сознанию законности и чувству справедливости не просвещенных Богом язычников. Они здесь на своём месте. Не на своём месте те пастыри и архипастыри, которые ввергли и держат многих руководимых ими в полном неведении собственного нехристианства.

Люди и факты

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО В ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС

Ваши газеты много шумели о топливном кризисе Запада (наша страна, к счастью, богата), но вас и самих поразил самый страшный из кризисов — кризис духовно-энергетический.

Ваши деды хотели поразить мир и ваши отцы инженеры-путейцы проложили путь с наклоном только вверх, не ожидая коварства такого профиля. Но вот на вашем поезде кончилось топливо. В закромах не найти ни куска комсомольского антрацита 20-30 годов. Вы едва наскребете горстку угольной пыли хрущевских кампаний.

И вы решили в день великого христианского праздника заставить православных подтолкнуть ослабевший ваш поезд. Ваши идеологи повторяют, что нельзя оскорблять религиозные чувства верующих. Но и в этом вопросе, как часто и в других, ваша теория расходится с практикой.

Назначив выходной пасхальный день рабочим, вы оскорбили религиозное чувство миллионов верующих. Вы бы сделали лучше рабочим 1-ое мая и 7-ое ноября, меньше было бы оскорбленных. Вы достойно отблагодарили Русскую Православную Церковь в юбилейный год 30-летия победы за ее, как вы сами признаете, патриотическую роль во время прошедшей войны.

Но в слепой, лихорадочной погоне за экономикой вы оскорбляете чувства не только верующих. В свое время ваша пресса возмущалась, когда у Триумфальной Арки в Париже американский турист прикурил сигарету у Вечного огня, а другой даже жарил яичницу.

Но вы недавно поступили не лучше. Ваш гениальный полководец и его генералы, преступно неготовые к войне в ее начале, трагически бесполезно загубили миллионы «тех парней», а вы теперь, обрадовавшись удачной находке, цинично утилизировали их память, заставив уцелевших бесплатно работать за «тех».

Ваши помощники-пропагандисты подбросили в печи гробовых досок со всем дорогим кладбищем прошедшей войны. Но жуткое топливо горит плохо. Вместо трудового порыва ваш лозунг

«за того парня» дал закономерно-циничный эффект: анекдотный фольклор пополнился новой обильной серией.

Вы оскорбили светлую память о погибших солдатах в сердцах ваших верных подданных и единомышленников. Ваш поезд вошел в пустыню духовного голода. Какие еще ценности будут принесены в напрасные жертвы?

Не пора ли всерьез понять: заветная цель слишком далека, пытаться достичь ее вашим путем — безнадежное дело.

19 апреля 1975 года. Адрес: Москва, Дыбсико 30/1 — 45.

Священник ГЛЕБ ЯКУНИН

ХРИСТИАНСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО К СОВЕТСКОЙ РОССИИ (СССР)

**ВСЕМ ХРИСТИАНАМ МИРА
ВСЕМ, КОМУ ДОРОГИ ПРИНЦИПЫ СВОБОДЫ**

Чрезвычайное сообщение Издательства «Христианин»

Спасай взятых на смерть, и неужели откажешься от обреченных на убиение?

Пр. 24,11

24 октября 1974 г. в районе Цесис, хутор Лигукалнс, Латвийской ССР, были арестованы 7 сотрудников нашего издательства вместе с печатным оборудованием и материалами. Это произошло в то время, когда они готовили 30 тысяч Евангелий — Новогодний подарок верующим.

Мы постоянно были готовы к этому, «ибо... нам... Бог судил быть как бы приговоренными к смерти...» (1 Кор. 4.9). И все же такое известие принесло нам большую скорбь.

Арест наших друзей является грубым нарушением Конституции, принципов Всеобщей Декларации прав человека и всех Международных Конвенций. Более того, 5 июня 1971 г. мы официально обращались к своему Правительству с просьбой не чинить нам препятствий в издательстве, т. к. наша литература сугубо духовная, и мы имеем конституционное право на свободу печати.

После этого на ликвидацию издательства были брошены высококвалифицированные работники КГБ и милиции, вооруженные новейшей техникой. Многих верующих начали усиленно склонять к сотрудничеству с органами КГБ.

В атеистической брошюре «Диверсия без динамита», изданной в 1972 г., проповедники Евангелия по радио и стремящиеся помочь нам духовной литературой, уподобляются диверсантам, а Слово Божие (Библия) — динамиту. Автор точно выразил мнение нашего Правительства. Поэтому отпечатанные нами книги: «Евангелие», «Духовные песни», «Песни Христианина», «Путешествие Пилигрима» и т. п. считаются «подрывными», «антисоветскими», а издатели — «опасными государственными преступниками».

Зная, с каким ожесточением и угрозами нас преследуют органы власти, мы о б е с п о к о е н ы не только за их участь,

но и за их жизнь. Но мы верим, что «много может усиленная молитва праведного» (Иак. 5,16).

Примите же сердечное участие в нашей общей скорби, в скорби арестованных и их родственников.

Поддержите нас горячими молитвами подобно Мардохею! (Есф. 4,1).

Подобно Есфири возвысьте свой голос в ходатайствах перед Правительством нашей страны, чтобы восполнить острую нужду в Слове Божиим (Есф. 4,16).

26 октября 1974 г.

С уважением ИЗДАТЕЛЬСТВО «ХРИСТИАНИН»

ВСЕМ ЕВАНГЕЛЬСКИМ ХРИСТИАНАМ-БАПТИСТАМ

О Б Р А Щ Е Н И Е

Издательства «Христианин».

«...да будет благоволение Господа Бога нашего на нас, и в деле рук наших споспешествуй нам» (Пс. 89, 17).

Дорогие братья и сестры! Все вы знаете ту острую нужду, которую постоянно испытывает наше братство в духовной литературе. Библия, Евангелие, сборник «Духовные песни» и другая христианская литература являются духовной пищей, крайне необходимой для жизни и служения каждого христианина.

Видя эту общую нужду, мы, получив помощь от Господа, посвятили себя делу издания и распространения печатного Слова Божия. Плоды этого скромного труда многие из вас могут видеть в своих руках и вместе с нами благодарить за это нашего Отца Небесного. «Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему дай славу» (Пс. 113, 9).

Однако совершать этот бескорыстный труд нам приходится в очень тяжелых условиях, так как со стороны атеистов, которые действуют незаконно, мы испытываем постоянные притеснения. Кроме того, нам достоверно известно, что враги дела Божия решили остановить нашу работу любой ценой.

В связи с этим, мы обратились в соответствующие органы власти с заявлением, которое приводим ниже.

Братья и сестры! Чтобы иметь возможность продолжать печатный труд, мы решили обратиться и к вам. Возлюбленные! Всегда вспоминайте о нас в молитвах ваших, ибо много может усиленная молитва праведных (Иак. 5, 16). Хорошо, если вы обратитесь также и к Правительству с ходатайством о возврате изъятой литературы и предоставлении нам возможности беспрепятственно совершать свое служение.

С любовью Христовой

Ваши меньшие друзья

10 июня 1971 г.

З А Я В Л Е Н И Е Издательства «Христианин»

Председателю Совета Министров СССР
Косыгину А. Н.

На протяжении нескольких десятилетий верующие ЕХБ испытывают постоянную нужду в религиозной литературе. Приобрести ее обычным путем в нашей стране негде. Не представляется возможным печатать ее и в государственной типографии, так как Совет церквей уже обращался к Вам с этой просьбой, но никакого ответа не получил.

Таким образом, мы были поставлены перед необходимостью самим, без помощи государственных учреждений, приступить к разработке метода и конструированию машин для печатания необходимой духовной литературы. Усилия наши завершились успехом.

Издательство «Христианин» — это добровольное общество верующих ЕХБ, объединившихся для издания и распространения христианской литературы.

Содержится издательство на средства добровольных пожертвований верующих и поэтому распространяет изданную литературу безвозмездно.

Со стороны верующих граждан мы встречаем единодушное одобрение. Со стороны же органов власти мы подвергаемся слежке, угрозам, притеснению, хотя наша деятельность и не наносит ущерба интересам государства. Так, например, за последние два года во время перевозки отпечатанной литературы в ряде городов органами власти без суда было отобрано около 700 экземпляров Евангелий и сборников «Духовные песни».

Мы уже не обращаемся к Вам за содействием в издании необходимой верующим литературы, но просим Вас не чинить препятствий в нашей работе и считать литературу, имеющую подпись издательства «Христианин», — легальной. Просим также дать указание соответствующим органам о возврате всей отобранной литературы тем, у кого она была изъята.

Со своей стороны, мы обязуемся не печатать какой-либо иной литературы кроме внутрицерковной, христианской, и не передавать кому-либо технологию печатного процесса и чертежи машин.

Удовлетворив нашу просьбу, Вы дадите возможность верующим на деле воспользоваться правом, предоставляемым Конституцией СССР и Всеобщей Декларацией прав человека, и исполните желания и чаяния верующих граждан нашей страны.

С уважением — издательство «Христианин»

(Мы не можем дать Вам своих подписей, так как ответов от органов власти мы никогда не получали, а подписи используются лишь для преследования заявителей. До настоящего времени всякая попытка легализации начинается подачей списков, а кончается репрессиями согласно списку).

5 июня 1971 г.

«...но они отдали самих себя во-первых Господу, потом и нам по воле Божией». 2 Кор. 8:5.

МОСКВА — КРЕМЛЬ
РУДЕНКО

Копия: МОСКВА — КРЕМЛЬ
БРЕЖНЕВУ

24 октября 1974 г. в хуторе Лигукалнс в районе Цесис Латвийской ССР схвачены за печатанием Евангелия члена издательства «Христианин».

Нидченко В. И. — 1941 г.
Пикалов В. А. — 1950 г.
Коротун И. Д. — 1938 г.
Львова Н. Г. — 1946 г.

Гриценко Е. И. — 1943 г.
Тарасова З. П. — 1942 г.
Кожемякина Т. С. — 1937 г.

При этом изъяты 30 тыс. штук Евангелий, 19,9 тонн бумаги и печатная машина. Основываясь на Конституции СССР (свобода печати) и международных документах, подписанных Советским правительством, в т. ч. Всеобщей Декларации прав Человека и Пактах, просим освободить работников печати и возвратить все изъятое.

Иначе мы вынуждены будем обращаться в международные организации и к христианам всего мира.

О результатах просим сообщить по следующему адресу:

п. Краснодон 1,
ул. Подгорная 30,

Рытиковой Галине Юрьевне

ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС т. БРЕЖНЕВУ Л. И.
ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ СССР т. РУДЕНКО
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ КГБ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

Копии: Совету Церквей ЕХБ
Совету родственников ЕХБ в СССР
Издательству «Христианин»

от гражданина Гауэр Е. К.

ЗАЯВЛЕНИЕ

С тех пор как в нашем доме 24 октября 1974 года власти обнаружили точку издательства «Христианин», меня и мою жену стали систематически вызывать на допросы в качестве свидетелей к следователю прокуратуры по особо важным делам — Р. Даудиш, по адресу: г. Рига, бульвар Райниса, дом 9, комната 52 (второй этаж) телефон 22-99-92.

Очередной раз нас с женой вызвали по вышеуказанному адресу 21 января 1975 года. Оттуда перевезли в КГБ при Совете Министров СССР. Допрашивали нас одновременно в разных кабинетах.

Около 16 часов я услышал крик жены, выбежал в коридор и увидел, как несли жену в бессознательном состоянии. Ее положили на диван, и через несколько минут пришли врачи. Жену увезли в больницу. После допроса около 18 часов, следователь Берзинш,

допрашивавший меня, сказал: «Вот так, чтобы ты никому из ваших верующих не говорил, что жене стало плохо у нас. Понял, что я тебе сказал или нет?» Это он повторил раза три и уже в коридоре добавил: «Если ты будешь говорить, что твоя жена заболела у нас, будет плохо. Будет то же, что Ивану Моисееву. Чтобы меньше болтали по радио. Понял?» Я спросил: «Если меня спросят, что я должен говорить? Врать не буду. Что я скажу детям?»

Сначала следователь требовал не говорить никому, потом согласился, чтобы я сказал только детям.

В следующий раз меня вызывали 23 января. На допросе мне объявили, что я теперь не свидетель, а обвиняемый.

Я пришел к жене в больницу 22 января, но под различными предложениями к ней никого не пускали. В последующие дни к ней также никого не пускали.

У меня есть основания думать, что моя жена подвергается пыткам, я обеспокоен за ее жизнь.

Убедительно прошу вас принять срочные меры для пресечения беззакония.

Адрес: Латвийская ССР, Цесисский р-н с/с Лигатне, хутор Лигукалнс.

ИМЕНА БАПТИСТОВ-ИНИЦИАТИВНИКОВ, НАХОДЯЩИХСЯ В ЗАКЛЮЧЕНИИ В СССР.

По данным Совета родственников узников Евангельских Христиан Баптистов.

Январь 1975

Все баптисты осуждены по статьям республиканских кодексов, соответствующим статьям 142, 190-1 и 227 УК РСФСР в различных наборах.

	ГОД РОЖДЕНИЯ	ГОД АРЕСТА	СРОК	Порядковый номер лагеря	Число членов семьи, которых заключенный содержал до ареста.
Агарков Арсений Тимофеевич	1915	1972	5		4
Арбузов Иван Григорьевич	1914	1973	3	1	3
Арнаутов Юрий Иванович	1922	1974	2	2	
Артюх Владимир Андреевич	1927	1972	4	3	5
Артюх Петр Андреевич	1934	1972	4	4	5
Батурин Николай Георгиевич	1927	1972	4		7
Беляшов Михаил Афанасьевич	1930	1972	3		8
Будзинский Иосиф Лаврентьевич	1916	1973	3		2
Буховко Владимир Михайлович	1939	1972	5		4
Буховко Михаил Николаевич	1910	1972	3		2
Валл Иван Абрамович	1923	1972	3		9
Ватулко Анатолий Михайлович	1933	1973	5	5	7
Ватулко Вениамин Михайлович	1933	1973	5	6	7
Винс Георгий Петрович		1974	5+5		5
Германюк Степан Григорьевич	1934	1973	4,5+3	7	5
Гончаров Анатолий Николаевич	1952	1974	2	7	2
Гриценко Екатерина Ивановна	1943	1974			
Давильченко Николай Григорьевич	1928	1971	5	8	9
Дацкевич Николай Тимофеевич	1925	1973	5		3
Демченко Виталий Григорьевич	1936	1973	5	9	5
Дернович Михаил Владимирович	1933	1972	2+?	сс	5

	ГОД РОЖДЕНИЯ	ГОД АРЕСТА	СРОК	Порядковый номер лагеря	Число членов семьи, которых заключенный содержал до ареста.
Десятников Михаил Михайлович	1943	1972	3	10	3
Джангетов Коншауби Бекпирович	1928	1973	3		
Дирксен Яков Францевич	1924	1972	3		11
Дубицкий Адам Иосифович	1924	1973	3	11	9
Дубовик Виктор Михайлович	1938	1973	4+4		5
Дубовой Феофан Евтихович	1912	1968	4+3	сс	4
Дугинов Петр Сергеевич	1927	1973	3		11
Дулесов Михаил Иванович	1922	1973	3		5
Елисеев Виктор Евгеньевич	1927	1972	3		4
Елисеев Кузьма Иванович	1904	1973	5		
Ермолов Николай Яковлевич	1927	1974	2	12	8
Здоров Иван Афанасьевич		1973	4+4		6
Здоровец Борис Максимович	1929	1973	3	13	5
Каблш Николай	1926	1971	3+?	сс	6
Каспер Вальтер Абрамович	1928	1973	5	14	
Каспер Эля Вальтеровна	1949	1974	3	15	
Каспров Станислав Ульянович	1928	1973	4+3	16	6
Козорезов Алексей Трофимович	1933	1971	5		9
Кожемякина Татьяна Сапроновна	1937	1974-т			
Колесниченко Михаил Андреевич	1944	1973			
Конкин Дмитрий Фролович	1926	1972	5	17	14
Коржанец Лидия Александровна	1932	1973	4	18	
Корин Григорий Ильич	1928	1972	4		11
Корольков Иван Егорыч		1973	1,5		
Коротун Ида Даниловна	1938	1974-т			
Костюков Иван Антонович	1926	1973	4+3	19	6
Кочетков Василий Иванович	1924	1972	5	20	5
Кравченко Дина Иосифовна	1941	1973			
Кротик Петр Федорович	1929	1973	3,5	21	8
Куксенко Юрий Федорович	1930	1971	5	22	10
Куприянов Павел Андреевич	1929	1968	5+5	сс	6
Куценко Иван Константинович	1923	1972	5		3
Куценко Федор Трофимович	1910	1973	3		
Лангин Петр Тимофеевич	1927	1974	4	12	6

	ГОД РОЖДЕНИЯ	ГОД АРЕСТА	СРОК	Порядковый номер лагеря	Число членов семьи, которых заключенный содержал до ареста.
Левен Анна Абрамовна	1952	1973	1,5		
Львова Надежда Герасимовна	1946	1974-т			
Мазурин Николай Семенович	1930	1972	5	17	
Маховик Степан Мефодьевич	1931	1972	3,5		8
Машницкий Илья Алексеевич	1948	1974	1,5		1
Мелашенко Иван Федорович	1942	1972	5		4
Мирошкин Виктор		1973	3,5		
Мухин Александр Семенович	1931	1971	5	23	6
Мыц Дмитрий Трофимович	1926	1972	5		1
Никора Ольга Георгиевна	1950	1974	5+5	24	
Ноздрин Иван Яковлевич	1931	1973	2		6
Огородник Станислав Гаврилович	1935	1974	2		8
Павлов Яков Николаевич	1935	1973	5	25	8
Пауков Михаил Семенович	1931	1973			1
Петерс Иван Исаакович	1929	1973			9
Петерс Петр Данилович	1942	1973	3		
Петренко Анатолий Александрович	1929	1973	3		6
Петров Андрей Адрианович	1947	1973			1
Пидченко Виталий Иванович	1941	1974-т			
Пикалов Виктор Анатольевич	1950	1974-т			
Поламарчук Онуфрий Антонович	1900	1968	5+5	сс	3
Полушин Леонтий Николаевич	1938	1973	5		5
Потоцкий Николай Прокофьевич	1937	1972	3		5
Поюнов Федор Акимович	1937	1971	5		6
Прокопенко Егор Данилович	1926	1972	5		
Простибоженко Степан Фомич		1974			
Пшеницын Михаил Александрович	1945	1974	3		6
Разумовский Евгений Петрович	1933	1971	5	23	7
Реймер Леонгард Иванович	1924	1974	5	26	2
Родославов Евгений Константинович	1949	1968	5+5	сс	2
Романович Георгий Акимович	1928	1973	4+4		9

	ГОД РОЖДЕНИЯ	ГОД АРЕСТА	СРОК	Порядковый номер лагеря	Число членов семьи, которых заключенный содержал до ареста.
Романьков Порфирий Антонович	1898	1973	5		
Рубленко Анатолий Тимофеевич	1949	1974	5+5	27	
Румачик Петр Васильевич	1931	1974	3		6
Русавук Андрей Петрович	1928	1974	4	28	6
Рыжук Василий Федосович	1930	1974	3		6
Сагачев Алексей Васильевич	1929	1974	3	29	7
Сегарев Михаил Лаврентьевич	1928	1972	4		10
Сенкевич Илья Яковлевич	1907	1972	5		
Сильчуков Евгений Иванович	1935	1973	5		7
Скринчук Степан Маркович		1973	3		
Смирнов Николай Васильевич	1950	1974	1,5		
Сотниченко Лазарь Федорович	1904	1972	5		
Супрунов Федор Маркович	1918	1973	3		2
Тарасова Зинаида Петровна	1942	1974-г			
Тарусов Михаил Григорьевич	1928	1972	3	30	10
Темчук Григорий Андреевич	1910	1972	2,5		
Ткаченко Петр Иванович	1952	1974	3		
Трухан Иван Юрьевич	1931	1973	4		6
Тысячук Александр Трофимович	1932	1974	2,5		4
Фаст Аврам Францевич	1928	1971	3		10
Федорченко Иван Иванович	1937	1973	5		7
Фроленков Александр Наумович	1920	1973	3		
Хадарцев Юрий Хаззатирович	1938	1972	3		
Харитонов Николай Григорьевич	1930	1971	5	31	2
Ходокин Григорий Емельянович	1922	1973	5		7
Чавордаев Василий Сергеевич	1905	1974	2		
Черенков Николай Николаевич		1971	4		
Чуров Тимофей Николаевич	1949	1972	3		2
Шатунов Леонид Федорович				32	
Шевель Алексей Максимович		1973	3		
Шевченко Александр Николаевич	1942	1968	5+5		
Шендель Эвальд Августин	1917	1973			
Шидыч Иван Григорьевич	1936	1972	5		6

	ГОД РОЖДЕНИЯ	ГОД АРЕСТА	СРОК	Порядковый номер лагеря	Число членов семьи, которых заключенный содержал до ареста.
Шовган Терентий Федорович	1922	1971	4+5		7
Шоха Николай Максимович		1974			
Шоха Петр Максимович	1909	1973			
Германюк Ярослав Григорьевич	1936	1973	4+2		5

ПРИМЕЧАНИЕ: "1974-г" — арестованы 24.10.1974 при разгроме типографии в районе Цесиса; ныне находятся в г. Риге под следствием.

В 1974 г. были «условно-досрочно» освобождены
(реально — вместо комиссовки по состоянию здоровья):

Терехов Юрий Михайлович	1931	1971	4		8
Смирнов Василий Яковлевич	1913	1972	3		2
Михальков Юрий Иванович	1937	1972	3		1
Комаров Федор Иванович	1924	1972	3		2
Родин Владимир Павлович	1938	1972	3		1
Антонов Анатолий Анисимович	1935	1973	2		2
Гардер Анна					
Винс Иван Яковлевич	1941	1973	3		2
Романчук Яков Тимофеевич	1928	1969	4+4		4
Мисирук Степан Никитич	1931	1969	4+5		
Зяц Иван Васильевич	1919	1970	4+4		
Баранюк Иван Андреевич	1924	1971	5+5		8
Петраков Федор Ильич	1903	1971	5	33	2
Библенко Иван Васильевич	1928	1972	3		5
Казаченко Виктор Григорьевич	1919	1972	3	34	
Камыльчу Аврам Михайлович	1928	1972	3		8
Присяжнюк Михаил Дмитриевич	1936	1971	4	7	
Голуб Василий Андреевич	1930	1972	3	35	6
Балацкий Анатолий Никитич	1939	1972	3	36	2
Каптей Василий Викторович	1934	1972	3		6
Щербина Василий Иванович	1905	1972	3		3

	ГОД РОЖДЕНИЯ	ГОД АРЕСТА	СРОК	Порядковый номер лагеря	Число членов семей, которых заключенный содержал до ареста.
Онищук Степан Александрович	1932	1972	3		6
Чечу Даниил Афанасьевич	1932	1972	3		4
Бычков Павел Степанович	1929	1973	2,5	37	5
Рацук Александр Михайлович	1927	1973	2		6
Басько Федор Федосеевич	1932	1973	2,5		10
Карпович Иван Сергеевич	1925	1970	5		6
Бартощук Михаил Дмитриевич	1925	1970	5		2
Масюк Нина Фоминишна	1930	1973	2	18	
Пинчук Иван Николаевич	1930	1973	3		6
Григорьев Михаил Андреевич	1927	1971	5		6
Серебрянников Петр Ал.	1900	1972	3		5
Шевель Гавриил Андреевич	1912	1972	3		7
Вибе Арон Аронович	1910	1971	5		7

АДРЕСА ЛАГЕРЕЙ И РЕЖИМЫ СОДЕРЖАНИЯ

(лагеря даются в том порядке, как они встречаются в поименных списках; номер в 4-й графе — не есть действительный номер лагеря, но дан нами для облегчения пользования списками).

1. Свердловская область, город Краснотуринск, п/я 349 — 3/3	строгий
2. Херсон-24, учреждение ШЯ — 203/17-204	
3. Брестская область, г. Иванцевичи, учр. УЖ — 15/9	строгий
4. Витебская обл., г. Орша, учр. УЖ — 15/6	строгий
5. Джамбул-2, учр. ЖД — 158/2	усиленный
6. Джамбул, учр. ЖД — 158/4	строгий
7. Ворошиловградская обл., Петровское, учр. 128/24	общий
8. Краснодарский край, пос. Первомайск, учр. УО — 48/19	общий
9. Краснодар, учр. УА — 68/1-4	строгий
10. Омск-35, учр. УХ — 16/8	

11. Архангельск-50, учр. УГ — 42/11-5	строгий
12. Бухарская обл., Навои-5, учр. УЯ — 64/29	общий
13. Ворошиловградская обл., Перевальск, учр. 314/15-9	строгий
14. Павлодар, учр. АП — 162/2	усиленный
15. Алмаатинская обл., ст. Гемолган, учр. ЛА — 154/В	общий
16. Львов, ГСП-5, учр. ВЛЗ — 5/48-2	строгий
17. Горький-7, учр. ИЗ — 32/1	общий
18. Гомель, учр. УЖ — 15/4	женский усиленный
19. Волынская обл., Маневичи, учр. ОВ — 302/42	строгий
20. Горьковская обл., ст. Сухобезводная, учр. УЗ — 62/10	общий
21. Черкасская обл. Таганча, учр. 325/68	общий
22. Ташкентская обл., Бекабад, учр. УЯ — 64/21	строгий
23. Бухарская обл. Навои-3, Тинчлик, учр. УЯ — 64/46	общий
24. Одесса, учр. 311/124	женский общий
25. Алма-Ата, учр. ЛА — 155/3	усиленный
26. Душанбе, пос. Рохатый, учр. ЯС — 3/5	общий
27. Хмельницкая обл. Райновцы, учр. МХ — 324/1285	общий
28. Минск, учр. УЖ — 15/7	общий
29. Курск, пос. Косиново, учр. ОХ — 30/2	строгий
30. АзССР, Сальянс, ЖС Халадже, учр. УА — 38/5	общий
31. Краснодарский край, Усть-Лабинск, учр. УС — 65/2-1	общий
32. Пермская обл., Кизел, пос. Рассольный, учр. ВВ-201/5	строгий
33. Днепропетровск. обл., с. Аполоновка, учр. ЯЭ-308/21	строгий
34. Ворошиловградск. обл., Вахрушево, учр. УР-314/19	строгий
35. Ворошиловградск. обл., Краснодон-6, учр. УЛ - 314/36	строгий
36. Ворошиловградск. обл., г. Комиссаровка, учр. УЛ-314/22	строгий
37. Полтавская обл., Кременчуг, учр. ОЛ - 317/69	общий

Совет родственников узников ЕХБ

Винс Лидия Михайловна (председатель)
 Киев, ул. Сошенко, д. 116
 Вильчинская Зинаида Яковлевна
 Брест, ул. Ладю, 20

Из жизни мордовских лагерей

ГУЛАг — СЕГОДНЯ

(Свидетельство из лагеря Б. Пенсона)

Шалом халейхем!

«Переход к коммунизму предполагает воспитание сознательных и высокообразованных людей способных как к физическому, так и к умственному труду». (Из Программы КПСС) (плакат в учр. Ж X 385-19).

С удовольствием написал бы каждому из вас письмо, вы знаете — это невозможно. Так случилось, что могу черкнуть несколько слов всем вам. Вы давно дома, свободны, с головой в другой жизни, о многом, вероятно, забыли — ваше время летит, но частица вас все еще здесь с нами. Ваши валенки, бушлаты, которые мы донашиваем, ваши предметы — все напоминает нам о вас. Мне кажется, что ушли вы только вчера, а те, кто здесь недавно, кто вас не застал — с теми сидишь давным-давно. Богуславский ушел 2.7.73, последним из вас с этой зоны. Теперь на очереди Толик, затем Борис. Мне повезло всех вас встречать и доведется, видимо, всех проводить. Останусь один на один с Советской властью. Печальный вариант, хотя висящий в зоне плакат несколько обнадеживает:

«Советская власть не мстит преступнику, а действительно исправляет его, раскрывая перед ним победоносное значение труда, смысл социальной жизни, высокую цель социализма, который растет, чтобы создать новый мир.»

Проводы Виктора оказались скомканными (заварить не удалось) из-за преждевременности и неожиданности с какой дернули его на этап в Питер. Полагаю, он рассказал вам об этом и обо всем, что было здесь при нем. Я же начну свое письмо с того, чем он кончил рассказ, и продолжу вкратце «хронику» событий нашей жизни.

Август 73 г. оказался для нас неудачным. Вышел крупный провал с передачей письма в Комитет Прав Человека в Москву.

Письмо подписала большая группа лиц и, естественно, у КГБ были об этом сведения. За день до освобождения Ивару Жуковскису устроили на вахте тщательный шмон и нашли письмо в каблуке ботинка. Освободили Ивара назавтра уже из ШИЗО и видели мы его лишь мельком за забором. Известно, что после этого, была у него масса неприятностей. Для нас обстоятельства провала остаются еще не совсем ясными. Тогда, в августе, выяснилась лишь роль Ф. Клименко, а теперь и еще одного лица, о котором я скажу позже. В руки к нам попал донос Клименко в КГБ. В нем он излагал как факты, так и давал свою оценку некоторых из нас. Было у ребят намерение поговорить с ним в ближайший удобный день, да удалось ему вывернуться, неожиданно для нас его 12. 9. помиловали. Суке сучья радость, — за шесть месяцев до конца срока. За провалом пошли из-за письма репрессии. Любарского держат на больницу (без него проворачивают здесь следствие), затем через неделю привозят в зону и тут же 18. 8. определяют в П.К.Т. на шесть месяцев. За Любарским в бур идут Пашилис, Шакиров, Будулак-Шарыгин. Последних двоих через пару месяцев отправляют во Владимир на три года.

7. 9. вернулся из Владимира Александр Романов. Увезли его с этой зоны 30.8.71 г., вы, должны быть, помните, по поводу его отправки была в знак протеста голодовка с 28.8 до 3.9 — 15 человек. Прибыл Саня худой, бодрый...

Привез из Владимира новости и песню, написанную украинским поэтом Сакульским. Вероятно, некоторые из вас его помнят; он был посажен в 1969 г. на 4 года 6 месяцев за обращение от имени Творческой молодежи Днепропетровска и три стихотворения, инкриминированных ему как антисоветские. Из лагеря Сакульского отправили во Владимир до конца срока.

Общая песня

Нет в мире лучше особой тюрьмы,
Здесь процветаем свободные мы.
Радостно дышится, ну-ка скажи
Общие правила, общий режим.

В доме казенном, прекрасном таком,
Общий порядок, всеобщий закон,
Правды захочется — правду ищи,
Общая каша, всеобщие щи.

Нам ненавистен стяжательства зуд,
Мы обеспечены правом на труд,
Слова не знаем «мое» и «твое»,
Все у нас общее, даже белье.

Скорей привыкай же, кто не привык:
Общая родина, общий язык.
Хором пропели вам, общие мы,
Общую песню особой тюрьмы.

«Обдумай! Все ли ты сделал для того, чтобы пересмотреть свои убеждения и для совершенствования своих гражданских качеств?»

(плакат в библиотеке учрежд. Ж X 385-19)

Октябрь прошел под знаком войны. Ведро нервов. Информации нет. Скучные и паскудные сообщения арабских агентств в советской интерпретации. Знать что-либо точно не было никакой возможности. Письма из Израиля не пропускали. Мы требовали их, а Стаценко шутил: «Зачем вам письма! Может Израиль уже и не существует». Не слишком помогало и знание особенностей советского радио, газет. Читали и слушали все подряд, но об истинной картине узнали лишь много времени спустя. Тогда и гора свалилась с плеч.

3/11 — Администрация решила над нами пошутить. Время для подобной шутки было удачным. Предстояли ноябрьские торжества и, известно, есть у них привычка в праздники увозить «ненадежных» куда-нибудь в изолятор. Утром объявили: «Идете трое на этап. Явиться на вахту со всеми вещами». На вахте устроили нам генеральный шмон. Присутствовали оба опера, ДПНК и сам Вельмакин. Продукты (я захватил нам (н/з) пару банок консервов и сахар) отобрали, и, основательно перетряхнув нас, через пару часов объявили: «Этапа не будет, идите в зону. Продукты забираем. Не положено. Шутке 56 лет, а мы попались как дети.

«Советские законы довольно строги в отношении к преступникам, но они очень гуманны, ограждая людей от антиобщественных проявлений.»

(плакат у входа в зону учр. Ж X 385-19)

4/12 — В годовщину смерти замученного здесь в лагерях Ю. Т. Галанскова ребята заявили протесты. Ответ прокурора учр. Ж X 358 Ганичева на один из них: «Романову А. И. объявить, что смерть Галанскова в причинной связи с незаконными действиями администрации в местах лишения свободы не находится. Протест Романова не обоснован. (27-12-73 г.)»

10/12 — В годовщину принятия Всеобщей Декларации Прав Человека в связи с нарушением СССР этого документа также были протесты и в голодовке участвовало 10 человек. (Мы трое ограничились заявлениями — 24/12 намечалась наша голодовка по случаю процессов над евреями.)

Ответы на наши протесты пришли из разных учреждений, но стандартные: «Советские люди пользуются полной свободой и демократией. Оснований для протестов нет.»

«Коммунизм утверждает на земле мир, свободу, равенство и счастье всех народов.»

(плакат в учр. Ж X 385-19)

К концу 1973 года прибыл на зону из Владимирской тюрьмы А. А. Петров. Вы, вероятно о нем наслышаны. Он поэт и прозаик. Находился во Владимире три года за публикацию на Западе повести «Арестантские встречи». Человек он чрезвычайно интересной судьбы. Познакомлю вас с 2-мя его новыми стихотворениями, подаренными им Толику и Борису.

ЕСЛИ Б БЫЛ Я ЕВРЕЕМ!

*В день рождения — с любовью.
А. М. Гольдфельду.*

«Братья. Желание моего сердца и молитвы к Богу
об Израиле — во спасение.»
«Итак, спрашиваю: неужели Бог отверг народ свой?
Никак. Ибо и Я Израильтянин, от семени Авра-
мова, из колена Вениаминова.»
«Их и отцы и от них Христос по плоти, сущий над
всем Бог, благословенный во веки аминь.»
(из Послания св. апостола Павла к Римлянам)

Если б я был евреем, вовеки
Не назвался бы словом другим.
Все мы братья. И все — человеки,
И у всех свой Париж и свой Рим, —
Но Израиль...
Да, друг мой, Израиль
В мире этом всего лишь один.
Да, он — Каин
Но он же и Авель.
Да, он — раб
Но и он — господин.

И откуда ты слышишь? Оттуда
И свобода. И правда. И — грех.
Там — конец и начало.
И — чудо.
И — спасенье, спасенье для всех.

Если б я был евреем. А, впрочем,
Кем кто есть, тем и должно нам быть.
Никого не судить, не порочить.
Свой очаг, честь народа хранить.

Только все ж никогда я, вовеки,
Не назвался бы словом другим.
Все мы братья. И все — человеки
И у всех свой Париж и свой Рим.

Но Израиль — один. Иудеи —
Это соль. Это смысл. Это суть.

Не кичась, не хвалясь, не жирея,
Ты об этом, мой друг, не забудь.

И куда б ни швырнула аида
По дорогам житейским метель —
Помни, друг:
Ты — потомок Давида
И Господь. И Господь —
Твоя цель.

Помни, друг:
Твоя цель — Иудея.
Твой народ,
Твой язык,
Твоя речь.
И в борьбе своих сил не жалея
Все ты должен собрать и сберечь.

Среди всех испытаний и молний,
В дни торжеств
И в години скорбей, —
Будь потомком великих достойным,
Помни, друг:
Ты — еврей
Ты — еврей.

Если б я был евреем!

7 марта. Лесное, Мордовия

СИОН ЗОВЕТ

Борису Азерникову — с любовью.

«Слушайте, возлюбленные Мои, говорит Господь, вот перед вами дни скорби и от них Я избавлю вас, не бойтесь и не сомневайтесь, ибо вождь ваш — Бог»

(Пророчество пророка Ездры)

Да, я виновен пред тобой.
Но ни одной своей виною.
За землю всю,
За род людской,
Склоняюсь низко головою.

Позор и боль, щемящий стыд
Годами сердце мое гложат.
Когда я слышу выстрел — жид!
Буря пронесется по коже.

И чья-то пуля, чей-то яд
Опять меня в огонь бросают.
...А, между тем, костры горят,
Костры горят. Я это знаю.

Средневековые костры.
Костры сегодняшнего века —
Цивилизации дары.
И — «все во имя человека.»

Чтоб ни случилось — «всё жиды.»
«Одни жиды всему виною.»
Но знай еврей,
Борис, и ты,
Что, русский, я всегда с тобою.

Да, православный, да, Христос —
Спаситель мой, и твой — Он — тоже.
Но Бог не ненависть принес,
Не злобу, не вражду до дрожи.

Господь оставил нам любовь.
А мы?
Мы, люди всего мира?

И на Голанских льется кровь.
То — меч Творца
Его секира.

Бой на Голанах — бой миров.
Грядет великая расплата
За Бухенвальды,
Гарь костров,
За все, в чем люди виноваты.

А виноваты мы во всем.
Идя губительной дорогой,
Мы оскорбляли Божий Дом,
Крича в безумстве:
— Нету Бога!

Нет, есть Господь: и свой народ
Он не оставил, не оставил.
Святой Сион к себе зовет.
И бой ведут евреи — правый!
...Да, я виновен пред тобой.
Но ни одной своей виною.
За землю всю,
За род людской,
Я говорю:

— Господь с тобой!

Господь с тобой.

Господь с тобой!

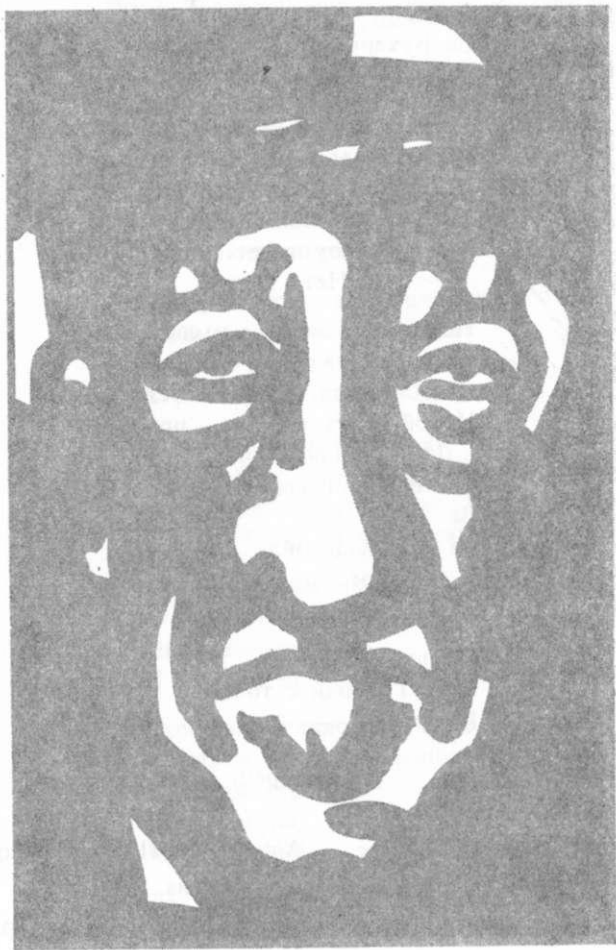
И правда —

выиграет бой!

Александр Петров-Агатов

Весна 1974 г.

Пос. Лесной Мордовия.

Портрет А. А. Петрова-Агатова работы Б. Пенсон.

(«Лесное», 1974 г.)

В результате ряда новых процессов на Украине пополнились ряды украинцев. Среди прибывших сюда — Зорян Попадюк, славный парень, студент-филолог Львовского университета, 1953 г. рожд., активно боролся против русификации Украины. Получил за это 7 лет лагеря и 5 лет ссылки. 18/4/74 Попадюка посадили на 6 м-цев в ПКТ, по совокупности рапортов, якобы за нарушение режима содержания. (Подельник Попадюка, Микитко, получил 5 лет и находится сейчас на другой зоне).

А совсем недавно познакомился с молодым учителем литературы В. Овсиенко (1949 г. рожд.), срок 4 года. Его подельники: Пронюк М., 1936 г. рожд., срок 7 лет лагеря и 5 ссылки — сотрудник Киевского института философии, находится в Перми; Лисовый В. — 1937 г. рожд. — срок 7 и 3 ссылки, кандидат философ. наук — здесь в Мордовии на 3-ей зоне. Самый молодой среди полит-зека украинцев здесь — Любомир Старшольский, 1955 г. рожд. Его арестовали за несколько дней перед школьными выпускными экзаменами, прямо со школьной скамьи.

12/1/74 в знак протеста против арестов и судов украинцы отправили заявления и держали голодовку. Борис и Толик также отправили по заявлению (я не рискнул предстоящим свиданием). В своих заявлениях в Президиум Верх. Совета СССР каждый из них указал, что: «12/1/74 исполнилось два года со дня ареста ряда деятелей украинской культуры, осужденных и приговоренных затем к большим срокам заключения, хотя единственным преступлением этих людей было их стремление к сохранению культурно-национальной жизни. Мне, еврею, стремящемуся выехать на свою историческую Родину в Израиль, и осужденному за это советским судом, близки чаяния национально мыслящих украинцев, понятны их побуждения и надежды, боль их родных и близких. В годовщину арестов этих людей я выражаю свой протест, требую их освобождения.»

«Политика нашей партии проникнута великой идеей коммунизма — все во имя человека, для блага человека.»

(плакат около штабного барака укр. Ж X 358-19)

Совсем недавно к нам на зону были переведены несколько человек с особого режима. Упомяну троих: Бабич Сергей Александрович, 1939 г. рожд., украинец, рабочий парень (до ареста работал плотником), протестовал против русификации Украины,

против тяжелых условий жизни, низкой оплаты труда. Арестован за это в 1960 г. 13/4 и осужден судом в городе Житомире на 3 года заключения в лагере строгого режима. Сидел здесь в Мордовии. В 1962 г. был отправлен администрацией, якобы за нарушения режима, во Владимирскую тюрьму, где он пробыл до конца срока. Освободился в 1963 г. 13/4, а 27/9 этого же года был снова арестован, опять по обвинению в распространении листовок с критикой в адрес тогдашнего советского руководства (Н. Хрущева). Новый суд состоялся в 1964 г. 19/2 в городе Ровно. Срок дали 10 лет, теперь уже особо-строгого режима. 17/5/64 Сергей прибыл на спец-зону. Крайне тяжелые условия жизни на спец, непомерно большой срок, все это гарантировало молодому, здоровому парню инвалидность к концу срока и загубленную жизнь. Бабич принимает отчаянное решение — уйти в побег. 14/8 — через три месяца после прибытия на зону — ему удается бежать. Однако, через два дня его ловят. Выдала его одна гражданка, у которой он остановился переночевать.

Опять следственный изолятор, опять ожидание нового суда за побег. И опять, даже из изолятора, Бабич пытается бежать — делает подкоп в полу под нарами. В последнюю минуту надзиратели подкоп обнаруживают и бросают Бабича в ШИЗО, где в течение первых пяти суток совершенно не кормят, держат раздетым при минусовой температуре.

В октябре 1964 г. состоялся суд, и за попытку побега ему добавили три года. После суда, ожидая этапа в Владимир, Сергей решает попытаться бежать еще раз, последний; если не повезет — то лучше погибнуть сразу, чем умирать мучительно медленно во Владимире и лагерях. На пути к Владимиру ему удается у едущих рядом уголовников раздобыть одежду. Бежать в полосатой спец-одежде — невысказано. Уже в самом конце пути, на перроне Владимирского вокзала, при пересадке 24/12, Бабич резко бросается сквозь оцепление конвоя и бежит. Солдаты открыли огонь поздно. Офицер, майор, побежал за ним, и, выпустив из револьвера всю обойму, попал Бабичу в ногу.

Раненого, его привезли во Владимирскую тюрьму. Тюремный врач настаивал на том, чтобы его определили в больницу, но Бабича поместили в камеру, и не успела еще рана зажить, как от него стали требовать выполнения тюремного режима. Койку на день пристегивали к стене, оставляя Сергея в вертикальном положении по 16 часов в сутки. За малейшее невыполнение режима больного помещали в ШИЗО.

19/2/6 состоялся суд — за очередной побег. Бабичу добавили еще три года. Пробыл Сергей во Владимире до 1968 года, затем его возвращают на зону спец-режима и там он находится до 4/1/1974 года; а теперь переведен сюда на 19-ую зону.

— Симутис Людвиг, 1935 г. рожд., литовец, участник национального подполья, боровшегося против Советов за независимость Литвы. Мальчишкой был связным у литовских партизан. Затем активно участвовал в неравной битве и лишь внезапное и тяжелое заболевание (туберкулез позвоночника), приковав его к постели лишило его возможности продолжать борьбу. В больнице в 55 году Симутиса арестовывают, над больным проводят следствие и суд. Особое совещание приговаривает Людвигу к расстрелу. Через несколько месяцев смертную казнь заменяют 25-ю годами заключения и все еще безнадежно больным Симутиса отправляют в лагерь. Уже в лагере в 58 году мед. комиссия выносит заключение о неизлечимости болезни и предлагает администрации освобождение заключенного. Однако, его так и не освобождают, и он сидит по сей день. Прибыл Людвиг в 19-ую зону вместе с Бабичем в один день — 4/1/1974. До конца срока осталось ему сидеть 6 лет, он — инвалид, но тем не менее администрация вынуждает его работать.

— Паулайтис Пятрас, 1904 г. рожд., тоже литовец и участник национального подполья, — человек интересной и трагичной судьбы — много отдавший делу борьбы за независимость Литвы. Образование Паулайтис получил философское в Италии. Работал в Германии, Португалии. В 1938 г. возвращается из заграницы в Литву. Работает преподавателем латыни. В 1940 г. с приходом красных уезжает в Германию. В 1941 снова возвращается в оккупированную немцами Литву и включается в антинемецкое национальное подполье. Участвует в редактировании нелегальной газеты «За Свободу». Пишет статьи с протестами против преступлений фашистской администрации в Литве. За это был арестован в 1942 г. гестапо, после следствия при транспортировке в концлагерь бежал и скрылся. В 1944 году Литва переходит в руки советской администрации и Паулайтис остается в национальном подполье — редактирует подпольную газету «Колокол Свободы». В 1947 г. его опять за это арестовывают, — на сей раз Чека. В Чека не очень церемонились со своими оппонентами. С первого же допроса в НКВД нач. следственного отдела полковник Захаров извлек и пустил в ход свой основной аргумент — резиновую дубинку. Били все 9 месяцев, пока шло следствие. Затем Особое Сове-

шание приговорило Паулайтиса к 25 годам заключения. В 1956 году, в «период реабилитанса», срок сокращают до 10 лет. В 1957 г. Паулайтис выходит на свободу. Живет в Литве. Не проходит и года, как в 1958 г. его опять арестовывают и по обвинению в националистической пропаганде и организационной деятельности (ст. 58-10, 11) вновь приговаривают к 25 годам лишения свободы. Затем Паулайтис этапирован в Мордовию в 11-ый лагпункт строгого режима. В 61 году внезапно переведен администрацией на зону со спец-режимом, как сказано в постановлении: «За вредные контакты с молодежью» — на шесть м-цев. Вместо шести м-цев Паулайтиса держали в каменном мешке 12 лет, и только сейчас его перевели обратно на строгий режим в 19-ую зону.

В 63 году некто майор МВД Святкин, предложил Паулайтису написать в Литовскую газету статью — «отпор клеветникам с Запада», обещав за это облегчить его участь. Паулайтис отказался и тогда Святкин заявил: «Вы здесь сгниете. Вы никогда не выйдете на свободу, можете мне поверить.»

Паулайтису сейчас 70 лет, сидеть осталось еще 9 лет; пожалуй майору Святкину на сей раз можно верить.

— 18/2 вышел из бура Любарский. А через месяц 18/3 произошел эпизод, которым я и закончу эту свою «минихронику». В тот день ребята предъявили обвинение В. Белохову. Потребовали у него объяснения по собравшимся, связанным с ним, неясным и неприятным фактам. «Следствие» прошло почти как в «лучших домах» на Литейном и Лубянке. Часа через три Белохов сознался, что писал систематически доносы, как он пояснил: «Только общего характера. Ни на кого конкретно». Делал он это для некоей могущественной организации, но назвать ее отказался. Полагаю догадаться нетрудно.

«Каждый трудоспособный осужденный обязан трудиться. Инвалиды первой и второй групп привлекаются к труду с учетом медицинских показаний.

Заболевшие осужденные обязаны не позднее чем за 30 минут до развода на работу заявить о своем состоянии начальнику отряда или старшему дневальному, записаться в спец-книгу в отряде и, с дневальным, прибить в санчасть.»

(Из правил режим. содерж.)
(Стенд в учр. Ж X 385-19)

Быт наш остался без изменений. Кормят все тем же овсом, все той же, с гнильцой селедкой. Режим стал жестче, и теперь намереваются ввести еще и строевую подготовку.

«Осужденные обязаны носить установленные отличительные нагрудные и нарукавные знаки»

(Из правил режима содержания)
(Стенд в учр. Ж X 385-19)

Работаем как и раньше. Меня, правда, прокрутили по всем кочегаркам, был на отвозке футляров, сейчас опять вместе с Толликом глотаю пыль на зачистке. Одно время поговаривали об этапе на север, да вроде бы отложили до осени. Управление заинтересовано в нас, как-никак хорошая кормушка. Дармовая мебель, сувениры — можно нажиться. Шкафы и шахматные доски идут «налево» потоком — чай — великий стимулятор:

«Любовь к труду и к знаниям, честность и дисциплинированность — вот что вернет тебе доверие Родины, народа, семьи.»
(Плакат в учр. Ж X 385-19)

Начальник колонии Усов разжалован и переведен начальником режима в колонию где-то в Рязани. Поводом явилась его пьяная драка с сыном вышестоящего начальника. Все бы обошлось, да хотелось ему посадить того парня (не зная, чей это сын). Хозяйское дело, захотел — сделал, да вот вышло, что «родню начальства надо знать в лицо». Вспомнили ему тогда в управлении все — пьянство, хамство (один эпизод со свиданием Азерникова чего стоит), операция с мебелью, поселковые похождения и прочее. В общем, все, как водится в таких случаях, чуть-чуть не лишился партбилета.

Теперь у нас новый начальник колонии — Пикулин.

«Осужденный обязан при встрече с сотрудниками ИТУ или другими должностными лицами, посещающими ИТУ, здороваться с ними, вставать, в теплое время года снять головной убор.

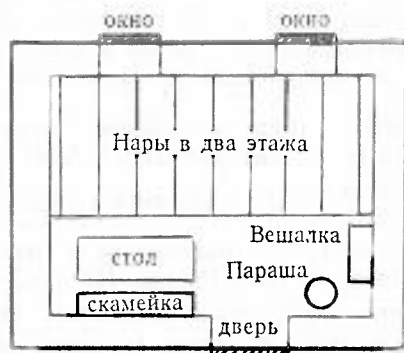
Осужденный обращается к сотрудникам ИТУ на «Вы» и называет «гражданин» или «гражданка» и далее звание и занимаемую должность.»

(Из правил режима содержания)
(Стенд в учр. Ж X 385-19)

Недавно я прочел в «Известиях» за 17/4/74 заметку «Который час, кукушка?». Речь идет о Сердобском часовом заводе, — футляры для которого мы делаем. Завод экспортирует свою продукцию за границу, в частности в Англию. Интересно, знают-ли англичане, что эта продукция сделана руками политзаключенных СССР? Знают ли любители русских сувениров, что вообще немалая часть советских товаров делается заключенными? Покупая их, ведь и они подписываются под всем этим.

«Осужденные! Активно включайтесь в трудовое соревнование за выполнение 9-ой пятилетки».

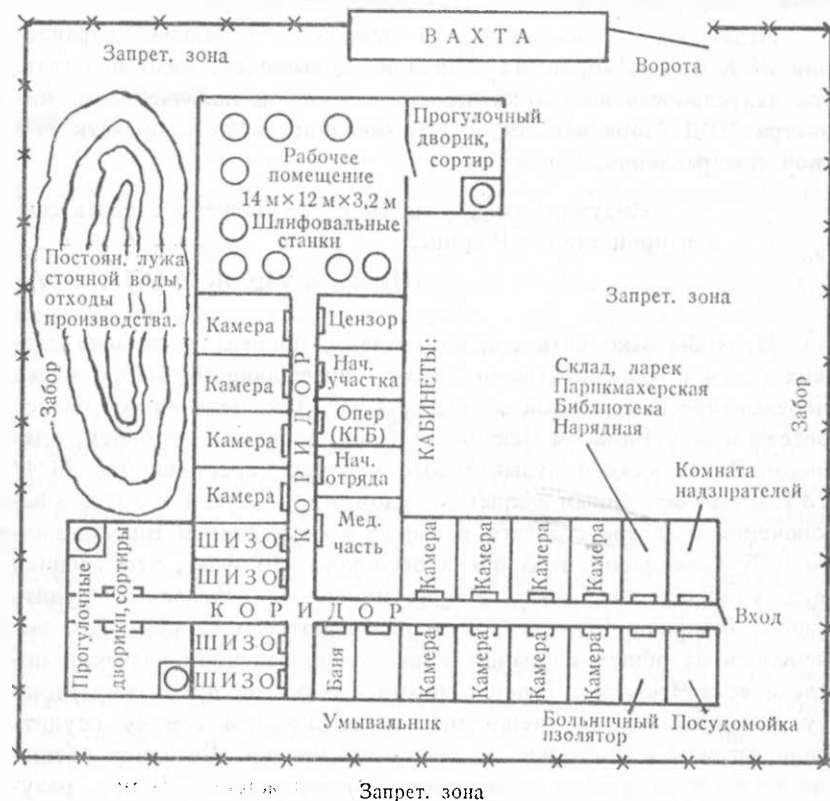
(Плакат в учр. Ж Х 385-19)

План камеры 15 м² на 8 человек

Очень тревожные известия поступили с особого режима. Положение наших ребят там крайне тяжелое. Условия жизни и работы нечеловеческие. Совершенно очевидно, что если ничего не изменится, то они, с их сроками, погибнут или станут полными инвалидами. Содержат их безвыходно в тесных темных камерах 15 м² по восемь человек (нары в два яруса). Часто, намеренно-впережку с уголовниками, что еще более ухудшает условия жизни. Сырость в камере такая, что за год гнивает по два матраца. Работа тяжелая, чрезвычайно вредная — шлифовка свинцового стекла. Рабочее помещение непомерно маленькое, низкое, грязное. Вентиляции нет. В воздухе постоянно висит абразивная и силикатная пыль. Шлифуется стекло на чугунных и абразивных кругах, при этом все время используется горячая вода, пар от которой оседает на потолке и водой стекает по стенам вниз. Все помещение пропитано сыростью насквозь. Спецдежды при этом

нет и положенного при вредных работах спецпитания тоже нет. Заключенные требовали молоко и, хотя мед. комиссия признала работу вредной, молоко дать отказались. Заявили просто: «От молока может быть еще хуже». При таком положении — изнурительная восьмичасовая работа изо дня в день, в течение многих лет, — с той пайкой, какую там они получают, камерное содержание без воздуха, среди уголовников, практически без книг — все это, — неизбежная физическая и духовная деградация.

План участка №1 учр. ЖХ 385 (особый режим)

Надо отдать должное Эдику, даже в таких условиях ему удалось написать и переправить свои дневники. Не помог администрации и приставленный к нему «персональный» стукач. После публикации на Западе дневника, Эдика, Алика и Юру возили в КГБ в Саранск. Грозил новым судом.

Узнали мы об одной забавной детали, которая приключилась с Эдиком и Юрой после «великого» переселения спец. режимной зоны. Поместили Юру и Эдика в 10-ую камеру и они обратили внимание, что среди тех, кто оказался с ними, вроде бы нет стукача. Такого быть не могло. Стали приглядываться к помещению и заметили, что по полу и стене идет свежая цементная полоса. Стали понемножку ковырять и вытащили наконец подслушивающее устройство, провод которого проходил через коридор в кабинет опера, который находится напротив камеры.

Недавно стало известно, что Осипов — начальник управления Ж Х 385 «Дубровлаг» пошел на повышение; надо полагать, его деятельность высоко оценена и сейчас он назначен зам. министра МВД Мордовии. Если есть желание, можете послать ему свои поздравления.

«Подумай: что сделал ты и что сможешь сделать еще для процветания Родины.»

(Плакат в учр. Ж Х 385-19)

И чтобы закончить с нашим бытом, приведу несколько свежих бесед с «должностными лицами, посещающими ИТУ», бесед небезынтересных, на мой взгляд, для вас. Так, недавно состоялась беседа между Римасом Чекалысом (55 года рожд., литовцем, учеником Вильнюсского музыкального училища, арестованным 26/4/73 г. и приговоренным закрытым судом по ст. 70 ч. 1 к 3 годам заключения в лагере строгого режима) и сотрудником Вильнюсского КГБ Тракимасом. КГБ очень беспокоит тот факт, что ученики муз. училища, где учился Римас, не только отказались осудить своего товарища Чекалыса, но и разделяют его взгляды. Это выяснилось на общем собрании в школе, проведенном властями после ареста Чекалыса. Теперь Тракимас в беседе предложил Римасу выступить перед учениками своей школы и самому осудить свои взгляды и поступки. За такое выступление Чекалысу обещано облегчение участи и, возможно, освобождение. Римас, разумеется, отказался. Он сказал: «Я хочу только одного — свободы Литве. Разве это можно осудить и от этого отказываться?».

Следующая беседа состоялась между нач. Явасского КГБ п/п Дротенко и К. Любарским. Беседа проходила в центральной больнице «Дубровлага», где в то время по причине резкого ухудшения здоровья после шести месяцев ПКТ находился Любарский. Любопытным штрихом в ней была попытка кагебиста использовать для

компрометации Любарского факт пребывания последнего на больнице: «Я недавно был в 19-ом лагере, — сказал Дротенко — так все ваши товарищи говорят, что КГБ Любарского скармливает. К чему бы это?». Далее Дротенко повел беседу в более жестких тонах: «Вы не только сами постоянно неправильно ведете себя в лагере, но и подбиваете к этому других. Нет ни одного события в 19-ом лагере, в котором бы не участвовало ваше имя. Мы сейчас вас подлечили в больнице, но и вы должны за это отплатить нам соответствующим поведением. Как вы намерены вести себя дальше?»

— «В соответствии с тем, как подсказывает мне совесть» — ответил Кронид. «В таком случае, ваш срок увеличится, — сказал Дротенко. Сообразуйте с этим свою совесть». — «Очень любопытное мерило для совести», заметил Кронид. — «Я оговорился, поспешил поправиться Дротенко, я хотел сказать: сообразуйте свое поведение» — «Что ж, любопытная оговорка...» — «Ну вот что, Любарский, закончил Дротенко, вы мне теперь полностью ясны. Я более ни на секунду не выпущу вас из поля зрения. Мы не позволим, слышите — не позволим! — вам заниматься антигосударственной деятельностью. Рассматривайте это как самое серьезное предупреждение.»

На днях вызывают в штаб Азерникова. Оказались четверо: Стаценко, новый начальник Явасского КГБ Дротенко и двое в штатском, как они сообщили, тоже работники КГБ. Как показалось Борису, один из них являлся председателем КГБ Мордовии. Разговор велся к двум основным моментам. Первое — граждан кагебистов интересовало: «Почему евреи все-таки уезжают из СССР? Что по этому поводу думает Азерников?» Второе — предупредили, чтобы никаких сейчас выступлений со стороны местной общественности: если Борис примет в них участие, то ему надолго задержат отъезд в Израиль после освобождения и, кроме того, заставят при этом полностью уплатить за образование, т. е. 12 тысяч рублей.

Тема и время разговора позволяют сделать предположение: цель беседы — профилактика на месте, по случаю визита Никсона.

Следующая беседа состоялась также между Борисом и теперь уже сотрудником политотдела управления Никитиным. Приведу ее почти дословно:

— «Почему вы, Азерников, не явились на Совет Коллектива отряда, когда вас вызвали?»

— «Я не считаю для себя это возможным. Ваш Совет Коллектива состоит из четырех военных преступников, осужденных на 25 лет, бывших фашистов, которые непосредственно принимали участие в уничтожении евреев. Не исключено, что они лично убили моих родственников. Руководит деятельностью этого Совета коммунист, парторг учреждения майор Кропотов. Вызвали они меня, как вы считаете, с целью моего перевоспитания. Вот и судите сами: четыре фашиста — убийцы во главе с коммунистом намерены перевоспитывать меня — еврея. Не так давно, таким же образом в фашистском концлагере перевоспитывали моего отца.»

— «Мы, Азерников, прекрасно знаем, кто чем занимался во время войны, сейчас эти люди стали на путь исправления и, естественно, помогают нам воспитывать тех, кто еще не встал на этот путь, — таких как вы. Учтите, если вы не измените своего поведения, мы вас накажем.»

Гражданин Никитин слова на ветер не бросает. Зорян Попадюк как-то отсидел 15 суток в карцере только за то, что назвал вот такого, «вставшего на путь исправления», — полицаем, назвал после того, как тот написал на Зорина клеветнический рапорт.

В заключение своего письма — пару слов по поводу нашей переписки. С письмами, к великому нашему сожалению, совсем плохо. Местные еще кое-как доходят, а из-за границы пропадают бесследно почти все. Очень плохо, что до сих пор этот вопрос не сдвинулся с мертвой точки. А сдвинуть его надо, и не только потому, что нам радостно получать весточку от родных и друзей. Важно привести этот вопрос в норму, если, конечно, есть какие-то международные нормы, обязывающие почту нести ответственность за доставку писем. Отдел цензуры в Москве произвольно отсеивает основную часть писем и ни нас, ни корреспондентов об этом в известность не ставит. Важно обязать Глав. Почтамт в Москве отчитываться за каждое недоставленное письмо. Если бы письма к нам шли через какую-нибудь общественную организацию, которая взялась бы перед передачей в Москву их регистрировать, а затем требовать уведомления, то есть вероятность успеха — куда труднее цензуре иметь дело с организацией, нежели с частным лицом.

Обнимаю вас, жду ваших писем.

Борис Пенсон
Мордовия, Лесное
весна 1974 г.

Дорогой др. Эйлор! Как мне стало известно, Вы сейчас занимаетесь моим делом. Возможно, Вам будет интересно узнать о моем взгляде на дело, взгляде осужденного.

Действительно, я вместе с группой единомышленников желал бежать из СССР в государство Израиль. Действительно, для этой цели мы намеревались захватить самолет. Сейчас, когда немалое количество евреев совершенно легально уезжают в Израиль, наши действия могут показаться по крайней мере странными, тогда же, до 71 года, это была единственная возможность вырваться из СССР. В 70 году, в феврале, моя семья получила категорический отказ Советских органов на просьбу о выезде к своим родственникам в Израиль. Все мои настойчивые требования остались безрезультатными. Тогда же, в 67-70 годах в СССР властями проводилась широкая пропагандистская анти-израильская, антиэмиграционная кампания. Устраивались пресс-конференции, на которых некие лица от имени всех евреев, проживающих в СССР, заявляли: «Евреи не желают покидать СССР.»

Понятно, ни я ни мои единомышленники не могли смириться с таким положением вещей. На наших глазах топтали нашу мечту — жить на Родине в Израиле. Ждать дольше было невозможно. Такой поворот событий не оставлял никаких надежд.

Советский суд квалифицировал мои действия по двум статьям 64а и 93в, по каждой из которых приговорил меня к 10 годам лишения свободы в лагере строгого режима.

Статья 64а «Измена Родине» — особо опасное государственное преступление. Можно ли вообще считать виновным в «Измене Родине» человека, не желающего этой навязанной ему Родины, не считающего себя ее гражданином, человека, который пытался осуществить свое право на выезд, право, которого его лишили? Разве я не действовал законно, возбудив в соответствующих Советских органах ходатайство о выезде из СССР? Почему же суд совершенно игнорировал обстоятельства, объясняющие суть дела, — факт ходатайства и факт категорического отказа на него? В обвинительном заключении и в приговоре об этом не сказано ни строчки. Советское правосудие силилось представить меня и моих товарищей бандой маньяков, единственная цель которых — угон самолета.

О статье 93в — «Хищение государственного или общественного имущества в особо крупных размерах» — говорить не приходится, она здесь более чем неуместна. Все юристы, осуществляв-

шие нашу защиту на суде, заявили по ней протест, да и сам суд даже и не пытался обвинить кого-либо из нас в намерении присвоить самолет с целью наживы, — всем ясно, самолет — лишь средство транспорта. Тем не менее, только из-за того, что в Советском Уголовном Кодексе отсутствовала на то время нужная статья (статья «Угон воздушного судна» введена лишь в 73 году), суд приговорил нас по «чужой» статье к немалым срокам заключения.

Суд совершенно не посчитался и с тем, что, собственно, ничего и не произошло, что бегство было всего лишь задумано, и рассматривал дело таким образом, как если бы оно было осуществлено.

15 июня исполнится четыре года, как я и мои друзья томимся в заключении. Четыре года грязи, лишений, унижений человеческого достоинства, тяжелого принудительного труда. Думаю, что это — не самая большая плата за надежду жить дома, в Израиле; за это можно отдать и большее. Но ни у кого не должно оставаться и тени сомнения в отношении характера тех, кто взимает эту плату, кто день за днем, капля за каплей пьет нашу жизнь.

Жму Вашу руку, с уважением

Б. Пенсон

Мордовия, Лесное, весна 1974 г.

P.S. Я не возражаю против использования этого письма, в любой удобной для Вас форме.

Уважаемый Пауль Наумович!

Из Вашего письма я узнал о др. Тейлоре. Если я не все правильно понял, то прошу внести поправку и отправить это письмо по назначению.

С приветом,

Б. Пенсон.

ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

А. СОЛЖЕНИЦЫН

ТРЕТЬЯ МИРОВАЯ?..

После того, как Первой Мировой войне наследовала Вторая, — у кого не возникало в уме и на устах, над кем не нависало: а не вспыхнет ли еще и Третья?.. И сколько уступлено, сколько пожертвовано, чтоб отклонить, отдалить, избежать её!

Но многие ли заметили, имеют мужество признать, что Третья Мировая война уже пришла, и уже почти прошла, вот кончается в этом году, — и уже проиграна свободным миром катастрофически?

Третья Мировая война началась немедленно за Второй, даже перекрывая её конец, она началась в 1945 году в Ялте под ослабленными перьями и ложными идеями Рузвельта и Черчилля, спешивших начать победу с уступок — Эстонии, Латвии, Литвы, Молдавии, Монголии, миллионов советских граждан, насильственно возвращаемых на смерть и в лагеря, созданием недееспособной Организации Объединённых Наций, затем отдачей во власть безграничного насилия — Югославии, Албании, Польши, Болгарии, Румынии, Чехословакии, Венгрии, Восточной Германии. Третью Мировую потому не узнали, что она вошла в мир не как прежние — не с посылки громогласных разрывных пот, не с налётов тысяч бомбардировщиков — она вступила в мир вкрадчивой невидимкой, она ввинтилась в его рыхлое тело под псевдонимами — то демократических преобразований при 100%-ном единодушии народа; то холодной войны, то мирного сосуществования, то — стабилизации положения, то — признания реальностей, то — разрядки, то — торговли (к усилению наступающего противника). В попытке любой ценой избежать Третьей Мировой войны — Запад **именно** её и впустил в мир, дал разорить, покорить два десятка стран и совершенно изменить вид Земли.

Когда теперь мы оглядываемся на эти 30 лет — мы видим их как долгий извилистый спуск — только спуск, только вниз, только к ослаблению и упадку. Могущественные западные державы, победительницы в двух первых мировых войнах, в этот **мирный** 30-летний период только ослаблялись, только теряли союзников — реальных или возможных, роняли их уважение к себе, только отдавали беспощадному врагу — территории, население, великий много-

людный Китай — своего крупнейшего союзника во Второй Мировой войне, Северную Корею, Кубу, Северный Вьетнам, теперь и Камбоджу, вот на грани Лаос, Таиланд, Южная Корея, Израиль, в ту же пропасть неотвратно уносится Португалия, бессильно ждут своей участи Финляндия, Австрия, не способные защищать себя и справедливо не надеясь на защиту со стороны. Уж не перечислить тут мелких стран Африки или Аравии, ставших марионетками коммунизма, и многих других, даже европейских, спешащих угодливым заискиванием продлить своё существование. И ООН, не только не удавшаяся, но самая дурная демократия Земли, игрушка безответственных сил, стала эстрадой для высмеивания Запада, отразила в себе это крутое падение мощи его.

Итак, если державы-победительницы превратились в держав побеждённых, отдавших в сумме столько стран и столько населения, сколько не отдавалось ни в одной капитуляции, ни в одной войне человеческой истории — то не метафора сказать: Третья Мировая война — **уже была** — и закончилась поражением.

Сегодня, когда расстрелом тысяч и тысяч, пленением миллионов и созданием новых необъятных концлагерей трагически кончается вьетнамская, самая видимая и самая долгая битва этой войны, не так легко вспомнить, вообще уставал ли Запад когда-нибудь где-нибудь за эти 30 лет? Оказывается — да, три давних случая было таких: Греция в 1947, Западный Берлин в 1949 и Южная Корея в 1950. Эти случаи внушали надежду и веру в Запад. Но прочтите все эти три названия сегодня: какое из этих мест имеет реальную силу выстоять дальше против порабощения? Кто защитит их в момент угрозы? какой сенат ратифицирует посылку им оружия и помощи? кто не предпочтёт своё спокойствие их свободе? Существует ли еще Атлантический пакт, уже почти потерявший 4 страны? Когда отважный Израиль насмерть защищался в круговую — Европа капитулировала поодиночке перед угрозой сократить воскресные автомобильные прогулки.

Еще два-три таких славных десятилетия мирного сосуществования — и понятия «Запада» не останется на Земле.

Третья Мировая война вонзилась в самое податливое место Запада: в то свойство человеческой природы, что при благополучии хочется продолжать его любым самообманом и уступками. От этого и радость подписать всякое новое соглашение (как будто хоть одно выполнялось Советским Союзом дольше, чем оно было ему выгодным). Вот скоро на «конференции 35» страны Западной

Европы охотно увековечат рабство своих восточных сестёр — и будут мнить, что укрепили мир.

Я описал положение так, как оно ясно видится любому среднему человеку Востока, от Познани до Кантона. Но еще много мужества надо западному сердцу, но еще много напряжения надо западному взгляду, чтобы увидеть и признать это, такое ясное: методическое неуклонное победное разлитие насилия и крови из одного центра по всему земному шару вот уже скоро 60 лет. Пройтись по карте и увидеть те следующие страны, которые намечены в жертву.

Конечно, никто не может требовать от Запада защищать Малайю, Индонезию, Тайвань или Филиппины, и даже никто не смеет упрекнуть его за отказ. Но те юноши, которые отказались переносить тяготы и страхи далёкой вьетнамской войны — быть может, еще не выйдя из боевого возраста, лягут — еще они, даже не их сыновья, — лягут за саму Америку, но уже поздно и бесполезно.

Опоздано спрашивать: как избежать Третьей Мировой войны? Надо найти трезвость и мужество остановить Четвёртую. Остановить, а не валиться на колени.

А. И. СОЛЖЕНИЦЫН ВО ФРАНЦИИ

За истекшие шесть месяцев А. Солженицын дважды посетил Францию, сначала в конце декабря-начале января, в первую очередь с целью опросить свидетелей февральской и октябрьской революций, затем в конце марта, в связи с выходом на французском языке книги „Бодался теленок с дубом“.

Во второй свой приезд А. Солженицын дал пресс-конференцию, а также выступил в телевизионной передаче, которую смотрели до 15 миллионов зрителей. Судя по устным и печатным откликам, телевизионная передача произвела на французского зрителя ошеломляющее впечатление. Ниже мы приводим полностью или в выдержках наиболее значительные из откликов, появившихся во французской печати.

Французское телевидение, как это принято для таких передач, показало нам Солженицына в окружении нескольких журналистов. Но разнозвучие поражало в этот раз тем более, что было оно совсем исключительное. Со своим могучим спокойствием, ясным лицом и представительной бородой Солженицын невольно казался тем самым дубом, с которым бодался теленок — название книги, о которой он нам тогда говорил.

Говорил он по-русски, не повышая тона, выражение его лица осталось бесстрастным, а собеседники его казались все напыщенными, начиная с Жана Даниеля: он же оставался самим собой, но был все же немного сконфужен, что впрочем, легко было понять.

Страшные испытания, пережитые Солженицыным, придавали ему тем больший вес, что сам он не извлекал из них никакой для себя выгоды. Ничто не нарушало его скромности. Он хотел нас убедить, что тренированный человек может легко сохранить в своей памяти содержание задуманных им книг, когда он лишен права писать. Он также говорил об огромном количестве получаемых им писем, не сознавая как будто своей собственной славы. Ни разу он не дал почувствовать, что выступает в качестве «знаменитого писателя», а между тем внешность его напоминала то Достоевского, то Толстого. И ясно было, что ни одной секунды он не подумал

лично о себе. Его занимало только одно: всеобщая тьма, мировая бессмыслица и торжествующее Зло. В книгах своих он описал ужасы советского мира. А по поводу Китая он подчеркнул нашу неосведомленность, и я вспомнил совет Андре Бертелло: «Не говори никогда о Китае. Те, кто это делает, говорят одни глупости».

А. И. Солженицын в Покровском монастыре в Бюсси опрашивает А. П. Севрюгина, бывшего белого партизана.
(29 декабря 1974 г.)

Солженицын упрекает Запад в необъяснимой его инфляции, непростительной, по его мнению, там, где царит изобилие. «Вы не умеете ограничить себя» говорит он. Экономисты будут конечно спорить об этом. Лично я думаю, что Солженицын преувеличивает наше корыстолюбие, потому что он недооценил еще нашу страсть ко всевластию. Ведь в нашем обществе производство определяет не спрос потребителей, а наоборот, побуждает людей на потребление, для того, чтобы больше производить...

Прав Солженицын, когда видит во всем этом Грех, господствующий над безумным нашим человечеством. И хотя он и не сказал ничего о Боге, я чувствовал, что он непрестанно думал о Нем. Великан Солженицын — новый пророк, вестник большого религиозного движения, которое — я убежден в этом, как и Мальро, — охватит человечество еще до XXI века, завершая тем самым эру безудержной индустриализации, которую я застал на своем

веку. Слишком уж стало ясно усталым моим глазам, что пришла для нее пора решительного замедления, а может быть даже и самого конца.

Эмманюэль Берль
(Экспресс).

Я ЛЮБЛЮ СОЛЖЕНИЦЫНА И ВЕРЮ ЕМУ

Мне кажется, что я неплохо разбираюсь в литературе. Это мое ремесло. И не боюсь сказать, что я сужу о ней с такой же осведомленностью, как плотник судит о работе по дереву. Я сумею отличить мастера от ученика. Равным образом (хотя это гораздо труднее), я смогу узнать и гения. Конечно, они не появляются каждый год, ни даже каждое десятилетие, но вот появился один — Солженицын.

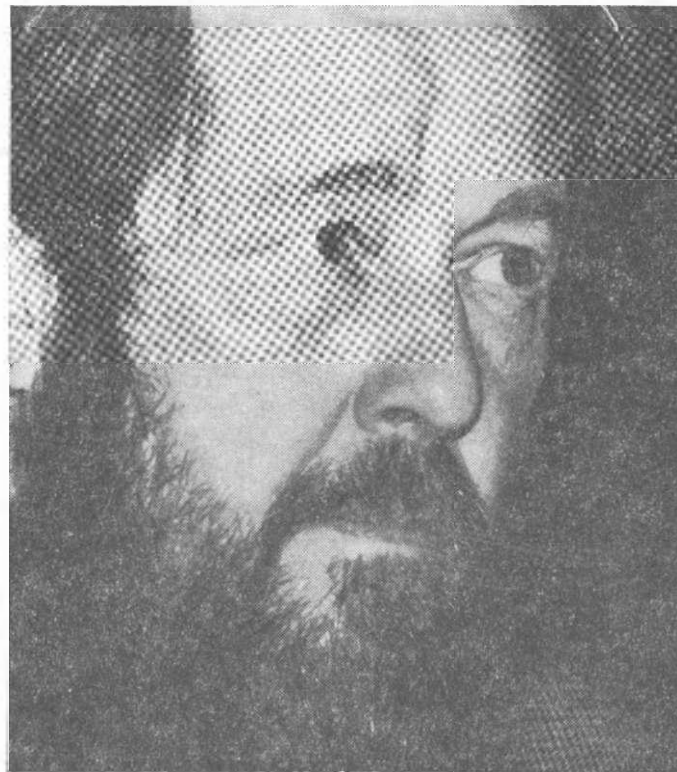
Некоторые читатели моих заметок доверяют мне. Их дружеские письма мне это доказывают еженедельно. Им я и советую настоятельно сейчас же купить «Бодался теленок с дубом». Они с восхищением узнают, что Солженицын не только человек большого сердца и мужества, но и прекрасный художник, подстать Достоевскому, т. е. так же одаренный свыше всеми талантами: полнотой, тонкостью, иронией, юмором и музыкальностью стиля (которая сохраняется даже в переводах).

Признак великого писателя, отличающий его от писателя просто «хорошего» или «человека таланта», заключается в пламенном и непрестанном искании правды, которой он и посвящает всю свою жизнь. Правды человеческой, правды общественной и правды мировой. Но нет и ничего более опасного. Почему? Да потому, что человек, видящий и провозглашающий правду, преследует только одну цель: делать добро людям, освободить их, указать им где гибель и удержать их от нее. А это то, что люди прощают меньше всего. Они любят только тех, кто им лжет или причиняет зло. Такими они восхищаются, преданы им и преклоняются перед ними, воздают им почести и воздвигают троны. Как лягушки в басне, желавшие иметь короля и не успокоившиеся до тех пор, пока Юпитер не послал им журавля, который их всех проглотил...

Солженицын взялся за такое огромное дело, что можно и не заметить, какой за ним скрывается художник, а именно — изобразить величайший обман XX столетия, показать, что комму-

низм, владеющий половиной земного шара, не что иное, как тирания, подобная всем тираниям, которые прошли по земле, и наверное, еще более жестокая. В его представлении нет в настоящее время другой более существенной истины, о которой следует непрестанно твердить человечеству.

Photo Chito. Copyright Seuil.

А. И. Солженицын на пресс-конференции в Париже (10-IV-75)

Разве не чудо видеть, как одинокий человек одним только своим пером противостоит полутора миллиардам фанатиков и почти такому же количеству равнодушных людей. Наш мрачный, невежественный и варварский XX век будет по крайней мере свидетелем одного из самых потрясающих сражений духа против насилия...

Жан Дютур
(Пари Матч)

СЛОВО СОЛЖЕНИЦЫНА

Достоевскому, вернувшемуся из Мертвого Дома, кто предложил бы в качестве собеседника царского бюрократа или подвластного этой бюрократии? Сожалеем об отсутствии члена коммунистической партии на собеседовании со Солженицыным по телевидению, Жан Даниель обрекал себя на неблагоприятную роль. Солженицын не политик, даже если его речи, книги, жизнь являются политической реальностью, со всем весом, данным ей страданием и гением. Его убеждения выше политики, потому что они исходят от личности сверхобычной, потому что, в конечном итоге, они — эта вера в свободу, эта безусловная отдача себя истине — духовного порядка.

Требую от автора **Ракового корпуса**, чтобы он высказал свое мнение по злободневным вопросам, директор **Нувель Обсерватер** низводил беседу до уровня партийных прений.

Кто ведет на Западе **ту же борьбу**, что Солженицын? Ответ несложен, поскольку вопрос неуместен. Вести ту же борьбу мог бы только тот, кто посмел бы помериться с таким же врагом, пошел бы на риск длинного путешествия по концентрационному миру, кто в сходных испытаниях почерпнул бы непобедимую силу противостояния адской машине. Статей, книг за независимость Алжира мы написали немало, и не должны об этом жалеть. Но и гордиться этим мы не имеем права, когда соприкасаемся с автором **Ивана Денисовича**.

Суждения Солженицына о Вьетнаме, о Португалии или о Чили, конечно, оспариваемы, быть может изгнанник и ошибается. Режим Салазара оставил 50% населения неграмотным; чилийские генералы злоупотребляют репрессиями и пытками; военные и коммунисты построят в Португалии больше заводов и откроют больше школ, чем вчерашние ее правители. Северовьетнамские коммунисты, по крайней мере, положат конец войне. Все это очевидно и Солженицыну. Но он вызывает смятение и возмущение, потому что он бьет по самому чувствительному месту западной интеллигенции, там, где она жмет: если Вы соглашаетесь на большой ГУЛаг, говорит он им, откуда Ваше добропорядочное возмущение по поводу малых? Лагеря остаются лагерями, каков бы ни был их цвет, будь он бурый или красный.

Вот уже больше 50 лет, как западная интеллигенция отказывается вникать в этот вопрос. Раз навсегда она положила, что есть хорошие лагеря, а есть и плохие. Лагеря, преобразованные свято-

стью знамени, и другие, просто себе лагеря. Вся западная интеллигенция в разной степени впадает в эту ошибку, когда пытается найти причины, чтобы извинить одних и отлучить других. Левая интеллигенция впадает в эту ошибку еще ярче, в меру того ГУЛага, который она тщила отрицать как можно дольше, — самого огромного из всех, запрятого в тени режима, заявляющего себя самым человечным в мире.

Между тем, чья мысль сосредоточена на объединении левых и на заботе сотрудничать со своими товарищами-коммунистами, — и ээком игра была неравная. Но я не знаю ни одного француза, кто не был бы раздавлен величием Солженицына. И я полагаю, что вопреки всему, миллионы телезрителей восприняли его слово, слово любви, веры, надежды, освещавшее лицо и взгляд его и его самого.

Раймон Арон
(Фигаро)

За час с небольшим А. И. Солженицын всех взволновал и смутил: французскую общественность он поразил в сердце, а левых в голову.

Кто хотел узнать, что такое «благодать» — столь поруганное в наши дни понятие, должен был смотреть Солженицына по телевидению, что и сделало большинство французов, имеющих телевизор.

(...)

Жан Даниель
(Нувель Обсерватёр)

- Первым крупным событием этого года, после общеправославного съезда в Дижоне, на котором приняли участие члены нашей организации, был киносеанс, устроенный 19-го ноября: на нём было показано два исключительных фильма об А. И. Солженицыне — телехроника о его первых неделях в Европе, начиная с прилёта на Франкфуртский аэродром и кончая поездкой в Норвегию, а затем часовое интервью данное им в июле 1974 г. американской телекомпанией CBS. Несмотря на общую забастовку, в частности транспорта, зал был полон, и фильм позволил русским в Париже познакомиться с А. И. Солженицыным лицом к лицу.
- На Рождественских каникулах был устроен зимний лагерь для подростков и детей старше 12 лет в немецких Альпах, в занесённом снегом доме на 1600 м. Молитва (в лагерь приезжал из Парижа о. Петр Чеснаков), прикладное искусство, пение, посиделки, лыжный спорт, посещение Берхтесгадена и соляных приисков сплотили лагерщиков и позволили им провести время с максимальной полнотой.
- Вернувшись, начали усердно готовиться к Елке Движения, которая состоялась 2-го февраля. Балалаечный оркестр, танцы, постановки разных отрядов были в этом году на хорошем уровне.
- Месяц спустя, 2-го марта, театральная группа РСХД, под руководством В. П. Субботина, поставила «Чайку» А. Чехова. Пьеса эта едва ли не самая трудная для постановки, но тем не менее спектакль прошел с большим успехом, собрав до 500 зрителей.
- В течение всего года шла работа (по воскресеньям) юношеских отрядов, а, у старших, богословского кружка. В Фомино воскресенье состоялась Пасхальная встреча юношеского отдела. Присутствовало 70 человек детей. Некоторые из них на параде получили степени младшего, среднего и старшего дружинника, к которым готовились серьезно и усердно. Будем надеяться, что юные деятели и в дальнейшем останутся верными организации и продолжат работу старших.

- Традиционный весенний съезд на католическую Троицу прошел в этом году менее удачно, несмотря на яркую тему: «Свет во тьме — Христианство сегодня» и на прекрасные доклады А. Краснова-Левитина (опыт России), о. Муссе (кризис Церкви с точки зрения католичества), прот. А. Князева и архим. Амфилохия. Разные мероприятия, устроенные в то же время в Париже, помешали многим присутствовать на съезде. Жаль!
- С большой самоотдачей около 50 членов Движения от мала до велика включились в уличный национальный сбор денег в пользу детских колоний (собранные членами организации поступают в лагерную кассу организации). В этом году сбор был ещё успешнее, чем в прошлом и перевалил за 13.000 новых франков.

М. Стахович.

НОВАЯ ОПАСНОСТЬ УГРОЖАЕТ ДВИЖЕНИЮ

Большинство мероприятий Движения себя окупают или целиком или в значительной мере (лагерь, «Вестник», Елка, съезды и т. д.), но Движение всё же должно располагать некоторой суммой для оплаты секретарской работы, канцелярских расходов и éventуально для покрытия тех или иных дефицитов (так в 1974 г. образовался дефицит у «Вестника»...). До сих пор мы получали регулярно от Всемирного Совета Церквей субсидию — от 15.000 до 20.000 фр. в год, которая позволяла нам жить. Года три тому назад Всемирный Совет Церквей собирался эту субсидию прекратить, но просьбы и протесты с разных сторон позволили её восстановить. Однако Всемирный Совет Церквей сообщил, что в 1976 году он сведет свою субсидию до 8.000 франков, а в 1977 г. будет вынужден её целиком прекратить. Хотя субсидия и не очень большая, но она тем не менее для Движения была и остаётся необходимой. Кроме кружкового сбора, который идет целиком на лагерь, членских взносов и субсидии на Вестник (увы не позволивший окончить год без дефицита), у Движения нет никаких статей прихода.

А работа Движения должна продолжаться! Обращаемся ко всем членам и друзьям Движения с призывом увеличить членские взносы, изыскивать меценатов или средства. Движение снова под серьезной угрозой, от нас зависит не дать ему погибнуть.

Ред.

Русское Студенческое Христианское Движение за рубежом имеет своей основной целью объединение верующей молодежи для служения Православной Церкви и привлечение к вере во Христа равнодушных к вере и неверующих. Оно стремится помочь своим членам выработать христианское мировоззрение и ставит своей задачей подготовить защитников Церкви и веры, способных вести борьбу с современным атеизмом и материализмом.

Р.С.Х.Д. утверждает свою неразрывную связь с Россией. Наша принадлежность к русскому народу и к Русской Православной Церкви налагает на нас духовные обязательства, независимо от того, мыслим ли мы себя временными изгнанниками-эмигрантами или решили связать свою жизнь с другой страной. Подлинная русская культура неотделима от Православия: поэтому в хранении и продолжении ее мы видим наш долг. Мы видим наш долг также в свидетельстве перед миром о подлинном лице России, в напоминании о страданиях русского народа.

"РУССКАЯ МЫСЛЬ" « LA PENSÉE RUSSE »

Главный Редактор: Зинаида ШАХОВСКАЯ

"РУССКАЯ МЫСЛЬ" - самая большая русская еженедельная газета на Западе. Она выходит в Париже, каждый четверг на 12-ти страницах.

Адрес РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ:

« La Pensée Russe », 217, rue du Fg Saint-Honoré, 75008 Paris

Tél. : 824-96-47 ; 766-21-83 ; 227-05-79

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: (во франц. франках)

	3 мес.	6 мес.	12 мес.
ФРАНЦИЯ.....	35	64	116
ЗАГРАНИЦА	39	70	130

Почтовый счет: С.С.Р. 5883-44 Paris

Цена отдельного номера 3 фр.

Liminaire	
THEOLOGIE, PHILOSOPHIE	
Un christianisme pour tous — P. Serge Jeloudkov (U.R.S.S.)	5
Lettre aux amis — † M. Novosclov (U.R.S.S.)	17
Les portes de l'Eglise — † N. Afanassiev (Paris)	25
De la réalité transcendante — N. Arseniev (U.S.A.)	43
Cantique spirituel — Saint Jean de la Croix (traduction de V. Perelechine)	48
CINQUANTENAIRE DE LA MORT DU PATRIARCHE TIKHON	
Extraits des souvenirs du P. A. Rojdestvenski	57
Trois épitres pastorales du patriarche Tikhon	71
Communication du patriarche Tikhon au Comité Exécutif du Parti	78
Trois lettres privées inédites	88
Sermon sur le patriarche Tikhon — P. Serge Boulgakov	91
Les derniers jours du patriarche — E. Bakounine	97
PROBLEMES D'EGLISE	
(Autour de la Lettre d'Alexandre Soljénitsyne au Concile de l'Eglise Hors Frontières)	
Lettre du métropolite Philarète	108
Réponse du métropolite Irénée	110
Lettre pastorale de Mgr Antoine de Genève	112
CHRISTIANISME ET JUDAISME	
Tentatives de mission orthodoxe parmi les Juifs — M. Agourski (U.R.S.S.-Israël)	117
Lettre à l'éditeur — Henri Volokhonski (U.R.S.S.-Israël)	139
DOCUMENTS POUR SERVIR A L'HISTOIRE DE LA CULTURE RUSSE	
Souvenirs sur N. Berdiaev — P*** (U.R.S.S.)	142
Où et quand est mort le P. Paul Florenski ? — Lettre à l'éditeur (U.R.S.S.)	151
LITTERATURE ET VIE	
Nouveaux vers — Joseph Brodski	155
Nouvelles pages pour le tome I de « l'Archipel » — A. Soljénitsyne	164
Chansons napolitaines — Osip Mandelstam	183
Le monde des livres :	
V. Voïnovitch : Ivan Tchonkin — N. Mouravina	188
Introduction aux « Souvenirs » — E. Guertsik	201
Bibliographie de L. Chestov	203
LES DESTINEES DE LA RUSSIE	
Aux carrefours spirituels de la revue « Continent » — *** (U.R.S.S.)	204
De l'interdiction de l'Eglise du Christ en U.R.S.S. — ZZ (U.R.S.S.)	217
Hommes et faits :	
Lettre ouverte au Politbureau — P. Gleb Iakounine	219
Une maison d'édition chrétienne en U.R.S.S.	221
Liste des baptistes emprisonnés en U.R.S.S.	227
Le Gulag aujourd'hui : Dans les camps de Mordovie — B. Penson (U.R.S.S.)	234
PROBLEMES POLITIQUES ET SOCIAUX	
Troisième guerre mondiale ? — A. Soljénitsyne	255
A. Soljénitsyne en France (échos de la presse française)	258
CHRONIQUE DE L'A.C.E.R.	264

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От Редакции	3
БОГОСЛОВИЕ, ФИЛОСОФИЯ	
Христианство для всех — свящ. Сергей Желудков (СССР)	5
Письмо к друзьям — † М. Новосёлов (СССР)	17
Врата Церкви — † Н. Афанасьев (Париж)	25
О всепревосходящей реальности — Н. Арсеньев (США)	43
Духовная песнь — Хуан де ля Круз (перевел Валерий Перелешин) ..	48
ПАМЯТИ ПАТРИАРХА ТИХОНА (к 50-летию со дня смерти)	
Из воспоминаний прот. А. Рождественского	57
Три послания патриарха Тихона:	
от 19 января 1918 г.	71
от 8 октября 1919 г.	73
от 1 июня 1923 г.	75
Заявление патриарха Тихона в ВЦИК от 30 сентября 1924 г.	78
Три неизданных частных письма патриарха Тихона	88
Слово о патриархе Тихоне — прот. Сергей Булгаков	91
О последних днях патриарха Тихона — Е. Бакунина	97
ВОПРОСЫ ЦЕРКВИ	
(Вокруг письма А. Солженицына Собору "Зарубежной Церкви")	
— Письмо митр. Филарета	108
— Ответ митр. Иринея	110
— Послание архиеп. Антония	112
ХРИСТИАНСТВО И ИУДАИЗМ	
Вольские кантонисты — Михаил Агурский (СССР - Израиль)	117
Письмо в редакцию Апри Волохонского (Израиль)	139

	Стр.
МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ	
Н. А. Бердяев по личным воспоминаниям — П*** (СССР)	142
Когда и где умер свящ. Павел Флоренский? (Письмо в редакцию из СССР)	151
ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ	
Памяти Т. Б. (Стихи) — Иосиф Бродский	155
Дополнение к Архипелагу ГУЛагу — Александр Солженицын	164
<u>Из литературного архива</u>	
Неаполитанские песенки — Осип Мандельштам	183
<u>В мире книг</u>	
В. Войнович: Иван Чонкин — Н. Муравина (СССР - Париж)	188
Ненапечатанное предисловие к воспоминаниям — Е. Герцык	201
Библиография Л. Шестова	203
СУДЬБЫ РОССИИ	
<u>В порядке дискуссии</u>	
Духовные переутья "Континента" — *** (СССР)	204
О запрещении христианской Церкви в Сов. России — ZZ (СССР) ..	217
<u>Люди и факты</u>	
Открытое письмо в политбюро ЦК КПСС — Свящ. Глеб Якунин (СССР)	219
Христианское издательство в Советской России — (СССР)	221
Имена баптистов-инициативников, находящихся в заключении в СССР	227
ГУЛаг сегодня: Из жизни Мордовских лагерей — Б. Пенсон (СССР)	234
ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОСТИ	
Третья мировая?.. — А. Солженицын	255
А. Солженицын во Франции (отклики во французской печати)	258
Хроника Р.С.Х.Д.	264

ИЗДАТЕЛЬСТВО YMCA-PRESS

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН

LES ÉDITEURS RÉUNIS

11, rue de la Montagne Sainte-Geneviève, 75005 Paris

Téléphone : ODE. 74-46 et ODE. 43-81

●●●● ТРЕБУЙТЕ НАШ КАТАЛОГ НА 1975 ГОД ! ●●●●

Отец Дмитрий ДУДКО

О НАШЕМ УПОВАНИИ

(Беседы - Москва 1974)

«Исключительно интересный и ценный апологетический труд». Беседы о. Д. Дудко, проводимые после богослужений с верующими всех возрастов и сословий, отвечают на вопросы христианского понимания жизни.

Книга о. Д. Дудко является ярким документом религиозного возрождения в современной России.

282 стр. Цена: 33 фр./8,35 дол.

ВСХСОН

**Всероссийский Социал-Христианский
Союз Освобождения Народа**

**ПРОГРАММА - СУД - В ТЮРЬМАХ И ЛАГЕРЯХ
СБОРНИК**

Основной целью этой организации было создание «подпольной армии освобождения, которая свергнет диктатуру и разгромит охраняемые отряды олигархии». «Диктатуре бюрократии» коммунистов ВСХСОН противопоставляет видение христианского общества.

224 стр. Цена: 33 фр./8,35 дол.

Лев ШЕСТОВ
НА ВЕСАХ ИОВА
(Странствия по душам)

Второе издание.

Одна из лучших книг Л. Шестова — о непостижимости Провидения и о глубоком трагизме судьбы человека. Содержание книги богатое, разнообразное (исключительно интересна статья о Достоевском).

414 стр. Цена: 55 фр./13,75 дол.

«ЖИТЬ НЕ ПО ЛЖИ»

Москва 1974.

Сборник, посвященный выходу «Архипелага ГУЛага» в Париже в 1973 г. Сборник был составлен в России и пущен в Самиздат в марте 1974.

208 стр. Цена: 33 фр./8,35 дол.

Александр СОЛЖЕНИЦЫН
БОДАЛСЯ ТЕЛЕНОК С ДУБОМ
очерки литературной жизни

Рассказывая о своем поединке с советским государством, автор растворяет своё «я» в идейной и духовной жизни страны и воссоздает облик постсталинской России.

632 стр. Цена: в мягк. переп. 48 фр./12 дол.
в тверд. переп. 54 фр./13,50 дол.

В магазине **LES ÉDITEURS RÉUNIS** имеется большой выбор книг Богословско-философского содержания (в том числе и переиздания редких русских книг), богослужебных книг, учебников, и зарубежных новинок. Имеется также отдел книг на французском языке и отдел пластинок.

ТРЕБУЙТЕ НАШ КАТАЛОГ НА 1975 ГОД !

ВЕСТНИК

Издание Русского Студенческого Христианского Движения

XXXIX-й год издания

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ВЕСТНИКА

В Австралии: — М. Solovey, « Our word », P.O. Box 178, Potts point,
N.S.W. 2111 Sydney, Australie.
— Mrs B. Szobovits, 11 Dianden ave., Marden.
West Australie.

В Америке: Mrs Ludmila Toman, 85, Tobey Road, Belmont, Mass.
02178, U.S.A.

San Francisco: Mrs Olga Raevsky-Hughes, 1418, 24th Ave. San Fran-
cisco, Calif., 94122, U.S.A.

В Англии: Keston College, Nethfield Rd, Keston, Kent BR, 6BA.

В Израиле: Michel Agoursky, Mevaseret, Merkaz-Klita 26a. Zion.

В Швеции: Bishop S. Timtchenko. — Box. 19027, Stockholm, 19,
Suède.

IMPRESSIONS INTERNATIONALES
18-20, rue du Faubourg du Temple
PARIS-XI

Directeur responsable: Nikita STRUVE.

Tous droits de traduction réservés.